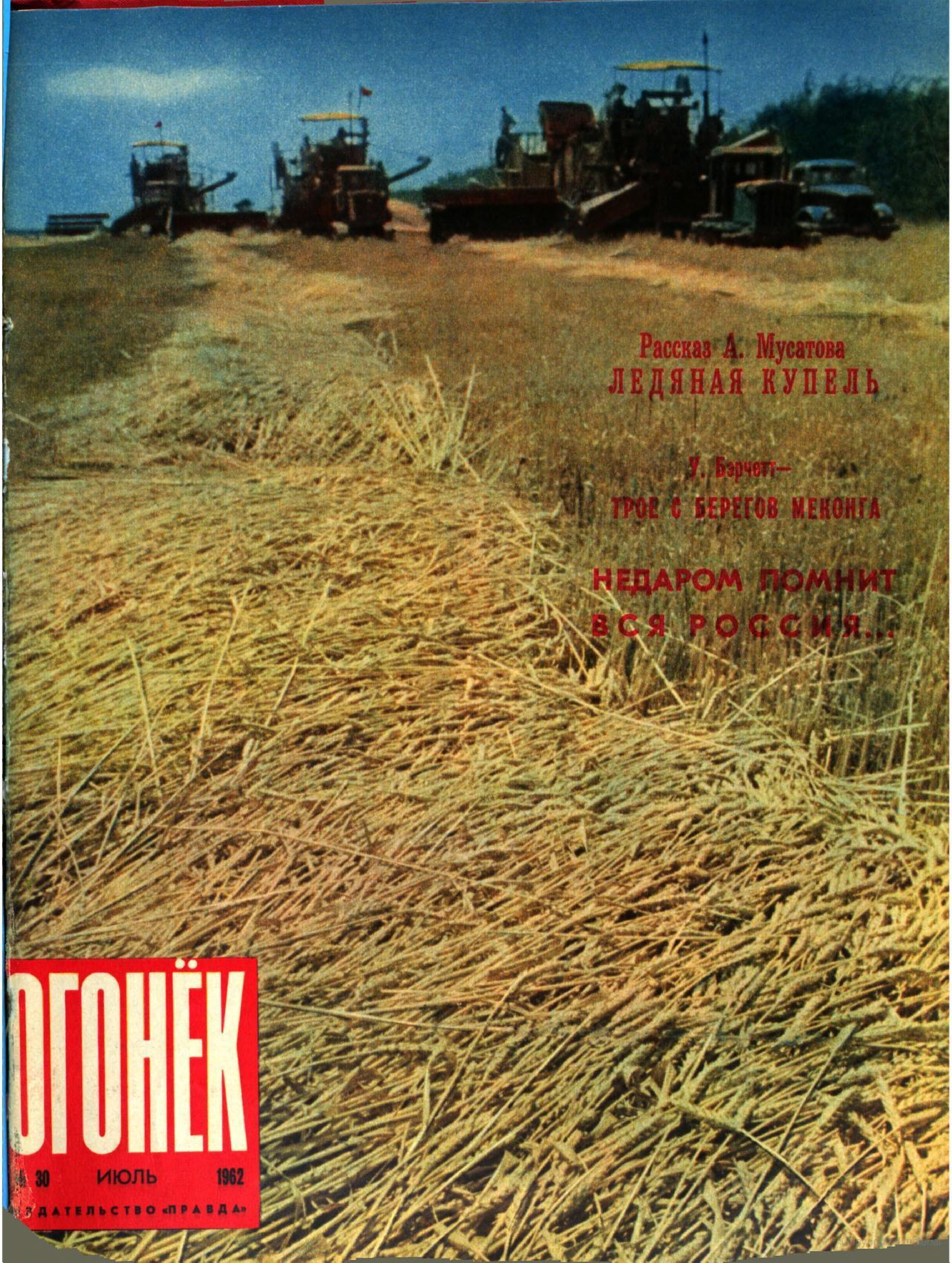
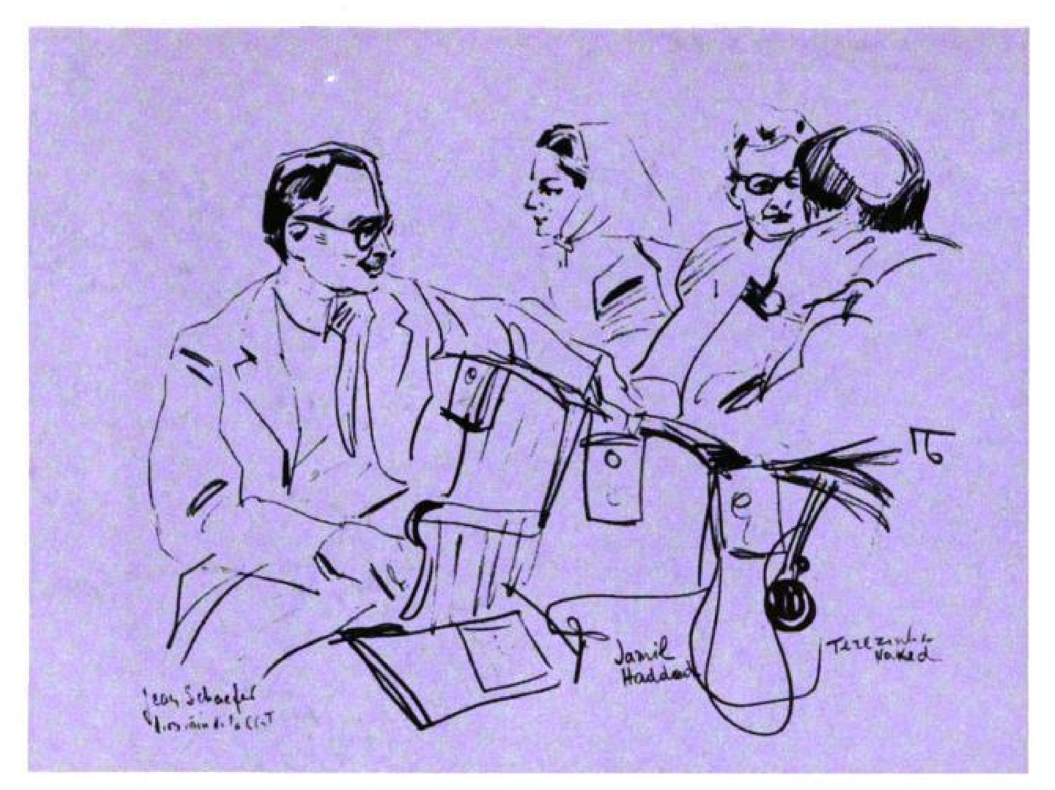

Рассказ А. Мусатова
ЛЕДЯНАЯ КУПЕЛЬ
У. Бэрчетт—
ТРОЕ С БЕРЕГОВ МЕКОНГА
НЕДАРОМ ПОМНИТ
ВСЯ РОССИЯ...
ОГОНЁК
№ 30 ИЮЛЬ 1962
ЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Перед началом заседания. Слева — Жан Шеффер, секретарь ВКТ (Франция), в центре — актриса Терезинья Накед и писатель Жамил Хаддад (Бразилия).
Рисунок П. Бунина.

ДЕЛЕГАТЫ ВСЕМИРНОГО КОНГРЕССА

Нде Нтумаза — делегат из Камеруна.
Рисунок А. Яр-Кравченко.

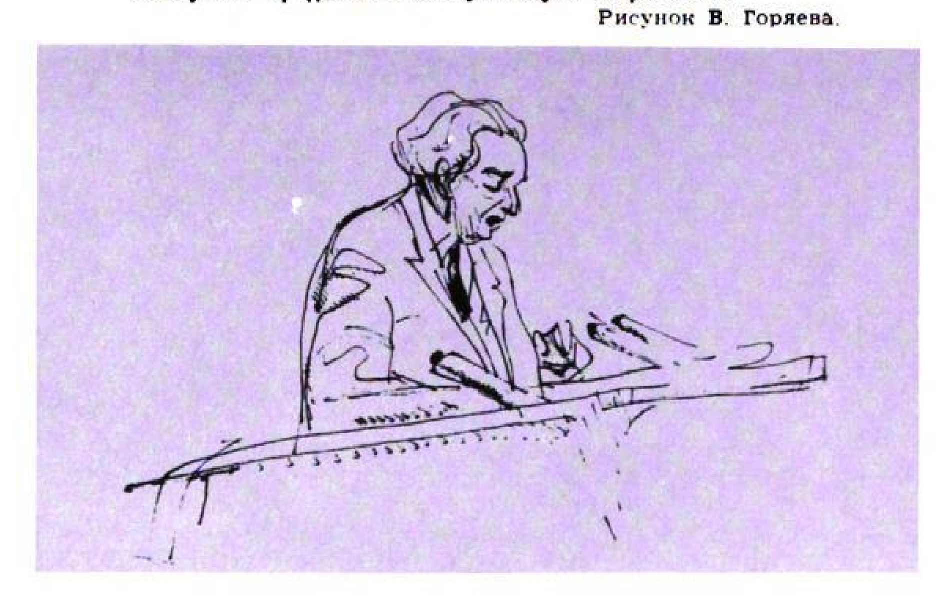
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 30 (1831)
22 ИЮЛЯ 1962
40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

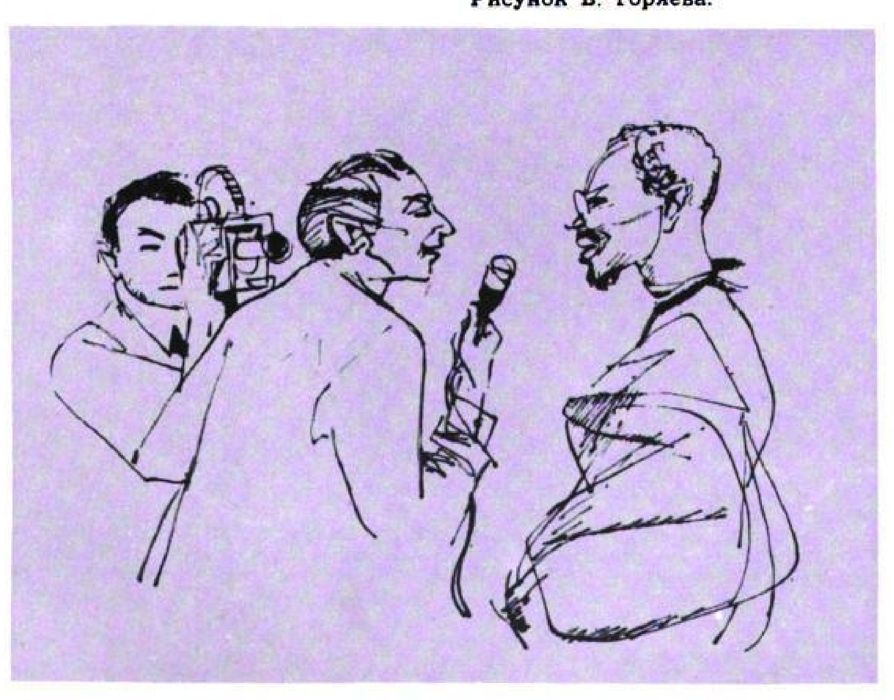
Выступает представитель Кубы Хуан Маринельо.
Рисунок В. Горяева.

Джон Уинн, фермер из Новой Зеландии.
Рисунок П. Бунина.

Во время перерыва. Интервью.
Рисунок В. Горяева.

Делегат Сенегала.
Рисунок А. Яр-Кравченко.

Сениха Османова из Болгарии.
Рисунок П. Бунина.

Конгресс голосует: за мир без оружия, мир без войн!

Фото Дм. Бальтерманца и Я. Рюмкина.

ПУТИ НАДЕЖДЫ, ПУТИ БОРЬБЫ

Американский физик Уиллард Либби, один из апостолов гонки вооружений, соорудил в своем доме атомное убежище и принимал в нем гостей, которым подавали дистиллированную воду в закупоренных бутылках, «чтобы обстановка казалась более реалистической». Либби с гордостью говорил, что его «атомный погреб» может выдержать любую катастрофу. Закончилась вся эта история весьма примечательным образом: убежище было разрушено во время пожара. Обычного пожара, не атомного. Мистеру Либби повезло: в момент, когда это случилось, его в убежище не было...

Мы вспомнили историю Уилларда Либби и его нелепого детища, когда встретились в фойе Кремлевского Дворца съездов с американскими делегатами Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир. Высокая седая женщина раздавала участникам конгресса голубые картонные листки, на которых крупными буквами было написано: «Наше единственное убежище — МИР!».

Мир! Короткое и удивительно емкое слово. На разных языках поразному звучит оно. На конгрессе мы слышали, как это слово произносили на десятках языков. И радостно было думать, что ширится изо дня в день география великой человеческой солидарности в борьбе за жизнь, за мир без оружия, без войн.

Справочники дают ответ на вопрос, какое расстояние между Токио и Москвой. Немалый путь — около девяти тысяч километров. Этот путь проделал, чтобы приехать на конгресс, токийский механик Хиройя Накадзава, один из руководителей Японского комитета сторонников мира. Но в каком справочнике прочтешь, сколько километров прошел Накадзава по земле своей родины, участвуя в походах за мир?

Двадцать два миллиона человек — это число участников прошлогоднего похода. Двадцать два миллиона!

Люди шли день за днем, и ничто не могло остановить их — ни дождь, ни ветер, ни полиция.

— Однажды,— рассказывает Накадзава,— к нам подошла старая

женщина. Она вела за руку пятилетнего внука. «Если походом можно предотвратить войну, я готова идти,— сказала она.— Но мне не выдержать долгого пути. Пусть мой внук пойдет с вами, хотя бы до края деревни...»

В Москву Хиройя Накадзава привез знамя профсоюза работников связи. Это знамя — красное, выгоревшее полотнище на бамбуковом древке — он доставил в Москву как подарок советским борцам за мир. В руках участников похода 1961 года знамя проделало путь в 1300 километров. Каждый, кто нес его, привязывал к древку белую полоску материи с каким-нибудь лозунгом. «Единство», «Долой ядерные бомбы», «За всеобщее разоружение» — вот что написано на матерчатых полосках.

Знамя останется в Москве, как свидетельство единого стремления к миру японского и советского народов. А Накадзава возвращается на родину, чтобы продолжать борьбу.

— Я уезжаю в отличном настроении,— сказал он,— Я очень высоко оцениваю результаты конгресса. Конечно, принять резолюцию легче, чем претворить ее идеи в жизнь. Но конгресс придал нам еще большую уверенность в своих силах. Нам придется немало потрудиться. Японским борцам за мир часто бывает нелегко. Но хотя борьба и трудна, мы добьемся победы. Верю в это.

...Седая борода, сверкающие глаза, черное торжественное облачение. Делегат конгресса Нифон Саба, митрополит Захлы и Баальбека. Один из виднейших поэтов, пишущих на арабском языке.

Мы спрашиваем, каково мнение митрополита по вопросу о представительности Московского конгресса.

— Владыка говорит,— переводит нам его секретарь,— что если бы все люди, которые хотели сказать в Москве свое слово в защиту мира, сумели приехать сюда, то Москва не могла бы их вместить, хотя это очень большой город. Сторонников мира — многие миллионы. И они послали сюда своих достойных представителей.

В вестибюле гостиницы «Москва» мы встретились с двумя английскими рабочими, делегатами конгресса. Айнди Уилсон и Джордж Тэйлор — представители Объединенного профсоюза машиностроителей Великобритании.

— Каковы ваши планы по возвращении домой? — спросили мы.

— Прежде всего я выступлю во всех отделениях профсоюза в том районе, где работаю,— ответил Джордж Тэйлор.— В течение ближайших шести месяцев мне предстоит выступать около ста пятидесяти раз.

— Я тоже буду рассказывать о конгрессе,— сказал Айнди Уилсон.— Мои товарищи должны узнать, каким мощным является сегодня всемирное движение за мир и как оно растет и крепнет. Конгресс потряс меня своей грандиозностью и своим единодушием.

Уилсон и Тэйлор рассказали, что в сентябре английское правительство намеревается провести по всей Англии военные учения, инсценирующие ядерное нападение на Британские острова.

— Эти учения,— усмехается Тэйлор,— должны показать англичанину, что, если ядерная бомба упадет на него, его тело будет бережно положено на носилки и отнесено куда следует. А мы хотим в эти дни выйти на улицы и сказать Англии: «Нам нужно разоружение, а не подготовка к ядерной войне».

Пути надежды и борьбы, которыми идут народы мира, сошлись в эти исторические дни в зале заседаний Московского конгресса. И вся планета услышала набат конгресса, набат разума и доброй воли.

«Когда отдельные ручьи, из которых складывается движение против угрозы термоядерной войны, сольются в один общий поток, его сила будет неодолимой,— говорил в своей речи на конгрессе Никита Сергеевич Хрущев.— Подобно весеннему половодью разольется этот поток по всем континентам и сметет со своего пути препятствия, мешающие осуществлению всеобщего и полного разоружения».

Бороться. Действовать.

С такими мыслями покидали советскую столицу участники волнующей ассамблеи мира.

«От всех нас зависит, когда наступит день освобождения человечества от угрозы ядерной смерти» — это слова из принятого конгрессом Послания к народам мира.

От всех нас, под каким бы небом мы ни жили, каких бы взглядов ни придерживались.

Только всеобщее и полное разоружение навсегда вычеркнет из человеческого лексикона слово «война».

Конгресс проголосовал за мир без оружия, мир без войн.

Это голосовало Человечество.

Г. ГУРКОВ,
А. СЕРБИН

НА КОНГРЕССЕ МИРА

Джон Бернал.

Рисунок П. Караченцова.

Член индийского парламента Каке Календер.

Рисунок В. Высоцкого.

На встрече женщин.

Рисунок Н. Жукова.

Бразильский художник.

Рисунок Н. Жукова.

Н. С. Хрущев посетил строительство Борисоглебской ГЭС. На снимке: Н. С. Хрущев беседует с норвежским рабочим Михальсеном.

ЗАПОЛЯРЬЕ ПРИВЕТСТВУЕТ ДОРОГОГО ГОСТЯ

Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев посетил Мурманскую область. Н. С. Хрущев побывал на строительстве Борисоглебской ГЭС, беседовал с норвежскими рабочими, строящими станцию, ознакомился со строительством Ждановского рудника горнообогатительного комбината.

В Мурманске в честь прибытия Н. С. Хрущева состоялся многолюдный митинг. Никита Сергеевич встречался с трудящимися города, знакомился с работой рыбопромышленных предприятий. Глава Советского правительства принял участие в совещании работников рыбной промышленности Мурманской области.

На рыболовном траулере «Котлас» Н. С. Хрущев беседовал с работницей Раей Сушковой.

Н. С. Хрущев совершил поездку по Кольскому заливу, где стоят только, что прибывшие из дальнего рейса рыболовецкие суда, наблюдал строительство нового рыбного порта.

Фото Дм. Вальтерманца.

ТРУД—ИСКУССТВО—МИР

Л. СТЕПАНОВ

На этом концерте все было необычным. Многие из тех, кто находился в зале, никогда не видели таких артистов: талантливых энтузиастов искусства, по профессии металлургов, кондитеров, агрономов, ткачих, медиков, учителей, трамвайщиков... Их было несколько сот, гигантская сцена порой казалась тесной от этого вдохновенного прибоя молодости и красоты.

В зале — представители 120 народов. Концерт, как и сам конгресс, был всемирным.

Для многих был необычным и сам хрустальный дворец, где проходил концерт. Он открывал свои двери и министрам и рабочим, в

«Мы все за мир!». Финал концерта.
Фото Я. Халипа.

Состязание красок, темпераментов, танцевальных форм.

Перед всемирной аудиторией...

«Нет! Нет! И еще раз нет!». Фрагменты из балета «Хиросима».

Последний полк на земле. Веселый полк трубачей разных стран.
Фото С. Гурария.

нем чествовали и величайших ученых и трудолюбивейших землеробов, в нем даже чужеземец всегда чувствует себя празднично и уютно.

Но самым восхитительным и самым волнующим было то, что артисты и зрители — разные по культуре, убеждениям, социальному положению и возрасту — легко понимали друг друга, горячо солидаризировались в большом общем чувстве. Чувство это — воля к миру, желание дружить, всегда понимать друг друга так, как было в этот незабываемый вечер.

...На огромном экране проходят документальные кадры прошлой войны. От авиабомб осыпаются этажи жилых домов, танки калечат хлебное поле, гибнут люди... А перед экраном молодые, смелые, честные, крепко взявшись за руки, на языках конгресса говорят: «Нет! Этого допустить нельзя!» И конгресс единым дыханием отвечает: «Нет!»

Неожиданно поднимается экран. За ним синее небо, доброе солнце и дети, много детей. Они под музыку делают на морском берегу утреннюю гимнастику. Потом начинается праздник. Дети поют, танцуют, весело маршируют, играют. В пылающий костер летят макеты атомных бомб, танков, пушек. Зал восторженно аплодирует. Потому что эта картина, может быть, наиболее полно выражает идею желанного мира. Кто-то из французской делегации громко произносит: «Скажи мне, как ты воспитываешь детей, и я скажу, кто ты». Потом эти слова прозвучали с трибуны конгресса.

Много в этом концерте было прекрасного и незабываемого: народные песни, исполненные на английском, немецком и испанском языках москвичами и рижанами, оперные арии, художественная гимнастика спортсменов «Буревестника», «Труда», «Спартака», фрагменты из трагического балета «Хиросима» и марш «Бравых трубачей», показанные ленинградским народным театром оперы и балета, веселые, оригинальные номера ложечников из Калинина и гармонистов из Саратова, красивый самобытный голос Э. Шевченко и хореографическая шутка «Русские сувениры» машиностроителей из города Кирова. Всеобщий восторг вызвала танцевальная симфония — иначе ее не назовешь — «Счастье и мир — в дружбе народов». Ее создали одиннадцать национальных ансамблей. Это было захватывающее, восхитительное соревнование красок, мелодий, темпераментов, танцевальных форм. Потрясла композиция «Бухенвальдский набат». Пел объединенный хор, бушевала адская печь, и узники, восставшие из пепла, взывали к людям: «Берегите мир!» Поновому прозвучала известная песня Дунаевского «Летите, голуби»: в это время на экране в безоблачном небе летели белые голуби над Лондоном и Парижем, над Нилом и Янцзы...

Вновь и вновь гремели аплодисменты. Из зала на разных языках слышались возгласы восторга: «Браво!», «Великолепно!», «Я никогда не видела ничего подобного!», «Изумительно!», «Чудо!».

Главное чудо свершилось в конце, когда на сцену вышли все исполнители. В одно мгновение не стало артистов и зрителей. Прорвало последнюю перемычку условности. На сцене стоял сам советский народ — мужчины, женщины, дети. Они вдохновенно пели «Мы все за мир». Люди в зале все как один поднялись. Им всем тоже нужен мир. Тысячи сияющих глаз. В них слезы восторга, решимость бороться, клятва верности общему делу. Тысячи поднятых рук. Под высокими сводами Кремлевского дворца билось единое сердце.

Яков НЕМЧИНСКИЙ

Фото М. МУРАЗОВА.

В ЖЕШ

— Панове, прошу оставить портфели в гардеробе. Так заведено у нас,— решительно сказала нам панна Бася, дежурный администратор кафе «Космос — Гагарин» в городе Жешуве.

— Но мне, возможно, понадобится бумага — записать что-нибудь интересное о вашем кафе. Видите ли, я журналист.

Панна Бася лукаво улыбается.

— О, вряд ли так будет! Слушая музыку Шопена, вы забудете даже ваш кофе...

Панна Бася была права. В этом большом и уютном зале властвовал гений Шопена. Чарующие звуки ноктюрна отрешали от всего, что было за пределами кафе. Люди сидели, охваченные чувством благоговения и восторга. И всё молодежь — обычно порывистая, бурливая, громкоголосая, которую называют «современной», которую кое-кто подозревает в том, что она якобы не признает ни старой школы живописи, ни классической поэзии, что она не понимает Мицкевича, Монюшко, Огинского.

Посидели бы эти скептики здесь хоть полчаса!

Я был в этом небольшом городе летом 1944 года, когда шло наступление Советской Армии. Город был основательно искалечен войной, следы хозяйничанья гитлеровцев обнаруживались на каждом шагу. Теперь, спустя восемнадцать лет, я не узнал Жешува. Кафе «Космос — Гагарин» — это лишь одна очень небольшая черточка нового города.

В центре индустриальной Силезии, в небольшом городе Гливице, есть «Клуб международной книги и печати». Мне пришлось выступать там с рефератом о польской литературе в СССР. Надо было видеть, с каким интересом, с каким глубоким вниманием слушала молодежь информацию об изданиях в СССР произведений польских классиков и современных писателей. Битком набитый зал живо реагировал на каждое новое сообщение о жизни Страны Советов, с радостью узнавал о новых достижениях своего великого соседа.

Если в бывших глухих районах Польши, таких, каким был Жешув, идет процесс обновления человека, то о столице Варшаве и говорить не приходится.

...17 января 1945 года, перейдя Вислу по льду, мы увидели разрушенный, сожженный город. Снег был черным от пепла. В руинах, занесенных снегом, виднелись человеческие тела...

Но нельзя убить сердце польского народа, польскую мысль, польскую культуру. Столицу восстанавливал весь народ, вся страна. Особенно горячо и плодотворно трудилась молодежь.

Сейчас Варшава прекраснее, чем была когда-то. Это современный город, где архитектура, сохраняя национальные черты, смело шагнула в будущее. Протянулись прямые, широкие магистрали с красивыми домами, расцвела красавица Маршалковская улица, появились сотни удобных, современных магазинов. Одним из самых популярных стал магазин с ласковым русским именем «Наташа». Здесь продают советские товары.

Отпадает все то наносное, что шло с Запада. Быстро растет свое, здоровое, прочное. Главное в новой Польше — это то, что огромное большинство граждан, особенно польская молодежь, студенчество, правильно выбрали свой путь.

Это путь строительства социализма, строительства своего рабоче-крестьянского государства, которое обеспечит людям счастье.

Варшава. Молодежь назначает встречи у памятника Шопену.

Отсюда так хорошо видны родные места!

УВЕ И ВАРШАВЕ

22 июля — Праздник национального возрождения Польши

Молодежь восстанавливает города, разрушенные войной.

Магазин «Наташа» на Маршалковской улице.

Юные варшавяне.

Не все ли равно, где плясать, — на сцене или на полянке? Звучала бы только гармонь для юношей и девушек из Воронежского народного ансамбля песни и пляски

ЯЗЫК ДРУЖБЫ

Л. БИРЧАНСКАЯ

Фестивальные поезда, нарядные и торжественные, уже стоят на московских путях. Советская молодежь и молодежь многих стран, чей путь лежит через нашу страну на звонкий праздник в Хельсинки, скоро заполнит вагоны. Поезда увезут с собой девушку-строителя с Братской ГЭС и шахтера из Донбасса, молодого председателя подмосковного колхоза и веселых музыкантов из Баку, рижских студентов и танцоров из Тбилиси. Сейчас члены советской делегации собрались в Москве. Однако они почти не видят друг друга, потому что одни репетируют художественную программу; другие у себя в номере обдумывают выступления: им участвовать на интернациональной встрече молодежи по профессии. Третьи осматривают Москву, ее музеи. А москвичи еще работают. В поезде уж все соберутся вместе, все познакомятся, и фестиваль здесь начнется с первых оборотов колес.

У парня с Минского тракторного, возможно, завяжется обстоятельный разговор с ленинградским скрипачом. Ему, конечно, любопытно, кто из советских певцов и музыкантов едет в Хельсинки на конкурс. Правда, фамилии исполнителей известны пока что не многим. Это молодежь из театров и консерваторий Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Украины, Узбекистана... Но как знать, что будет через несколько дней! Может быть, звание лауреата и вместе с ним популярность?..

Не сомневаемся, в фестивальном поезде будут исправно гореть все настольные лампы и работать все репродукторы. Но случись какая-нибудь заминка, парни и девушки из Воронежского народного ансамбля песни и пляски вмиг навели бы порядок: они все учатся в технических училищах.

Этому ансамблю всего четыре года. Народный артист СССР Игорь Моисеев назвал его новорожденной звездочкой среди исполнителей современных русских танцев.

Мы пришли на репетицию ансамбля. Сценой оказался спортивный зал одного из московских училищ. И хотя танцоры были не в концертных костюмах, мы увидели нарядное, красочное представление. В каждом номере, будь то «Егорка-щеголек», или «Кукуруза», или «Утушка луговая», столько юмора, лукавства, игривости, что без улыбки смотреть невозможно.

Руководитель ансамбля заслуженный артист РСФСР А. П. Шестак, который сам закончил ремесленное училище, работал токарем, к молодым артистам очень требователен. Во время репетиций он то и дело хлопал в ладоши, просил снова повторить танец.

Этим манипуляциям Борис Амарантов научился в училище циркового искусства. Он окончил его буквально на днях. Вместе с Борисом перед гостями и хозяевами в Хельсинки выступит труппа молодых циркачей. Ну, разумеется, с Олегом Поповым.

Нынешнее лето для киноактрисы Жанны Прохоренко будет летом двух фестивалей. На одном она будет в роли Кати в фильме «Венский лес», который расскажет о фестивале в Вене, а на другой приедет сама. Вы видите Жанну во время съемки одного из кадров фильма.

Для артистов эстрады на Московском авторемонтном кузовном заводе придумали хитроумный автобус. И сцена всегда под рукой и артисты... всегда на высоте.

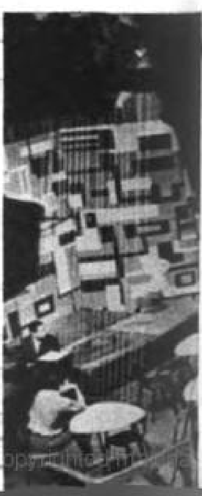

Фото А. БОЧИНИНА.

ПОНЯТЕН ВСЕМ

В другом зале — консерваторском — репетировал струнный оркестр студентов Московской консерватории. Он еще моложе Воронежского ансамбля — ему полгода. Музыканты не скрывают: они очень волнуются. Это их первые гастроли... Но сорок музыкантов играли так, будто всю жизнь выступают вместе, — профессионально и слаженно. Недавно виднейший американский композитор Самуэл Барбер, когда он гостил в Москве, сказал руководителю оркестра народному артисту Армянской ССР профессору М. Н. Тэриану: «В вашем коллективе заложена виртуозность». И спросил, что исполнит оркестр на фестивале. Из уважения к хозяевам праздника «северную» программу: сюиту Грига, романс Сибелиуса, народные исландские и норвежские песни. На фестиваль отправляется и струнный оркестр Московской консерватории.

Когда фестивальный поезд прибудет в Хельсинки, его пассажиры отправятся на красавец теплоход «Грузия», который бросит здесь якорь, чтоб стать домом советской делегации. По эскизам группы московских художников — ее возглавляет заслуженный деятель искусств Б. Г. Кноблок — теплоход празднично разукрасят. И каждый раз, когда в Хельсинки придет вечер, у берега зажжется золотая пятиконечная звезда, и разноцветными огнями засветится теплоход «Грузия». Московский художник Виктор Попков в восторге от такого жилища. Он сделает там, вероятно, не один морской этюд!

Не так давно Виктор побывал в Сибири и на целине. У него появились сотни знакомых, он увидел тысячи лиц. А через некоторое время парни, которые прокладывают в тайге дороги и строят плотины, стали знакомы по картинам Попкова не только советским зрителям, но и зрителям Венгрии, Японии, Аргентины, Кубы. Несколько картин, в то время когда их автор поедет на фестиваль, отправятся на Международную выставку в Италию.

У армянских артистов Государственного ансамбля народного танца тоже немало друзей на белом свете. Они исколесили с концертами не одну советскую республику и зарубежную страну. А в Ливане убедились, что могут быть к тому же отличными педагогами: учили своим танцам артистов местного танцевального коллектива. В Финляндию едет только женская группа ансамбля. На этот раз девушки сами примутся разучивать аргентинскую самбу, финскую польку или английский чарльстон.

Язык дружбы понятен, как улыбка, как хорошая песня, каждому, кто мечтает о жизни без войн. За мир на земле поднимут голос юноши и девушки Восьмого Всемирного фестиваля!

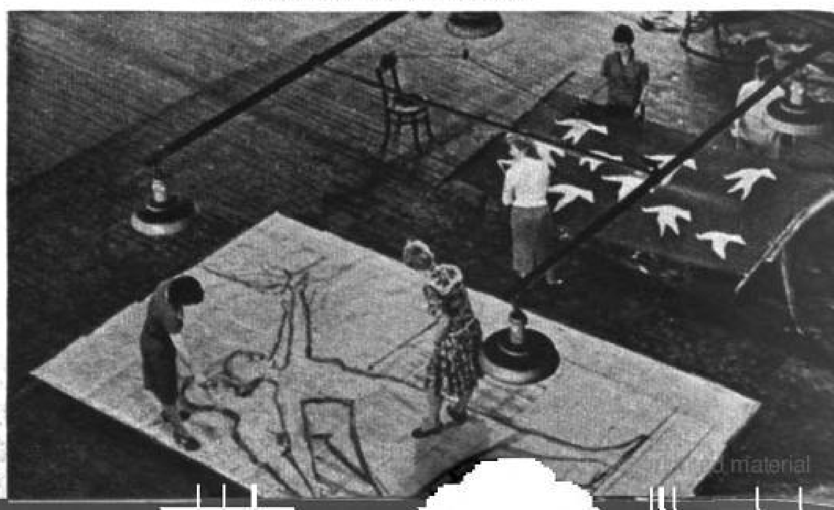
В один из павильонов Московского телевидения пришли студенты Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Они тоже едут на фестиваль.

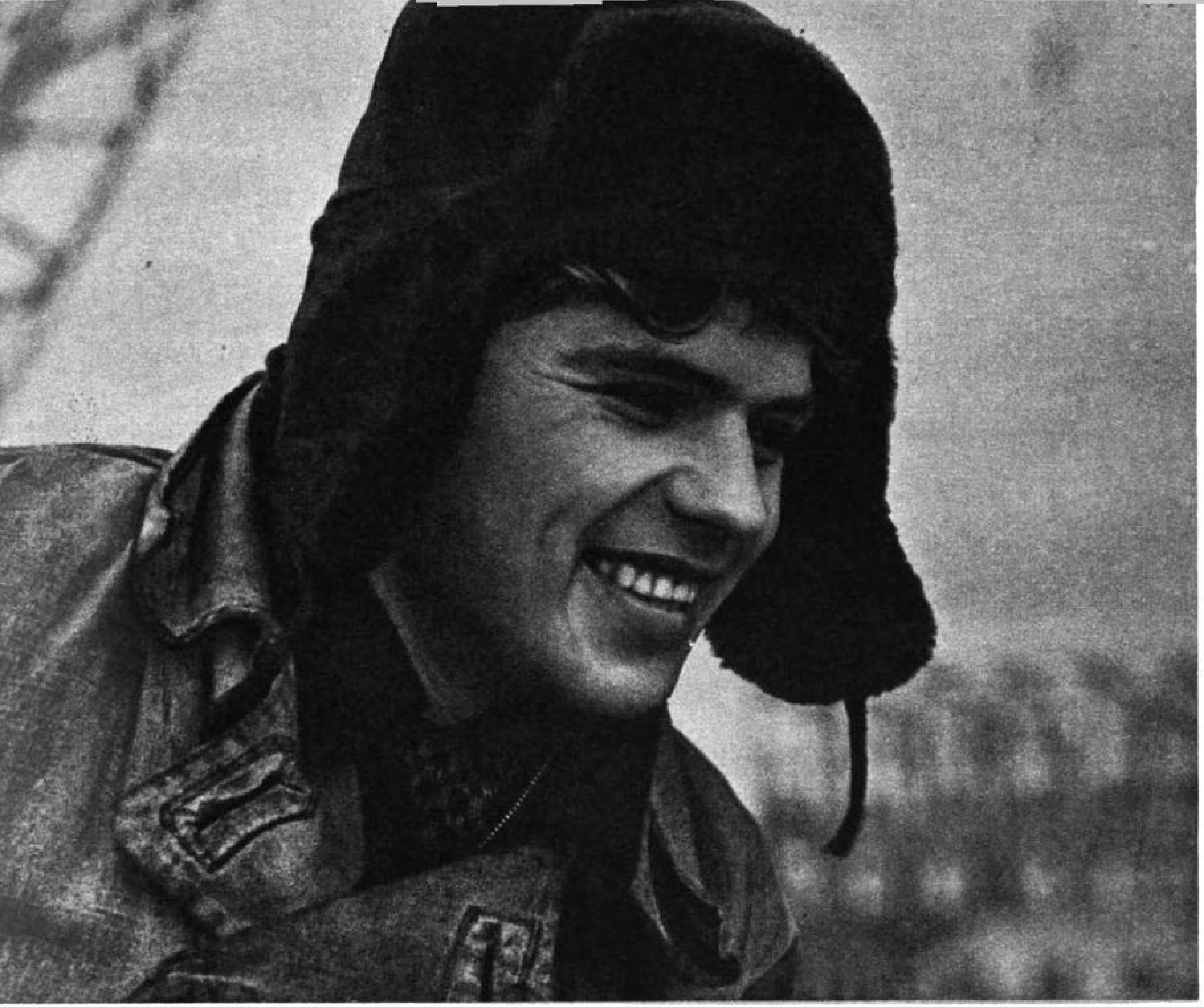

Столичная полиграфическая фабрика № 14 посылает в подарок финским ребятишкам маленький сюрприз — бумажные разноцветные игрушки.

На долю Художественных мастерских Большого театра выпала немалая работа: костюмы для участников самодеятельности, декорации, панно, с которыми выйдет на стадионе в Хельсинки советская делегация.

Геннадий Кулибаба. Фото Ф. Косинца.

ТВОИ СТРОИТЕЛИ, КОММУНИЗМ!

Романтика — это надежно!

Михаил ЗЛАТОГОРОВ

Место это называлось сначала «41-й километр», потом стали говорить «Поселок строителей» и, наконец, утвердилось: «Заполярный».

...В отдаленном суровом районе Кольского полуострова, среди сглаженных ледниками каменистых сопок, где нет преград ветрам и где долгие зимние месяцы без устали свирепствуют метели, наши геологи открыли богатейшее месторождение никелевой руды. Правительство решило построить в этой географической точке механизированный рудник, крупную обогатительную фабрику (самую северную в Европе) и городок для рабочих.

Площадка была выбрана. В заполярную горную тундру стали съезжаться добровольцы с комсомольскими путевками. Особенно много юношей и девушек прибыло из Ленинграда. В ту пору, осенью 1956 года, часть добровольцев еще жила в палатках.

Рядом с моей койкой на двух кирпичах стояла самодельная железная электропечка. Трудно было слабо розовеющим спиралям нагреть комнату, особенно когда неистовый ветер насквозь продувал стены щитового домика. Все же к вечеру в комнате становилось тепло. Если в этот вечер в клубе не крутили картину, не танцевали под радиолу, если не было занятий в вечерней школе и не устраивалось собрание, мои друзья-комсомольцы заглядывали ко мне. Мы пили чай с вареньем из морошки и обсуждали широкий круг вопросов: от положения в Египте и новинок советской литературы до качества хлеба в поселковой столовой.

В те вечера жарких споров, смеха и душевных излияний меня как-то особенно заинтересовал один из добровольцев — Геннадий Кулибаба.

Нечто забавно-противоречивое сквозило во всем облике этого невысокого ладного паренька — ленинградца с украинской фамилией. Серые красивые глаза, пушистые ресницы, длинные, как у девушки, а голос неожиданно густой, басовитый. Был упрям в споре, самолюбив, но мог растрогаться от неожиданно влетевшей в сутолоку дня музыкальной мелодии. Раз пришел он с работы злой, усталый, раздраженный, не хотел разговаривать. Кто-то включил приемник. Ленинград передавал «Пиковую даму», ариозо Германа. И я вдруг увидел, как хмурь сошла с лица Гены — он вступил в беседу и был в этот вечер в ударе.

Характерной черточкой его была ненависть ко всякому обману. Он передразнивал приезжавших на стройку торопливых фотокорреспондентов: «Повесьте в столовой занавесочки, я сейчас сфотографирую...» Не любил шустрого неискреннего Корпачевского.

Тот выискивал любой повод, чтобы только отлучиться с работы в плотницкой бригаде: то вызовется съездить за питьевой водой, то за газетами, то скажется больным. «Филон,— угрюмо говорил Гена.— Хвастается, что дядя — прокурор, рос в светском обществе. А сам: «Добей за меня гвоздь».

Семья Кулибабы жила на ленинградской окраине — в районе Пороховых. Отец работал слесарем на Охтенском химкомбинате, там же начинал трудовую биографию и сам Геннадий, токарем. Но токарный станок не пришелся ему по душе («нудная работа, всё на одном месте»). Ему не было еще восемнадцати, но он уже упорно искал самостоятельности. До смерти надоела постоянная опека родных, материнские упреки: почему не учишься, почему специальность не приобретаешь? Потому с такой охотой и поехал на Север.

Как-то Геннадий спросил меня:

— Почему писатели пишут по шаблону? Сначала герой плохой, потом хороший. Коллектив, дескать, исправляет. Начало прочитаешь — конец знаешь... Или вот еще пишут, что рабочего интересует только честь завода. Вранье. Рабочего интересует и хорошо заработать. Будут плохо платить — он перейдет на другой завод.

У электропечки в тесном кругу сидела в тот вечер и маляр Люся Васильева, бывшая работница ленинградского завода «Вперед», самая боевая из всех девчат, член комсомольского бюро стройки. Высказывания Кулибабы не понравились ей.

— С такой психологией, Генка... можно и дезертирство со стройки оправдать.

Кулибаба вспыхнул:

— Захочу отсюда уехать — не спрошусь!

Но он никуда не уехал.

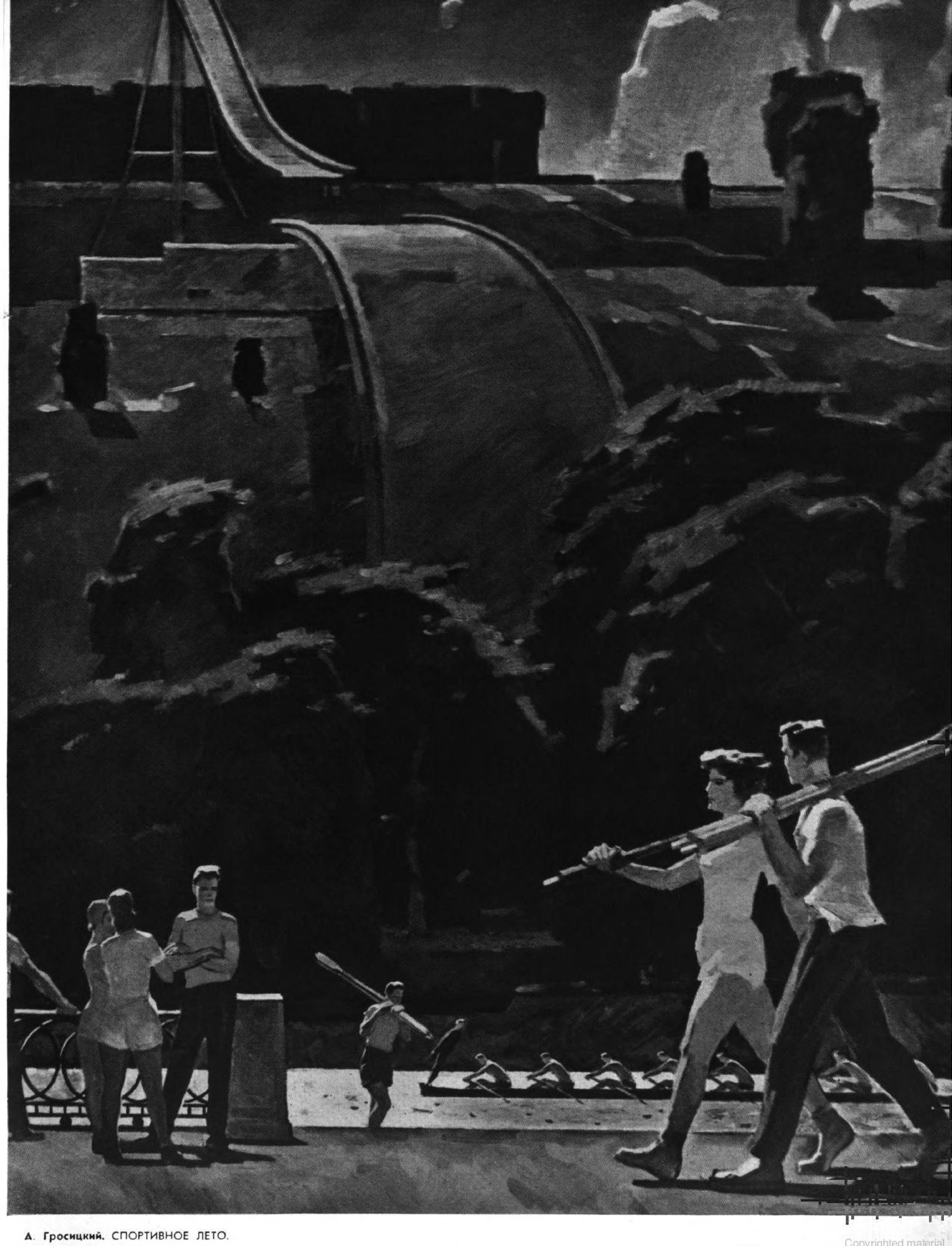
Вместе с другими парнями, постепенно овладевая плотницким ремеслом, он продолжал строить, вязать щитовые дома, частенько поругивая мастера за то, что тот «плохо закрывает наряды». Вообще был настроен критически. Нашлось, впрочем, дело, которому он стал отдавать все свое свободное время.

Еще в Ленинграде Кулибаба мечтал научиться играть на духовом инструменте. «Раз принес домой альтушку,— вспоминал он с усмешкой,— как рявкнул, так меня тут же погнали из комнаты».

На одну из первых получек приобрел он кларнет и музыкальный самоучитель. Я знал, что Геннадий постоянно носит в кармане спецовки разлинованные бумажки с нотными знаками. Бумажки он развешивал возле своего рабочего места и запоминал, на какой линейке какая стоит нота.

Вместе со своим земляком Кимом Смирновым Геннадий взялся организовать при клубе оркестр. Парни написали письма на свои заводы, и письма не остались без ответа: из Ленинграда пришли посылки с инструментом, нотами.

Холодный клуб частенько пу-

А. Гросицкий. СПОРТИВНОЕ ЛЕТО.

Р. Галицкий. У ФИНИША.

К. Казанчан. ФУТБОЛИСТЫ.

стовал. Но когда бы ни прошел я вечером мимо низенького дощатого клубного здания, оттуда неизменно доносились нестройные звуки разучиваемых оркестровых пьес. Что и говорить, долго слушать эту какофонию было невозможно. Гена Кулибаба, Ким Смирнов и другие любители стоически дули и дули в трубы посиневшими от холода губами... Зато на вечере в честь годовщины Октября оркестранты потрясли все население Заполярного — с таким блеском исполнили они и «Турецкий марш» и «Амурские волны» с вариациями.

...Зимой 1958 года в Москве я получил письмо от Кулибабы. В обратном адресе поселок Заполярный, Мурманской области, не был указан.

С неким стесненным чувством я начал читать письмо. И сразу отлегло от сердца.

Геннадий писал, что его призвали в армию и он сейчас служит в артиллерийском дивизионе.

Рассказывал, как в Заполярном устроили им, призывникам, вечер проводов: «Возвращайтесь достраивать город!» Было это в декабре, стояла полярная ночь. Когда автобус тронулся, он смотрел в заднее окошко машины и долго видел огни двух первых каменных домов. «Состояние мое было печальное»,— писал Гена.

Дальше он доверительно сообщал, что его направили, как комсомольца-передовика, в школу сержантов. Но он сначала сдрейфил. Слыхал, что в школе требования особенно строги. Ему казалось, что он не справится, хотел даже подавать рапорт, чтобы перевели обратно в рядовые. Но потом стиснул зубы, решил больше не колебаться, а «поломать свою натуру»...

Это было единственное письмо от Кулибабы. Что стало с ним дальше, я долго не знал.

...Недавно мне пришлось снова побывать в памятных местах Крайнего Севера, с которыми распрощался более пяти лет назад.

Раньше на стройку добирались только на машинах по петлистым небезопасным дорогам, пробитым в сопках. Теперь я мог ехать прямым сообщением из Москвы (через Мурманск) до самой станции Заполярная.

Так и значилось на вывеске скромного чистенького нового станционного здания, возле которого в поздний час остановился поезд.

Взволнованный, вышел я из вагона.

Ночь, подсвеченная то ли далекими электрическими огнями, то ли отблесками полярного сияния, встретила величавой северной тишиной. Знакомо убегали вдаль, наперерез цепи холмов, плечистые стальные опоры линии высоковольтного напряжения.

Вместе со мной сошел с поезда пожилой колхозник из Смоленской области. Встретил его сын — инженер стройки. Мы вместе добирались три километра до поселка, и я слышал, как инженер по дороге объяснял дорогому гостю:

— Обогатительная фабрика... Стройбаза...

Автобус повернул, и мы вдруг увидели четырех- и пятиэтажные корпуса. Кое-где еще светились окна.

— А это, батя, наш Заполярный. На этом месте одни камни были. Камни, мхи да лишайники...

— Страсти! — шептал старик.

Утром неистово сияло солнце. Над крышами домов торчали кружочки и сетки телевизионных антенн. Дома были прихотливо окрашены в разные цвета: кремовый, голубой, желтый. Только что законченное здание новой больницы выделялось строгой белизной.

Я позавтракал в просторной, залитой светом столовой, оборудованной не хуже, чем оборудованы такие же современные столовые самообслуживания на больших заводах Москвы, Ленинграда. По соседству, в киоске «Союзпечати», я смог купить вчерашние московские газеты.

Мне не к чему что-либо приукрашивать. Я видел, что клуб как был деревянный, тесный, так и остался (хотя к нему сделана пристройка). Видел, что остался недостроенным спортивный зал — давняя мечта комсомольцев Заполярного. И школа рабочей молодежи все еще помещается в бараке, и почти все старые щитовые домики попрежнему лепятся на склоне сопки, и в них живут люди. Но этому было и объяснение. Только в 1961 году, так сообщили мне в поселковом Совете, в Заполярном было зарегистрировано 487 рождений и 189 браков. Хотя выросли целые улицы каменных домов, но хорошего жилья для всех все еще не хватает.

Возле детсада играли ребятишки.

И самое радостное для меня было в том, что среди папаш и мамаш этих ребятишек я встретил многих старых друзей — добровольцев 1956 года!

Не всех. Это правда. Кое-кто изменил мечте. Но все же основное ядро сохранилось, сохранилось вопреки предсказаниям унылых скептиков: «Разлетятся ваши романтики...»

Говорили еще о добровольцах: «Молодежь — они ничего, но... не строители». Нет! Доказали, что строители.

Одной из первых встретил я Люсю Васильеву. Теперь уже фамилия ее не Васильева, а Мазукаева. Люся вышла замуж за товарища по работе, водителя Бориса Мазукаева. Он по национальности лезгин, променял родные дагестанские горы на сопки Кольского полуострова, как Люся — Выборгскую сторону на стройку в тундре. Растят двух сынишек — «наших джигитов»,— Илью и Юрика.

Люся пополнела, выглядела солидней. Две комнаты квартиры Мазукаевых красиво убраны. Что же, коренные северяне неплохо зарабатывают, и этому тоже радуешься.

Я спросил Люсю, оставила ли она работу. Нет. Одно время, когда дети были совсем маленькими, временно перешла в клуб, была кассиршей, а теперь опять вернулась на производство. Борис помогает по хозяйству. Она теперь член партии,— ответственности еще больше. Избрана в правление клуба. А клуб — хоть помещение и прежнее, но дела совсем другого масштаба. Драмкружок превратился в народный театр, ставят Островского и Корнейчука. Духовой оркестр стал эстрадным ансамблем...

— Постой, постой! — сразу вспомнил я о Кулибабе.— А Гена здесь?

— А где же ему быть?! — засмеялась Люся.— Теперь уже на саксофоне играет... С осени шестидесятого опять у нас. Возмужал — не узнать! Знаете, как он приехал из армии? Мне Ким Смирнов, его дружок по оркестру, рассказал. Ночь. Все спят. Вдруг стук в дверь. Открывает — знакомый милиционер, комсомолец Женя. «Что, испугался? — усмехается Женя.— Привел к тебе одного типа. Слоняется по поселку, тебя ищет...» «Да кто?» «Смотри, не узнаешь? Кулибаба приехал!» А Генка стоит, переминается на пороге, но в дом почему-то не идет. И говорит смущенно: «Со мной еще четыре человека... Солдаты моего взвода. Сагитировал на стройку». «Ну, давай, веди всех...» Кое-как переночевали на полу, а наутро пошли устраиваться. Для всех дело нашлось!

* * *

Кулибабу я нашел не сразу. Мне сказали, что он вернулся к приобретенной здесь профессии: опять плотник. Но строит сейчас не жилые дома, а корпуса обогатительной фабрики.

Будущий цех крупного дробления еще в лесах. Всюду соседствует сочно-желтый цвет опалубки и серый — бетона. Работа шла на верхних ярусах. Шаткие дощатые трапы вывели меня на площадки, где трудились плотники и арматурщики.

— Кулибаба? — откликались они на мой вопрос.— Ищите повыше!

Наконец я добрался до самого верха. До высоты птичьего полета. Совсем маленькими лежали внизу Заполярный и обвивающие его дороги. Рядом поднимались стены главного корпуса фабрики. Можно было представить, как героически работали здесь люди, бросая вызов метелям и холоду — врагу бетона.

— Вон Кулибаба,— показал бригадир плотников.— Только не отвлекайте.

На отвесной стене корпуса, привязавшись ремнями, висел паренек в спецовке. Он постукивал топориком, приколачивая доски опалубки.

— Рисковая работа,— сказал бригадир. — И ответственность большая. Какая будет «посуда», такой будет и бетон.

— Справляется?

— Ничего,— сдержанно ответил бригадир.— Надежный. Этот надежный.

...Вечером я был у Кулибабы в гостях.

Теперь у Геннадия не койка в общежитии, а довольно большая комната на первом этаже многоквартирного дома. Не так давно он женился и отпраздновал новоселье. На стене над этажеркой висит портрет молодой женщины. Он, как две капли воды, похож на ту, живую, с которой меня знакомит Геннадий:

— Аня... Жена.

Аня — сибирячка. Работает в Заполярном воспитательницей детского сада.

Познакомил их тот самый тесный деревянный клуб, что занял столь большое место во всей жизни Кулибабы на стройке. Хор, в котором пела Аня, и эстрадный оркестр, где он играл на саксофоне, были направлены на смотр художественной самодеятельности в Мурманск. Из Заполярного поехали специальным поездом. Состав все время смотра стоял на станции Мурманск в тупике. Поздно вечером, усталые, но радостно возбужденные встречами с моряками, судоремонтниками, студентами заполярной столицы, возвращались в вагон певцы и оркестранты. Вот с этого все у Геннадия с Аней и началось. С этой незабываемой поездки...

На Геннадии свежая голубая рубашка с распахнутым воротом. Мне кажется, что серые глаза его стали темнее, а басок гуще. Но лицо такое же юное, нежное, хоть и обветренное.

Задумчиво положив голову на руку, сидит рядом с ним его Аня — его любовь.

Кулибаба рассказывает о службе в армии. Чему она его научила? На стройке отвечал только за себя. Но вот когда поручили ему командовать отделением, а потом взводом... Вот тут он понял, что такое отвечать за других. Все стало его касаться. И настроение новичков и показатели по стрельбе. И почему такой-то допустил самоволку, а такой-то не отвечает на письма старикам родителям. Раньше он, Геннадий, читал только книги. Теперь приходилось вникать, что в душе у другого человека. А всякий человек сложнее любой книги.

Я спросил про тех солдат, что вместе с ним приехали в Заполярный.

— Пускают корни в нашу северную землю. Масловский — на компрессоре, Новиков — на буровом. Оба сразу же записались в вечернюю школу. Думал, надолго их не хватит — чтобы и работать и учиться. Проверял. Посещают... Чебыкин плотником стал. Я его в самодеятельность втянул. Поет в хоре... Но вот с Мирошниковым Стасиком неприятность получилась.— Кулибаба помолчал.— Вас ведь реальная картина интересует, правда? Этот Стасик окончил десятилетку. Раньше нигде не работал. Я его предупреждал: Север — не игрушки. «Ничего не боюсь, бери меня с собой,— я уже и домой написал». Ладно. Недели не поработал, вижу, кислый ходит. «Тут у вас так обыкновенно. Никаких подвигов не совершишь. Топором тюкай...» «А что же ты хочешь? — отвечаю.— Вот именно это и надо: топором тюкать. Так мы городок построили, теперь фабрику скоро закончим». «Нет, это не то, что я думал. Да еще вьюги у вас. Нет, я домой поеду. А вам сюда ящик яблок пришлю...» — Кулибаба усмехнулся.— Были такие и в пятьдесят шестом. Романтики на час...

Мне припомнилось, как сегодня утром на вершине строящегося корпуса рабочий человек сказал мне о Кулибабе:

— Надежный!

Пожалуй, я не могу найти более точного слова, чтобы определить главную черту в характере Геннадия.

Вспомнилась мне и недавняя дискуссия в «Комсомольской правде» о путях молодежи в жизнь. Некий молодой старичок в своем письме утверждал, что «романтика — это ненадежно», что он смеется над мечтами о трудных дорогах, а руководствуется в жизни «практическим здравым смыслом».

Геннадий Кулибаба мог бы убедительно опровергнуть философию отрицателя романтики всем примером своей юности и пришедшей зрелости.

Романтика — это надежно!

ЛЕДЯНАЯ КУПЕЛЬ

Рассказ

Ал. МУСАТОВ

Рисунки Л. ХАЙЛОВА.

1

Прогремел звонок. С треском распахнулись двери, и ученики хлынули из классов в раздевалку. Они громко топали, перекликались, кто-то трубил в кулак: «Тру-ту-ту... Выходной завтра, завтра выходной...»

Семен Иванович Хворостов продолжал вести урок. Ленивый, седой лунь сидел у него на руке и безразлично смотрел на учеников. Хворостов прислушался к шуму за дверью — опять он пропустил звонок — и, погладив птицу, посадил ее в клетку.

— Ну, друзья, конец...

Но ученики не дали ему договорить. Они хором потребовали продолжать урок: завтра выходной, домой они успеют, а такого рассказа про луня не найдешь ни в одной книжке.

Неожиданно дверь приоткрылась, в класс просунулась лохматая голова, и раздался мальчишеский голос:

— Сашка! Чего копаешься? Пошли!

Саша Канавин, приземистый, большеголовый подросток, сорвался с парты, закрыл дверь и припер ее плечом.

— Никого не пущу!.. Говорите, Семен Иваныч, мы слушаем...

Хворостов позволил себе затянуть урок минут на десять. Наконец история про луня была досказана. Попрощавшись, ученики начали расходиться. Задержалась группа девочек да Саша Канавин. Мальчик был сегодня дежурным по классу, и ему полагалось отнести луня в живой уголок, накормить его, напоить. А потом надо еще договориться с Семеном Ивановичем насчет завтрашней охоты на зайцев.

Хворостов направился в учительскую. Перешептываясь и подталкивая друг друга, девочки пошли за ним следом.

В дверях Хворостова встретила школьная сторожиха Варвара, кряжистая, багроволицая женщина, и протянула учителю письмо.

— Александр Николаевич просил передать.

Хворостов разорвал конверт, достал вчетверо сложенный лист плотной бумаги, развернул его и прочел на бланке районного отдела народного образования: «Преподавателю Шиловской средней школы Хворостову С. И. Во исполнение приказа облоно об укреплении педагогических кадров во вновь открытых школах предлагается Вам принять заведование Бережковской начальной школой. К работе приступить с 20 числа сего месяца...»

Семен Иванович нашарил рукой спинку стула, подтолкнул его к печке, но не сел, а продолжал оцепенело смотреть на бумагу. Потом медленно сложил ее по старым сгибам и только тогда встрепенулся — перед ним стояли девочки.

— Семен Иваныч...— заговорила одна из них.— Пойдемте завтра на лыжах к незамерзающему роднику... Вы обещали... Помните?

— Еще чего... к роднику,— ревниво вмешался Саша.— Мы завтра с Семен Иванычем на охоту пойдем.

В свою очередь, обиделись и девочки: всегда эти мальчишки перехватывают учителя.

Хворостов слабо улыбнулся.

— Хорошо, хорошо. Завтра к роднику, а в следующий...— Учитель что-то прикинул про себя: — А как-нибудь и на охоту. Договорились?

— Договорились,— недовольно буркнул Саша.

Ученики ушли. Хворостов еще раз заглянул в бумажку, потом спрятал ее глубоко в карман.

— Ну вот, Варвара...— обратился он к сторожихе, которая все еще стояла в дверях.— Скоро прощаться будем... В Бережково посылают, школой заведовать.

— В Бережково?! — удивилась Варвара. — Это где семь болот да лесище кругом? За что это вас, Семен Иваныч?

— Как за что? — невесело усмехнулся Хворостов.— Уважают меня... в должности повышают.

Он стал медленно набивать трубку табаком. Но руки предательски задрожали, и Семен Иванович, досадуя, поспешил отойти к окну. Ведь бумажка из роно не была уж столь неожиданной. Закат своей педагогической карьеры Семен Иванович предчувствовал давно. В каких только смертных грехах не обвиняли Хворостова в последние годы. В полном растворении личности учителя в детской среде, в злоупотреблении трудовыми делами в ущерб учебной программе, в рецидиве устаревших методов обучения. «Рецидив»,— с горечью думал Хворостов. Это у него-то рецидив, у Хворостова, который так часто испытывал гнетущее чувство вины перед детьми за всякие педагогические ухищрения и выверты.

В душе он признавал только одну систему обучения — систему здравого ума и большого, горячего сердца. Дети — как почки дерева. Надо искусно и бережно, как сама природа, раскрыть эти замкнутые комочки жизни, чтобы под солнце вышла молодая и сильная поросль. Хворостов шел с детьми нога в ногу, постоянно ощущал их горячую, трепетную руку в своей ладони, засматривал им в глаза. Влюбленный в детей, он порой неумеренно тратил свое сердце, наживал болезни и не заметил, как время с глазу на глаз столкнуло его со старостью.

Как бы то ни было, но у руководителей роно о Хворостове сложилось мнение как о человеке несговорчивом и со странностями. На учительских совещаниях Семен Иванович не раз выступал против формализма в оценке знаний учащихся, зло высмеивал тех учителей, которые всю жизнь школы сводили к процентам успеваемости.

В районе терпеливо сносили причуды старика. Когда же в Шилове организовали десятилетку, роно не решилось поставить во главе ее Хворостова. Заведование предложили Александру Николаевичу Острецову. Тот долго колебался. «Я понимаю, что с этим сельским Песталоцци-Хворостовым вам без трений не прожить»,— сказал Острецову заведующий роно. Он пообещал отозвать Хворостова из Шилова и подобрать Острецову дружный преподавательский коллектив.

2

Весь субботний вечер и утро выходного дня Хворостов ходил с чувством глубокой обиды. Рассеялся он только во время лыжной прогулки к роднику, но от быстрого движения, острого морозного воздуха скоро устал и ослаб. Когда девочки попросили Семена Ивановича подняться с ними на Русланово взгорье, он сказал, что для первого раза они покатались достаточно, и повернул к дому. Девочки неохотно потянулись следом.

Дома Семен Иванович, не раздеваясь, лег в кровать, а в сумерки собрался к Острецову: надо было сообщить об отъезде.

Учителя были редкие гости друг у друга. Они не ссорились, но и не сближались, хотя знали друг друга уже много лет.

Острецов, предпочитавший проводить свободное время в обществе Екатерины Львовны, учительницы начальной школы, любил подтрунивать над странностями Хворостова. Сельсоветская пегая кляча, на которой Семен Иванович часто разъезжал по округе, выполняя задания сельсовета, и постаревший от непогоды, жесткий, сидящий коробом дождевик учителя были излюбленным поводом для шуток Острецова. Хворостов уподоблялся Дон-Кихоту от педагогики или сельскому Песталоцци. Семен Иванович знал склонность коллеги к острому слову, порой обижался, но за делами быстро забывал об этом.

Сейчас Острецов сидел за письменным столом и, близоруко щурясь, проверял ученические тетради. Его крупная, бугристая голова была до блеска выбрита и казалась выточенной из старой слоновой кости.

В кресле дремала Екатерина Львовна. У нее темные, не тронутые годами волосы, одутловатое лицо, на груди крупная прямоугольная брошка, похожая на инвентарный номер.

Красным, остро отточенным карандашом, словно пикой, Острецов пронзал в ученических тетрадях неправильно написанные окончания слов, расставлял по своим законным местам точки и запятые, возвращал жизнь прописным буквам.

— «Отец отправил Петрушу Гринева в Советскую Армию»,— прочитал Острецов в одной из тетрадей.— М-да!.. Семен Иванович, слыхали? — обратился он к вошедшему Хворостову.— Перл, новость — Гринева в Советскую Армию зачислили...

Хворостов ничего не ответил, присел к столу и протянул директору школы полученную из района бумажку.

— Странно... Очень странно! В разгар учебного года такая перестановка,— покачав головой, монотонно и, по обыкновению, еле разжимая губы, заговорил Острецов.— Но вообще, поздравляю, Семен Иванович, поздравляю. Думаю, что роно не ошиблось в своем выборе: лучшего заведующего им не найти.

Хворостов продолжал молчать. Тяжелая, обитая медью трубка уже хрипела и немилосердно чадила в его зубах.

— Вы, я вижу, не радуетесь,— продолжал Острецов.— Понимаю, трудно сниматься с насиженного места... Друзья, привычка к детям...

Хворостов отогнал ладонью сизое облачко табачного дыма и поглядел искоса на Острецова.

— Кому, Александр Николаевич, дела передать? Я думаю завтра в Бережково ехать...

— Да-а! Беспорядок все это... Оставить школу без учителя... — нахмурился Острецов.— Теперь пришлют какого-нибудь юнца...

Он не успел договорить, как в сенях зато-

пали. Дверь распахнулась, и Варвара ввела в комнату мешковатую, заснеженную фигуру.

— Ну вот, зяблик, и дом с теплом да с людьми хорошими. Вон и батюшка ваш сидит, ребячьи грехи считает... Александр Николаич, гостью-то я вам какую привезла! — Варвара стащила с фигуры тулуп и толкнула ее в желтый круг света. — Идите, показывайтесь!

Острецов поднялся из-за стола, снял с лампы бумажный колпак.

— Галя?! — почти испуганно вскрикнул он и в ту же минуту почувствовал, как мокрая щека дочери прижалась к его жесткому бритому лицу и холодные руки обвили его шею. Потом дочь сорвала со стены полотенце, вытерла себе щеки, тугой с ямочкой подбородок, осушила влажные глаза.

— Я, папа, я! Ой, и ты мокрый стал.— Галя материнским жестом вытерла отцу влажные щеки.— Этот снег... всю дорогу... в глаза, в уши...

Она бережно сняла серый, в бисеринках влаги берет, легкое пальто и осталась в модной, сиреневого цвета кофточке.

«Выросла-то как, похорошела!..» — подумал Острецов, неотрывно глядя на дочь.

Подошла Екатерина Львовна, сжала Галину голову ладонями, растроганно и звонко чмокнула девушку в лоб.

— Милая ты наша! Красавица... Не забыла все же стариков!

— Отвезла я сынка на станцию, усадила в поезд,— принялась рассказывать Варвара, — иззябла, как побирушка, захожу в буфет и вижу: сидит мой зяблик возле печки и оттаивает. «Тетенька, — говорит,— не знаете, в Шилово никто не едет?» «А вот я,— отвечаю,— шиловская». Ну, опознались мы с Галиночкой. Упаковала я ее в тулуп, усадила в сани и повезла. А конь у меня, сами знаете, какой курьер. Плюх, трух, остановка... Эх, думаю, покусает наш морозец ножки у молодой учительши... Да нет, будто все обошлось...

Острецов настороженно вскинул голову.

— Ты к нам, Галя? Учительницей?

— К вам, папа. Мне в роно два места предлагали. В новые школы. Только от станции очень далеко. А вчера еще предложение: поезжайте в Шилово, там биолога с работы сняли...

— Что ты говоришь, Галина?...— вполголоса перебил ее Острецов и глазами показал на Хворостова.

Тот сидел, широко расставив колени и опустив голову. Трубка потухла, горчила, но учитель по привычке сжимал ее зубами.

В комнате воцарилось неловкое молчание.

Семен Иванович вдруг поднялся, сделал шаг вперед, обвел всех запавшими глазами и, наконец задержав свой взгляд на Гале, склонил перед ней седую голову.

— Что ж... я отступаю...

Затем быстро подошел к двери и долго искал в углу на сундуке, куда Варвара свалила тулупы и шубы, свою палку. Наконец, раскидав одежду, выдрал ее, словно корневище из земли.

Острецов сделал попытку удержать Хворостова.

— Так бы честно и сказали, Александр Николаевич, — устало заговорил Семен Иванович, — строптив, мол, Хворостов, несговорчив, с молодыми-то жить легче. К тому же и стар я, сработался. Тридцать лет в учителях — срок немалый, пора и честь знать...— И он, толкнув дверь, вышел из комнаты.

— Это кто, папа? Какой-то жалкий... неужели это учитель? — спросила Галя.

Острецов молчал.

— Это, Галиночка, наш биолог, Семен Иванович, которого ты будешь теперь заменять,— пояснила Екатерина Львовна.

— Так его из-за меня сняли с работы? — испуганно прошептала Галя.

— Никто никого не снимал,— раздраженно перебил ее отец. — И пожалуйста, не болтай...

Острецов был в замешательстве. И, может быть, первый раз в своей жизни он нарушил чинный порядок на письменном столе — смешал тетради, не закрыл чернильницу. Какие-то тусклые слова лезли в голову, говорить их не хотелось. Радость, охватившая Острецова в первые минуты приезда дочери, померкла, в душе поднималась неясная, глухая тревога.

— Галя... — Отец заглянул в глаза дочери.— Зачем ты приехала, Галя?

3

Окончив десятилетку, Галя вместе с подругами уехала в областной город, чтобы поступить в политехнический институт. Девушкам нравились серьезные и мужественные профессии инженеров-механиков, энергетиков, машиностроителей. Галя провалилась первой, что-то неладное получилось у нее с письменной работой по математике, и экзаменатор на прощание сказал ей: «Подучитесь, девушка, и приходите сюда через годик».

И все пять подруг Гали получили от преподавателя такое же приглашение.

Но учиться где-нибудь надо, не возвращаться же обратно домой. И Галя поступила в пединститут: здесь был недобор студентов, и математики на экзаменах были добрее и снисходительнее.

В первые же дни занятий в пединституте Галя получила из дому письмо. Отец был очень недоволен выбором дочери.

«Учитель! Знаешь ли ты, Галя, что такое учитель? — писал он.— Это слуга, плебей, худородный сын общества. Ты не улыбайся, девочка, что твой старый отец пишет таким высоким штилем. Другое об учителе не скажешь. Разве кто-нибудь ценит наш сизифов труд? Разве кто-нибудь сохраняет в душе благодарность к учителю за то, что тот испепелил на работе свое сердце и нажил горловую чахотку? Тысяча душ пройдет через руки учителя, и ни одна душа не помянет его потом добрым словом. Да и за что вспоминать?

Разве учитель выводит ребенка в жизнь, открывает ему мир? Наивное заблуждение! Мы только ухищряемся, выдумываем призрачные системы и методы, самовольно утешаем себя тем, что каждодневно вписываем на чистую доску детской души великие откровения и истины, и не замечаем того, что жизнь, суровая и грубая, тут же, за воротами школы стирает наши прописи и властно пишет свое. Нет, не пишет, а вырубает ничем не стираемые знаки. После таких уроков жизни ребенок видит в учителе только назойливого опе-

куна, он замыкается, начинает хитрить, дипломатничать, сопротивляться. Тогда и учитель вынужден надеть маску, дипломатничать и лицемерить. И на это растрачивается жизнь учителя. Грустная жизнь, дочка! Нет, учитель далеко не садовник, да и дети не цветы. Они дикая трава и, как всякая трава, не могут не расти, раз греет солнце, раз почва богата влагой. Я верю, Галя, ты разумная девушка и хочешь жить интересно и содержательно. Жизнь же учителя кончается в тот день, когда он впервые вступает в класс. Ты спросишь, почему же я сам не ушел из школы. Поздно, Галя. Я погиб. Во мне уже учительская кровь — есть такая, и ученые когда-нибудь обнаружат это. Она ленивая, застойная, рыбья...»

Слова отца остро встревожили Галю, хотя и показались излишне преувеличенными. Учитель, педагог, просвещенец! Галя никогда не думала серьезно об этой профессии. У них в школе преподавателей называли «улитка», «козел», «грач». Мальчишки насыпали между страницами классного журнала нюхательного табака, намазывали учительский стул гуммиарабиком, устраивали в темном коридоре засаду. Девчонки нередко жалели учителей, но у них считалось геройством ответить урок по шпаргалке, высунуть за спиной учителя язык, перевести в школе часы.

Вспомнила Галя и своего отца, Александра Николаевича Острецова, которого тоже не очень-то любили в классе.

Отец никогда не откровенничал с учениками, говорил лишь о деле и при этом улыбался язвительно и тонко. И дети не знали, добр их учитель или зол, щедр или жаден. Острецов не допускал учеников в свою квартиру, ничего не открывал им в своей жизни.

В класс он всегда приходил в черном, наглухо застегнутом френче. Неизменно блестели тяжелые, с толстой подошвой башмаки и бритая желтая голова.

Ребятишки настойчиво искали пятна на одежде Острецова, смешной или зазорной истории в жизни. И не находили, к чему придраться. Разве вот только припухлость на спине — наверное, учитель горбатый.

Острецов был для детей загадкой. Его боялись. На уроках у него царствовала зловещая тишина. Ребятишки знали, что Острецов более всего не любил на занятиях смешков и перемигиваний, и сидели обычно с бесстрастными, окаменевшими лицами. Зато под партами они передавали друг другу шпаргалки, тетради, вели немой торг, бесшумно дрались ногами. Но Острецов не хотел знать того, что делается под партами. Свои отношения к детям он строил на пословице: «Не пойман — не вор».

Он не любопытствовал, откуда это на кухне за печкой такое обилие окурков и почему после перемены у ребят поцарапаны носы и щеки, но если уж заставал курильщиков и драчунов на месте преступления, то наказывал их достойно и памятно.

В воскресные дни Острецов любил пройтись по селу. Одетый в праздничный костюм, он шел медленно по самой середине улицы, высоко подняв голову и далеко откидывая палку с набалдашником. Он не смотрел по сторонам, но все замечал: вот ему поклонилась женщина у колодца, вот снял картуз колхозник, вот ученики из его класса курят махорку. Видел Острецов и белобрысого мальчишку, что мчался далеко впереди и выкрикивал одно и то же странное слово: «Зекс, зекс!» И слово это обладало чудесной силой— улица пустела. На лужайках оставались городки, бабки, а ребятишки вдруг словно проваливались сквозь землю. Даже малыши исчезали с улицы. Казалось, куры — и те прятались в подворотне. И только из-за бревен кричал кто-то неестественным тоненьким голосом: «Горбатый, горбатый!..»

Но ничто не смущало Острецова. Мало ли на свете горбатых людей, и не обязан же он принимать эти выкрики на свой счет. И учитель шествовал по улице ровным, степенным шагом.

Зато на следующий день Острецов задерживал учеников после урока, доставал машинку для стрижки волос и начинал по очереди стричь ребят.

Машинка стрекотала, а учитель тихо и почти нежно припоминал мальчишкам нанесенные ему обиды.

— Ты, Ваня, зачем вчера кричал из-за бревен, что я горбатый? Ась?.. Я в гости шел, а ты в бабки играл. Чем я тебе помешал? А ведь горб, он, может, есть у меня, а может, и нет его...

Бедный Ваня обливался холодным пóтом и судорожно сжимал колени...

Все это Галя видела, знала и давала себе слово, что никогда не станет учительницей.

И, перечитав еще раз письмо из дома, она ответила отцу, что подготовит за этот год математику, а осенью перейдет в политехнический институт. «Не бойся, папа, у меня кровь не учительская! Я не пропаду!»

Но осенью перейти никуда не удалось: перебежчики из пединститута не принимались в другие учебные заведения. Потом начались первые встречи с детьми, пробные уроки в школе. Эти встречи обессиливали Галю, рождали недоумение и тоскливую напряженность. Правда, отношения с детьми не были похожи на те, которые описывал отец. Но Гале казалось, что дети не понимают ее, что она чужая им, что слушают ее только из любопытства.

После окончания института Гале предложили пойти работать в сельскую школу. Галя согласилась, успокаивая себя тем, что через три года, отработав долг государству, она сумеет найти другую работу и выправит ошибку в своей жизненной судьбе.

4

Острецов ввел Галю в класс и представил:

— Дети, вот ваша новая учительница. Зовут ее Галина Александровна. Будет преподавать у вас зоологию и ботанику.

— А мы уже знаем...— бойко отозвалась из угла востроносенькая, с жесткими косичками Людмилка.

— Что вы знаете? — Острецов посмотрел в угол.

— Она из города приехала. Только что из института. А Семена Иваныча в другую школу перевели...

Все это Людмилка выговорила залпом, за один выдох и потом сразу покрылась густым, малиновым румянцем.

«Следопыты, маленькие шпионы,— вспомнились Гале слова отца.— Они и в самом деле все знают».

— И когда ты, Люда, научишься молчать? — сказал Острецов.

— Я учусь... только плохо у меня получается...— со вздохом призналась Людмилка.— Я вот вчера...

— Ну, будет, начинайте урок!— приказал Острецов и направился к двери. На минуту задержался, глазами показал дежурному на классную доску, которая была испещрена какими-то фантастическими рисунками, и вышел.

Класс настороженно ждал от учительницы первого слова.

Галя раскрыла классный журнал, в строгом порядке разместила на столике книги и, не зная, куда девать руки — они почему-то стали большими и неловкими,— подняла голову. И сразу ее словно обожгло. Глаза!.. Десять, двадцать пар глаз. Разных цветов и оттенков. Узкие и широко открытые, острые, с огоньками, и сонные, доверчивые и подозрительные — все они следили за ее руками, за лицом. Глаза испытывали, проверяли, оценивали.

Галя искала первое слово и боялась его. Хорошо бы найти такое, которое сразу бы открыло путь к ребячьим сердцам, избавило бы от этого изнурительного взаимного осмотра. Но такое слово не шло на ум.

— Кто у вас староста? — сдержанно спросила Галя.

Ответили поспешно, хором:

— Парамон — староста...

— Парамон Иваныч, товарищ Сусликов.

Рослый подросток с вытянутым унылым лицом встал из-за парты.

— Я староста... Только фамилия моя не Сусликов, а Кузяев. Это они надсмехаются.

— Сусликов! Сусликов! — закричали кругом.— Он у нас в прошлом году четыре тысячи сусликов истребил... ему премию выдали...

— Он свой капкан изобрел!

— По последнему слову техники...

Галя стиснула пальцами краешек стола. Вот оно, начинается. Шутки, пререкания, смех. Ведь так ребята могут дурачиться хоть до конца урока.

— Хорошо, Парамон, садись,— размеренно и спокойно сказала Галя. Потом дождалась тишины.— А теперь расскажите мне, что вы проходили с Семеном Ивановичем.

Класс зашевелился, задвигался.

— Тише! — остановила Галя.— Только не хором. Тебя как звать? — обратилась она к черноглазой девочке.

Та сидела прямо, не шевелясь, и с недоверчивой усмешкой смотрела на учительницу. Изредка девочка поворачивала голову к соседке, та услужливо подставляла к ее губам ухо, беззвучно хихикала в ладошку и, в свою очередь, шептала что-то соседке с другой стороны.

— Тоня Шарапова, Тоня...— зашептали кругом.

— Расскажи, Тоня,— попросила Галя.

— А что рассказывать? — лениво заговорила девочка.— Хорошо занимались. Уроков Семен Иваныч задавал немного. Как что непонятное, всегда объяснит. И троек почти ни у кого не было... Мы с ним еще на экскурсии часто ходили. На уроках у него всегда было тихо-тихо... Правда, девочки?

Подруги согласно закивали головами.

— А почему Семена Иваныча из школы прогнали? — неожиданно спросила Тоня.

— По-моему, Семена Ивановича никто не прогонял,— неуверенно ответила Галя.— Его перевели в другую школу...

Галя видела, что урок шел не так, как было задумано. Она поспешила заговорить о плане будущих занятий. Особенно тревожил ее большеголовый паренек, сидевший у окна. Он морщил лоб, шевелил рассеченной нижней губой и острыми глазками следил за учительницей.

Вдруг он поднял руку.

— А правда, в этом году в нашем колхозе хлеба не будет?

— Хлеба? Какого хлеба?

— Ну вот... сеют который. Обыкновенного... черного.

— Нет, почему же... Если вы сеяли... хорошо работали... хлеб, конечно, будет.

— А моя мать говорит, что правленцы все зерно под дождем сгноили...

Галя с недоумением пожала плечами.

— Вы его не слушайте,— выручила учительницу Тоня.— Это Сашка Канавин. Он у нас взбешенный. Мать его чересседельником порет через два дня на третий. Вот он и строит фантазии.

— Молчи ты, невеста! — озлился Саша.— Я не тебя, я Галину Александровну спрашиваю.

— Верно! Нечего батьку выгораживать,— сказал, оживляясь, Парамон.— У Тоньки, Галина Александровна, батька — председатель правления...

Вошедший было в спокойные берега урок вновь попал на перекаты, забурлил на порогах. Теперь ученики разговаривали азартно, шумно, не стесняясь учительницы.

«Дети — сила, стихия. Надо быть бесстрастной, холодной, чтоб тебя не увлек этот ребячий водоворот»,— приходили Гале на память поучения отца.— Он прав. Вот меня уже понесло, закрутило...»

Галя нетерпеливо ждала звонка. Наконец он ударил, голосистый, желанный. И вмиг класс опустел.

В дверь заглянула сторожиха Варвара, радушно осведомилась:

— Ну как, Александровна? Ладно обошлось? Первый урок — что первый снежок. Ребята у нас с пониманием, только ты их строжи побольше.

— Спасибо, Варвара. Все хорошо,— кивнула Галя и поспешила в учительскую.

Хотелось сесть где-нибудь в тихом дальнем углу, одуматься, во всем разобраться... Но нет ни тихого угла, ни свободного времени. Школьники толпятся в коридоре, провожают проходящую Галю любопытными взглядами, шепчутся:

— Новенькая! По зоологии и ботанике.

В зале малыши-первоклассники перебегают дорогу и бойко, с удовольствием здороваются. Делают они это раз, другой, третий, до

самой учительской. И надо им кивнуть головой, улыбнуться.

«Прав отец, прав,— подумала Галя.— Вот она и маска с первого же дня».

5

Поездка Хворостова в Бережково ни к чему не привела. Школа в Бережкове была небольшая, заведовал ею старый знакомый Хворостова Кузьма Ильич Погребцов. Он пожаловался Семену Ивановичу на беспечность работников роно. Его переманили из соседнего района, пообещав пост заведующего учебной частью в новой Репиховской десятилетке. Но для десятилетки в Репихове еще не было отделано помещение, и Погребцов был вынужден сидеть в Бережкове.

У Семена Ивановича не хватило даже духу признаться Погребцову, зачем он явился. Он сказал, что заехал в Бережковский колхоз насчет саженцев, и, глубоко оскорбленный, направился в район. Заведующий отделом народного образования извинился за случившееся недоразумение: «Смета, смета нас губит» — и обещал денька через два подыскать Хворостову новое место. Семен Иванович наотрез отказался куда-нибудь ехать и пожелал вернуться в Шилово.

— Я там тридцать лет прожил, а вы мною в шашки играете.

— Я туда вместо вас молодую учительницу направил... Что ж теперь, отзывать ее обратно?

— Как знаете,— упрямо стоял на своем Хворостов.— Не вернете в Шилово, совсем снимайте меня с работы. Я тогда жаловаться на вас пойду...

Заведующий примиряюще рассмеялся, но угроза, как видно, подействовала: Хворостов вернулся в Шилово. Острецов предложил ему преподавать химию в старших классах вместо ушедшей в декретный отпуск учительницы. Часов было немного, но Хворостов согласился.

Ему казалось, что в жизни его ничего не изменилось. По утрам по-обычному светила в окно холодная, неяркая заря. За ночь прижимистый мороз расписывал окна загадочными узорами.

Друзья учителя уже бодрствовали: скворец чистил клюв, ежик домовито собирал в угол бумажки.

— А ну, чья очередь со мной на урок идти? Твоя, скворец? — по привычке спрашивал Семен Иванович и вдруг вспоминал, что день у него сегодня пустой, без уроков.

Он долго потирал ноющую старческую грудь, виновато смотрел на иссиня-черного нахохлившегося скворца и не знал, за что приняться. Обида, ощущение своей отверженности, мысли о ненужной, невеселой старости особенно сильно охватывали его в такие минуты.

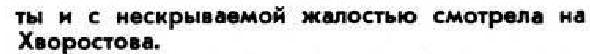
Правда, свободного времени почти не оставалось. В колхозе всегда находилась работа: учитель руководил агрономическим кружком, занимался со звеньевыми.

Потом, зная, что в колхозе изрядно запущено счетоводство, Семен Иванович предложил правлению свои услуги.

Но порой, не выдержав, Хворостов оставлял все и направлялся в школу. Неслышно входил в коридор, останавливался у классных дверей и по голосу узнавал, кто из учеников отвечает урок.

Он заглядывал в школьный музей, в мастерские, в пионерскую комнату. Все было, как прежде, ничего не изменилось в облике школы. «Не нужен, никому не нужен»,— думал учитель.

Нестерпимо хотелось войти в свой класс, посмотреть на ребят, послушать новую учительницу. Но он сдерживал себя и шел к Варваре на кухню. Сторожиха отрывалась от пли-

ты и с нескрываемой жалостью смотрела на Хворостова.

— Тут мои книги в шкафу оставались...— хмуро объяснял Семен Иванович.— За книгами пришел.

Как-то раз он столкнулся с группой учеников. Учитель хотел было задержаться, поговорить, но в груди что-то дрогнуло, и он, поспешно ответив на приветствия ребят, прошел мимо. Ученики сбились в кружок, зашептались. Потом от них отделился Саша Канавин и побежал вслед учителю.

— Семен Иваныч! Возьмите... проверьте! — Он протянул тетрадку, обернутую газетой.

— Что это?

— Дневник... Я уже давно написал. Помните, вы просили нас про природу записывать... свои наблюдения... Я вот про зайцев написал...

— Помню, помню...— обрадовался учитель, принимая тетрадь.— И хорошо написал?.. Чисто?

— Старался... Я тут еще про хоря хотел... Мы, Семен Иваныч, хоря выследили. В дровах живет. Пойдемте завтра капкан ставить? — Саша оглянулся по сторонам и заговорщицким тоном осведомился: — Ребята спрашивают, вы скоро нас учить будете?

Хворостов нахмурился.

— У вас теперь новая учительница. Вы уж к ней обращайтесь... и дневник ей передайте.

Саша помялся и вздохнул:

— Это Галине Александровне-то... Она уж такая... Проверьте вы сами, Семен Иваныч.

— Нет-нет... так не положено.— Он вернул мальчику тетрадку и поспешил к дому.

А на другой день на квартиру к Хворостову прибежала Тоня Шарапова и стала расспрашивать, как надо лечить зазябшего воробья и какие ей стихи прочитать на школьном вечере.

Затем Парамон притащил на техническую консультацию капкан собственной конструкции.

Посещения ребят остро волновали и радовали Хворостова: значит, ученики не забыли его. Но вместе с тем эти посещения тревожили его: как бы не повредить молодой учительнице, не переступить ей дорогу, не осложнить ее отношений со школьниками.

Хворостов осторожно расспрашивал ребят об уроках Галины Александровны и чувствовал, что ученики относятся к ней недоверчиво.

И это действительно было так.

В класс Галя являлась сдержанная, подтянутая, всячески стараясь скрыть свою озабоченность, и долгий день носила на лице эту мертвящую маску. Она взяла себе за правило не быть придирчивой, не читать ребятам назойливых нотаций, многое обращала в шутку, звала всех по имени, но отчужденность от этого не уменьшалась.

Внешне ученики вели себя вполне пристойно: на занятиях не шумели так, как в первые дни, домашние задания выполняли, — и все же после каждого урока Гале казалось, что она говорила в пустом классе. Ученики не впускали ее в свой мир. Никто не приходил к ней с жалобой, ни за советом.

К занятиям Галя готовилась добросовестно, старательно. Приносила в класс наглядные пособия, проводила интересные опыты, надеясь, что хоть этим расшевелит ребят.

Но в классе что-то сковывало ее, урок оставлял учеников вялыми и равнодушными. Галя с досадой замечала, что порой какая-нибудь мелочь вызывала у ребят куда больше чувств и переживаний, чем ее урок. Недавно в живом уголке умер лунь. Это была ленивая серая птица. Словили ее ребята осенью в роще и очень гордились этой редкой находкой. И вот вторую неделю ребята не могли забыть о птице. Одни обвиняли Сашу Канавина, будто бы он обкормил луня, другие, наоборот, утверждали, что Саша уморил его голодом.

Ребята ссорились, шумели, но все сходились на одном: «При Семене Иваныче лунь бы не помер».

И только дома Галя сбрасывала маску и признавалась отцу в своих неудачах.

— Они меня не допускают к себе, папа. Я для них далекий человек.

Острецов хмурился и с недоумением пожимал плечами. Зачем дочери на уроках страсть, волнение, близость к детям? Ну что хорошего в том, если она придет к ученикам без маски, обнаружит перед ними свое уязвимое место? Тогда они отравят ей всю жизнь — властно влезут в душу, будут вечными соглядатаями,

шпионами. Нет, с этим коварным народцем надо быть настороже! Он-то их уж знает!

— Так ли это, папа? — пыталась возражать Галя.— Я вот пробую работать по-твоему: сдержанна, холодна, неуязвима. Но они же видят это, видят и не верят ни одному моему слову. Им вот смерть луня дороже всех моих уроков.

— Но они поэтому и не верят тебе, что видят твою маску,— ответил Острецов.— Это дается не скоро — хорошая педагогическая личина. Надо перетерпеть временные неприятности, зато потом ты будешь неуязвима на всю жизнь. Неуязвимость — это, пожалуй, самое главное. Надо уметь не слушать всех детских голосов. Если тебя любят, не подпускай близко с этой любовью: детская любовь губительна. Ненавидят — не замечай и ненависти.

— Ненависти?! — вскрикнула Галя.— Папа, тебя ненавидели?

— Дитя, большое дитя! — снисходительно улыбнулся Острецов.— Тебе в жизни предстоит столкнуться с сотнями детей. И не думай, что они будут только боготворить тебя. Впрочем, я никогда особенно не вникал в чувства учеников. Это и ни к чему. Сегодня этот коварный народец ходит за тобой по пятам, а завтра жди от него какого-нибудь подвоха. Темная вода, стихия. Главное — не потерять в этой стихии самого себя.

Как-то раз Галя попросила ребят показать ей тетрадки с дневниками, начатыми еще при Семене Ивановиче. Ребята замялись. Галя повторила свою просьбу. Странное смятение опять прошло по классу. За всех ответил Саша Канавин:

— Мы их, Галина Александровна, дома оставили.

— Почему ты отвечаешь за всех? — удивилась Галя.

— А я знаю...— Саша лукаво блеснул глазами и оглядел класс.— Мы вам завтра их принесем...

Но и наутро дневники не принесли. Часть ребят сослалась на то, что тетради куда-то потерялись, другие уверяли, что они еще не успели ничего записать.

Галя ничего не понимала.

— Это какой-то заговор, папа,— пожаловалась она отцу.

— А я понимаю. Значит, дневники у Хворостова,— догадался Острецов.— Старик все же решил повоевать.

— У Хворостова? — удивилась Галя.

И верно, на другой день Семен Иванович зашел в школу и передал Гале стопку тетрадей.

— Извините меня, но я не повинен,—объяснил он.— Ребята принесли эти тетради без моего разрешения. Дети есть дети. Как видно, они еще к вам не привыкли и по старой привычке тянутся больше ко мне...

Но и после этого имя Хворостова преследовало Галю повсюду. Ребята упоминали его при всяком удобном случае.

Отношения Гали с классом портились все больше и больше. Особенно вызывающе начал вести себя Саша Канавин. После смерти луня он вернул учительнице ключи от живого уголка, дневник наблюдений и пересел на заднюю парту. Уроков он не слушал, переговаривался, писал соседям записочки, на днях даже отказался отвечать урок.

— Очень вы по-трудному объясняете. Не понимаю я ничего...

— Мальчишка и так три предупреждения имеет. Пожалуйста, не церемонься с ним,— посоветовал Острецов дочери, когда та рассказала про Сашу.

6

Через неделю Галя повезла седьмой класс на экскурсию в совхоз «Первомайский». Ученики провели в совхозе целый день, осмотрели машинный парк, мастерские, фермы и остались очень довольны. Домой они возвращались поздно вечером. От полустанка, где учительница сошла с ребятами, до Шилова было километра три.

Мальчишки, возглавляемые Сашей Канавиным, шагали размашисто, быстро, и Галя с девочками еле успевали за ними.

Вскоре дорога привела к широкой заснеженной реке и потянулась вдоль берега к мосту. От дороги ответвлялась пешеходная тропинка, пересекала реку и по крутому противоположному склону сразу приводила в Шилово.

Остановившись у тропинки, мальчишки стали убеждать Галю, что им вовсе незачем так долго добираться до моста, а надо идти напрямик, через реку.

— Нет-нет,— возразила учительница, вспомнив наказ отца,— ни в коем случае не ходить через реку: сейчас оттепель, лед может не выдержать. Пойдемте через мост...

— А вот Семен Иваныч...— вполголоса заметил Саша Канавин,— мы с ним всегда напрямик ходили...

Галя вспыхнула и прикусила губу.

Мальчишки зашептались, все более отделяясь от девочек и поглядывая на тропинку, ведущую через реку.

— Галина Александровна,— сказал наконец Саша.— Вы с девчонками идите через мост... А мы напрямки... Я проведу... Я знаю как...

— Канавин, не смей! — резко выкрикнула Галя.

Она вгляделась в белесый туман, опустившийся на землю, потом выстроила всех учеников в шеренгу, поставила Сашу в самый хвост и, первая вступив на узкую тропинку, повела ребят к реке. Спустилась с высокого берега к ледяному припаю, осторожно попробовала ногой его прочность и только после этого вступила на лед.

— Идите за мной!.. Не растягивайтесь! — приказала Галя.

Она понимала, что ее испытывают, но остановиться уже не могла, хотя из-за тумана совсем не видела тропинки через реку и шла почти наугад.

— Подумаешь, тоже... командует!..— недовольно бурчал Саша, обиженный тем, что плетется позади всех. С трудом он различал в тумане силуэт учительницы.

Но что это? Галина Александровна явно забирает вправо, к кустам ольшаника. Но там же незамерзающая полынья!.. И учительница ничего не знает об этом. Саша похолодел.

— Влево берите, влево! — закричал он, бросаясь вперед.

Но было уже поздно. Галя заметила темный круг полыньи, когда лед под ней уже треснул. Вскрикнув, она свалилась в воду. Судорожно схватилась за ледяную кромку, но лед обломился.

Ледяная вода обожгла все тело, дыхание перехватило.

К краю полыньи подполз Саша Канавин, за ним Парамон. Они протянули учительнице руки и помогли выбраться из воды на лед.

— Зачем же вы вправо пошли?.. Я же кричал вам...— растерянно бормотал Саша.

— Вы, Галина Александровна, только на месте не стойте... Зазябнете,— посоветовал Парамон.— Бежать надо...

— Да-да! Я побегу...— согласилась Галя, стуча зубами.

Ребята помогли учительнице дойти до квартиры.

На другой день у Гали поднялась температура. Врач заподозрил воспаление легких и прописал ей постельный режим.

Узнав от болтливой Людмилки, что произошло вчера на реке и каким образом Галя оказалась в холодной воде, Острецов во всем этом увидел происки Хворостова.

«Нет, каково! — возмущался он.— Науськивать ребят на молодую, неопытную учительницу, до такой степени осложнить ее отношения с детьми!»

Не в силах сдержать своего раздражения, Острецов в этот же день вызвал с урока Сашу Канавина, отобрал у него учебники и велел ему отправляться домой: «Можешь быть свободным. Школа хулиганов не учит».

Затем Острецов решил объясниться с Хворостовым.

Случай к этому представился на другой же день, когда в сумерки Семен Иванович заглянул на квартиру к Острецову.

Покосившись на ситцевую занавеску, за которой лежала больная, Хворостов вполголоса спросил, как чувствует себя Галина Александровна.

— И вы еще спрашиваете? — со злостью ответил Острецов.— Натравить детей на молодую учительницу, устроить ей ледяную купель, довести до болезни — этого я от вас не ожидал...

— Позвольте,— удивился Хворостов.— Я не понимаю... Тут какое-то недоразумение.

— И вы не собирали тайно детских тетрадей? И не любопытствовали через детей, как проходят у моей дочери уроки?

— Повторяю, я никого не натравливал.

— А ваш любимчик Канавин? Не по вашему ли наущению он действовал вчера вечером у реки?

Хворостов побледнел.

— Как вы смеете так говорить! И почему вы прогнали Сашу Канавина из школы?.. Самовольно, без ведома коллектива. Я решительно протестую и требую срочно созвать педсовет.

— Не беспокойтесь...— ухмыльнулся Острецов.— Преподаватели поддержат меня. Канавину не место в нашей школе. Кстати, на педсовете и о вас поговорим...

— Что вам от меня, собственно, угодно? — устало спросил Хворостов.

— Мне угодно, чтобы вы оставили мою дочь в покое,— заявил Острецов.— Если вас ущемило районное начальство, так при чем здесь моя дочь? Ваше право защищать себя, поднимать свой педагогический престиж, но разжигать в школе страсти я вам не позволю. Надеюсь, вы меня понимаете, Семен Иванович?

Хворостов вдруг почувствовал, как к нему приходит спокойствие.

— Я вас давно понял, Александр Николаевич,— усмехнулся Хворостов.— Но хотя вы и отец, дочери я вам не уступлю. По-моему, вы еще не совсем испортили ее своей мудростью... Я вам и детей не уступлю... Ни Сашу Канавина, никого... До свидания! До встречи на педсовете...— Хворостов церемонно поклонился и вышел.

Острецов заглянул за перегородку, склонился над дочерью.

— Слышала, какой защитник у Канавина объявился? Но ты не волнуйся. Весь педсовет станет на мою сторону.

— Не весь, папа! — вполголоса ответила Галя.— Я тоже буду против исключения Саши Канавина.

— Ты? — удивился Острецов.— Но он же...

— Я ведь слышала твой разговор с Хворостовым,— перебила его дочь.— Мальчик ни в чем не виноват... Я в этом убеждена. Тут дело в другом...— Она не договорила и приподнялась на локте. С улицы, прильнув к окну, в комнату смотрели школьники — Тоня Шарапова, Парамон, Людмилка. За ними толпились другие ребята. Галя вспыхнула, на мгновение встретилась с их настороженными, выжидающими взглядами и жестом пригласила учеников зайти в дом.

— Папа, там ребята под окном... Пусти их.

Острецов нахмурился:

— Это зачем, собственно? Ты же больна!

— Пусти, папа! — настойчиво повторила Галя.— Надо мне это... надо!..

Уилфред БЭРЧЕТТ

Принц Суфанувонг.

Сингкапо — Сингкап Кунамали Сихот.

Генерал Конг Ле.

ТРОЕ С БЕРЕГОВ МЕКОНГА

1

Глубокой ночью 23 мая 1960 года двери вьентьянской тюрьмы распахнулись, чтобы пропустить отряд лаосской военной полиции, состоявший из двадцати шести вооруженных мужчин. Мощные прожекторы, помещенные на каждом углу тюремного здания, заливали ярким светом двор и дорогу — было светло, как днем.

Напротив тюремных ворот находились казармы, где жило около девяноста служащих военной полиции и их американских советников. Экипажи четырех танков, бессменно дежурившие перед тюрьмой, встали по команде смирно, когда начальник отряда провел своих бойцов в нескольких шагах от их машин. Отряд пошел по направлению к пагоде, которая виднелась неподалеку. Тишина на улицах нарушалась лишь равномерным «клап-клап» тяжелых солдатских сапог. Легкий запах цветов носился в воздухе, освеженном недавним тропическим ливнем. Отряд остановился около пагоды. Трое бонз, находившихся внутри храма, побледнели от страха, когда раздался стук в дверь. Несмотря на полученное ими предупреждение, они не могли поверить, что отряд пришел для того, чтобы схватить их, вывести из города и расстрелять. Повидимому, страшная весть была правдой, и их час настал...

Послышались приглушенные слова команды, в пагоду внесли какой-то сверток, и через несколько минут появились бонзы, одетые не в свои обычные шелковые одеяния, а в простое штатское платье. В полном молчании группа продолжала путь, на этот раз по направлению к небольшой рощице, расположенной милях в шести от Вьентьяна. Наблюдатель мог бы заметить, что походка некоторых полицейских казалась неуверенной: они шатались, спотыкались и даже падали на мокрую землю. Казалось, будто ноги не в силах были нести их.

Наблюдатель был бы потрясен сценой, которая разыгралась в рощице. Сняв каски, люди в форме военной полиции горячо обнимались. Слезы текли по их бледным, давно небритым щекам.

Через несколько часов после этого странного события один из часовых, несших службу на тюремном дворе, включил маленький переносный радиоприемник и не поверил своим ушам, услышав самую сенсационную новость, которая когда-либо была услышана во Вьентьяне: принц Суфанувонг, вождь Патет Лао, и 15 других руководителей партии бежали из вьентьянской тюрьмы, где в продолжении 10 месяцев ожидали смертного приговора. Вместе с ними исчезли охранявшие их тюремные надзиратели.

В течение нескольких часов, последовавших за бегством, слухи становились все более разноречивыми. Согласно одной версии, группа заключенных переправилась через реку в Таиланд. Один рыбак видел, как лодка, наполненная людьми в полицейской форме, глубокой ночью пристала к противоположному берегу. Согласно другому слуху, какой-то автомобиль пробился сквозь полицейский заслон и умчался с огромной скоростью в неизвестном направлении.

Полиция и отряды солдат были мобилизованы, чтобы проверить каждое сообщение, которое могло бы назести на след беглецов. Останавливали каждый автомобиль, каждую повозку на дорогах, каждую лодку на реке.

Тем временем Суфанувонг и его товарищи находились в маленькой рощице в шести милях от Вьентьяна.

Ровно два года спустя Суфанувонг рассказывал мне об этом:

— Равнина, на которой стоит Вьентьян, лишена растительности. Единственной рощей была та, в которой мы спрятались. Она находилась на виду у всех, и в нее каждый мог заглянуть. Но носавановцы были уверены, что мы бежали по дороге. А мы уж позаботились о том, чтобы слух о нашем бегстве на автомобиле распространился по всей округе.

Все дороги были оцеплены стражей, в то время как мы лежали рядышком в лесу, прямо под носом у полиции, и развлекались, слушая несуразные сообщения, передаваемые по радио.

К счастью, проливной дождь, который разразился, едва мы вошли в лес, уничтожил все следы. Путь к роще был чрезвычайно тяжелым. Дело в том, что в тюрьме мы все страшно ослабели и совершенно отвыкли от ходьбы. А на нас были тяжелые сапоги полицейских; нам казалось, что они весят несколько центнеров. Они были совершенно новые, что было еще хуже. Несколько раз я почти лишался сознания от слабости. У меня с пальцев были сорваны ногти, в сапогах хлюпала кровь...

Когда-нибудь об этом будут напечатаны книги, написаны пьесы, поставлены фильмы, воздающие должное этому героическому эпизоду.

2

Суфанувонг — красивый, с крепкой фигурой, с энергичным, умным лицом, бронзовым от загара семнадцатилетней партизанской войны в тропических джунглях, был двадцатым и последним сыном принца Бун Хонга, главы одной из трех королевских семей Лаоса. Старшим сыном был принц Фетсарат, прежний вице-король Лаоса. Среди сыновей был и принц Суванна Фума, теперешний премьер-министр Лаоса.

Фетсарат был человеком с передовым мышлением и внушил своим братьям любовь к учению; он сам получил диплом инженера, специалиста по печатным машинам. Суванна Фума и Суфанувонг тоже получили дипломы инженеров, окончив парижские институты. Таким образом, первыми тремя инженерами Лаоса были три брата. Суванна Фума стал инженером-судостроителем, электриком и механиком; Суфанувонг — инженером гражданского строительства. Он был лучшим студентом во французском институте по строительству мостов и шоссейных дорог.

Воздвигая мосты и проводя дороги во Вьетнаме, Суфанувонг был потрясен нищетой железнодорожных рабочих, шахтеров, рабочих каучуковых плантаций. У него были определенные политические убеждения, сложившиеся в общении с прогрессивными деятелями Франции. Он был во Вьетнаме, когда японцы оккупировали Индокитай, и причислял себя к сопротивленческому движению, возглавляемому Вьет Мином. Однажды он встретил Хо Ши Мина и спросил его, что, по его мнению, следует сделать в Лаосе.

«Вырвать власть у колонизаторов!» — был ответ.

Вот этому и посвятил себя Суфанувонг. И вот почему он оказался позднее главой движения Патет Лао.

Выборы в мае 1958 года принесли Патет Лао и его союзникам решительную победу. Это было страшным ударом для госдепартамента США, который подготавливал падение национального правительства во главе с Суванна Фумой, затратив колоссальные суммы на взятки членам национального собрания, чтобы те голосовали против Суванна Фумы.

Довольно любопытную историю рассказал мне Фао Вотанувонг, член «Партии мира и нейтралитета», теперь он новый правитель провинции Сиенг Куанг. Глава этой организации Киним Фолсена был совершенно неожиданно приглашен на обед первым секретарем посольства США. На обеде был предложен миллион долларов для семи членов национального собрания, голосующих за «Партию мира и нейтралитета». Киним Фолсена сделал вид, что предложение заинтересовало его. На другой день он увидел первого секретаря и сказал ему: «Мои товарищи-депутаты согласны. Но они ставят одно условие. Миллион долларов — это значит примерно 140 тысяч долларов для каждого из нас. Но так как мы являемся представителями лаосского народа в национальном собрании, то мы согласны принять

деньги при том условии, если правительство США заплатит по 140 тысяч долларов каждому лаосцу». Приглашений к обеду Киним Фолсена больше не получал.

Большим препятствием для американцев был в то время полковник Сингкапо — Сингкап Кунамали Сихот, член Центрального комитета Нео Лао Хак Сат, ныне заместитель председателя Высшего Военного Совета. Сингкапо был известен как блестящий офицер, пользующийся широким авторитетом не только за свои воинские заслуги, но и за свой незаурядный ум. Он был школьным учителем, а эта профессия глубоко уважается в стране, где образование дается с таким большим трудом. Кого можно было подослать к Сингкапо? Им нужен был человек, хорошо знавший Сингкапо и в то же время абсолютно надежный. Наконец они ухватились за одного молодого офицера, который не только родился в той же деревне близ города Паксе, что и Сингкапо, но и учился у него, будучи ребенком. Политическая благонадежность офицера не подлежала никакому сомнению, он окончил американскую военную школу на Филиппинах.

— Сначала мы поговорили о старых временах,— рассказывает Сингкапо.— Потом он начал осторожно подходить к главной цели своего разговора. Он посоветовал мне перейти в командный состав королевской армии, уверяя, что мне дали бы высокий чин.

— Что касается меня,— ответил я,— то тут все ясно. Для нас важнее всего благо страны, благо народа. А каковы ваши цели? Вас мы постоянно побеждаем, ваши силы постоянно уменьшаются. Это потому, что народ против вас, это потому, что вы сражаетесь против своих же братьев-лаосцев.

Офицер откровенно сказал мне, что это вопрос, который всегда беспокоил его и его друзей-офицеров. Американцы втолковывали им, что Патет Лао — всего лишь грубые, невежественные бандиты, преступники, которых необходимо уничтожить ради процветания Лаоса.

Он вновь пришел ко мне и сказал:

— То, что вы говорите, правильно. Теперь открою вам правду. Я был послан сюда американцами, чтобы подкупить вас.

Однажды утром, три месяца спустя после побега из тюрьмы, руководители Патет Лао, как обычно, включили маленькую рацию, чтобы узнать новости. Они услышали радостную весть. Это было 9 августа. Во Вьентьяне произошел военный переворот. Молодой командир батальона стал хозяином положения. Его зовут капитан Конг Ле.

— Мы были взволнованы до глубины души,— сказал Сингкапо.— Что означает этот переворот? Затаив дыхание, ловили мы каждое слово. И вот они прозвучали: мир, нейтралитет, независимость, конец иностранной интервенции в нашей стране. Трое из нас — Суфанувонг, Нухак и я,— переглянувшись, улыбнулись. Только мы знали, что Конг Ле — тот самый молодой офицер, которого американцы посылали подкупить меня.

Я вспомнил все наши разговоры, вспомнил те полные любознательности вопросы, которые он задавал мне насчет нашей политики. Много раз он просил меня объяснить наше понимание нейтралитета. И вот теперь я слышу слова о нейтралитете по радио из Вьентьяна. Конг Ле сдержал свое слово: он действовал как настоящий патриот.

Ночью у нас было партийное собрание. Было решено, что я пойду во Вьентьян и снова налажу связь с Конг Ле.

Я проделал весь путь за 7 дней и ночей. Останавливался только для того, чтобы немного поспать. Быстро установил связь с Конг Ле. Он послал за мной вертолет.

Позднее автору этих строк удалось встретиться в Долине Кувшинов и с самим капитаном Конг Ле. Он оказался человеком небольшого роста, очень худощавым, с открытым, добродушным лицом. Случайно день нашей встречи оказался днем его рождения — ему исполнилось 28 лет. Как молод этот человек, подумал я, для той большой роли, какую он играет в истории своей страны.

Конг Ле, как и Сингкапо, имеет теперь звание генерала, но он предпочитает, чтобы его звали по-прежнему капитаном.

Меня интересовало, что побудило капитана Конг Ле совершить дерзкий переворот. Ведь он был одним из привилегированных офицеров, а рисковал абсолютно всем.

— С 1952 года, с того времени, как я попал в армию, и до самого переворота,— сказал Конг Ле,— я должен был преследовать и уничтожать своих же братьев-лаосцев. Я все больше убеждался, что это для честного патриота невозможно. Я подготавливал переворот, чтобы прекратить и войну и иностранную интервенцию в Лаосе. Вот мой короткий ответ на ваш вопрос.

Но я настаивал на подробном ответе. Тогда Конг Ле, свободно изъясняясь на французском и английском языках, прибавил несколько подробностей.

— Мой второй усиленный батальон, который совершил переворот, был создан американцами. У нас были самые дисциплинированные, самые храбрые и опытные отряды солдат. Янки хотели, чтобы это отборное войско было всецело в их руках как орудие для осуществления их политических замыслов. Американцы хотели воспитать меня так, чтобы я был у них в кармане. До поры до времени я предоставлял им думать так, скрывал свои чувства. Я не хотел, чтобы американская рука тянула меня, как пойманного медведя за кольцо в носу, посылая убивать собственный народ.

Несмотря на молодость, я побывал почти во всех населенных пунктах нашей страны. И повсюду — в городах и в деревнях — старался узнать настроение людей. Я убедился, что девяносто девять из ста лаосцев хотят одного: мира и конца иностранной интервенции. Они мечтают о нейтральной политике. Только горстка военных поставщиков, спекулянтов и других аморальных людей хочет продолжать войну.

Американцы послали меня в Таиланд, где я прошел специальное обучение как командир батальона воздушных десантников. Американцы всецело доверяли мне. Перед концом обучения я был единственным из всей группы офицеров, которого Фуми Носаван соблаговолил представить таиландскому премьер-министру Сариту Танарату, восхваляя меня как образцового офицера.

На меня посыпался дождь американских долларов. Я брал деньги и раздавал их отрядам. Американцы предложили мне очень недурную легковую машину. Я сказал, что как военного человека меня вполне удовлетворяет служебный автомобиль. Они употребляли все способы, чтобы заманить и купить нужных людей, в то же время презирая наш народ и нашу армию. Американцы мнят себя «расой господ», а лаосцев считают низшей расой, расой рабов.

Я должен был действовать очень осторожно. В моем батальоне было 18 американских советников и инструкторов. Один из них всегда присутствовал, когда я отдавал приказы своим офицерам. Очень осторожно я зондировал настроение офицеров и солдат своего батальона. Я выбирал честных, неиспорченных людей. Они были в восторге, когда я раскрыл перед ними свои планы. Им тоже было не по душе служить пешками в игре иностранных политиков.

Только несколько старших офицеров не захотели иметь ничего общего с движением из боязни потерять свои привилегии. Большинство соглашалось со мной. Весь мой батальон поддерживал меня. Я был уверен в победе. Но я не скрывал опасностей и трудностей от своих людей. Они ответили: «Трудности нас не остановят! Теперь вы нам все объяснили. Если вы не захотите действовать, мы примемся за дело без вас».

Я ответил: «Мы будем действовать вместе, и мы победим. В случае же непредвиденного исхода мы уйдем в джунгли и присоединимся к принцу Суфанувонгу и полковнику Сингкапо и будем вместе с ними продолжать борьбу». Они согласились. Осталось только назначить дату переворота. Наш батальон был расквартирован всего в 12 милях от Вьентьяна; это обстоятельство оказалось выгодным для наших действий.

8 августа 1960 года американцы приказали батальону выступить в карательный поход против деревень, заподозренных в симпатиях к Патет Лао. Я сделал вид, что согласен с планом, но высказал мнение, как бы проход пятидесяти отрядов через Вьентьян в дневные часы не раскрыл тайну операции. Я предложил изменить время прохождения войск. Со мной согласились. Я встретился с американскими советниками, которые выдали мне деньги, нужные для операции, и распределили оружие. В их присутствии я построил весь мой командный состав и передал ему распоряжения начальства. Американцы были уверены, что мои приказы касаются истребительной операции, на самом же деле я перечислял все важные объекты, которые мы должны захватить: генеральный штаб, радиостанцию, электростанцию, арсенал, полицейский штаб и т. д. По возможности мы должны избегнуть кровопролития, но в случае сопротивления действовать быстро и энергично.

Американские советники стояли рядом и с удовольствием смотрели, как внимательно слушают меня офицеры. Они, наверное, еще никогда не видели, чтобы их приказания выслушивались с таким энтузиазмом.

У нас было соглашение с главным военным лагерем в Канаимо — около 30 километров от Вьентьяна,— нам должны были помочь оружием и танками в случае, если бы эта помощь могла нам понадобиться во время операции. Поэтому мы послали туда наше первое подразделение с просьбой выделить нам несколько танков и 4 орудия для истребительной операции. Просьба была удовлетворена. В каждый танк влезло по одному нашему солдату, чтобы не терять связь. Наши солдаты рассказали экипажам о государственном перевороте и овладели бронированными машинами без всякого сопротивления.

Второе подразделение получило задание арестовать верховного главнокомандующего генерала Сун Тона в его собственной резиденции. Когда солдаты прибыли туда, один из часовых закричал: «Стой!» — и выстрелил, ранив нашего бойца. Бойцы застрелили часового и ворвались в дом. Остальная стража разбежалась. Генерал Сун Тон, одетый в пижаму, взглянул в окно, взял телефонную трубку и позвонил в учебный центр. «Что делают в городе все эти парашютисты?» — спросил он. Один из наших солдат, только что захвативших центр, подошел к телефону и ответил: «Мы захватили столицу. Я вам советую сдаться».

По Лаосу

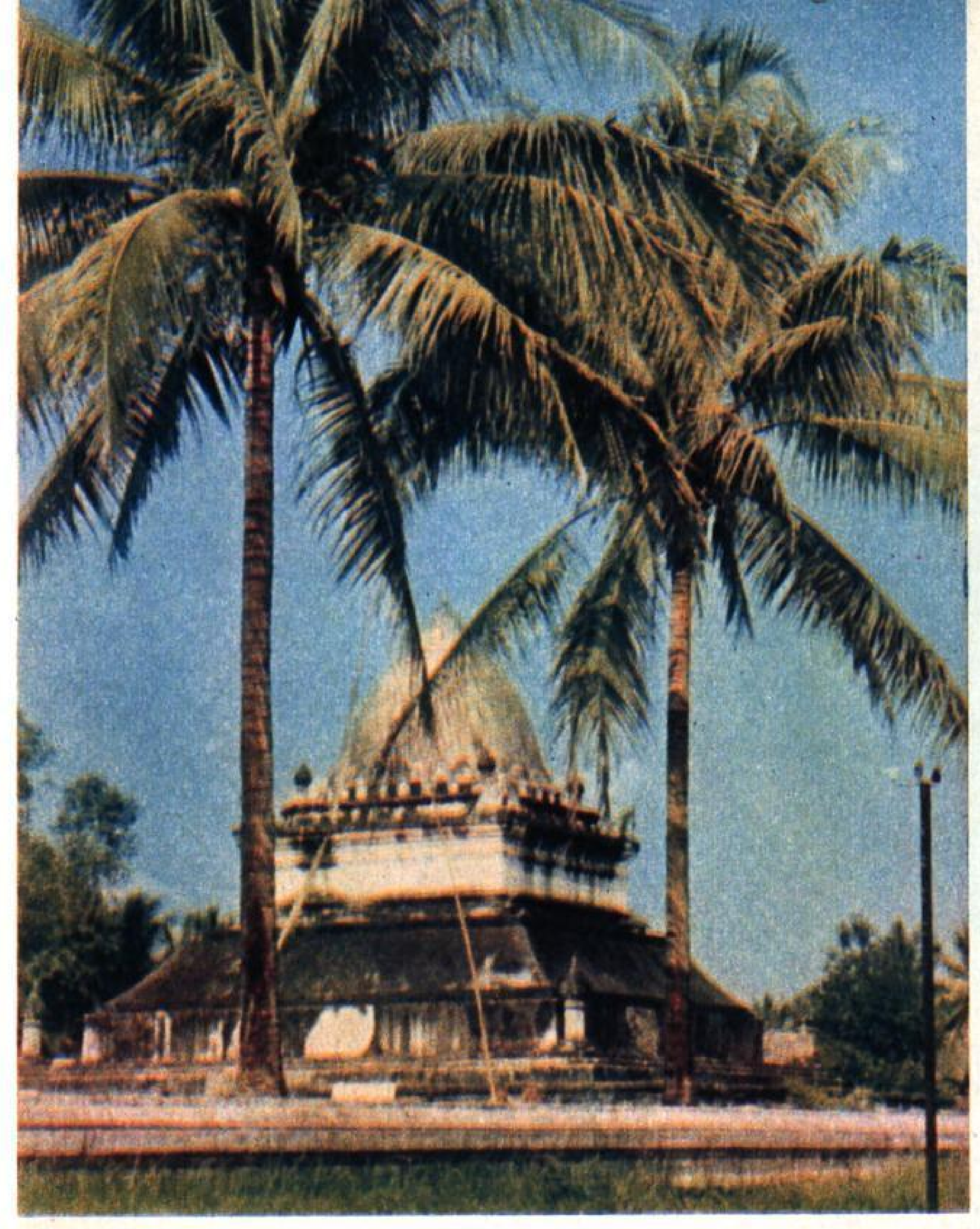
Вместо ответа в трубке послышался какой-то сердитый, захлебывающийся звук. Генерал позвонил в генштаб, но не получил никакого ответа, так как мы перерезали провода. Генеральская резиденция была крепкой, солидной постройкой и скорее напоминала крепость, чем жилой дом. Наши солдаты раза два стрельнули холостыми зарядами, потом вошли внутрь и вывели генерала. Он был безоружен и трясся от злости в своей пижаме.

Несколькими минутами позже все объекты оказались уже в наших руках. Общие потери были немногочисленны: один раненый у нас, один убитый и два раненых у противника.

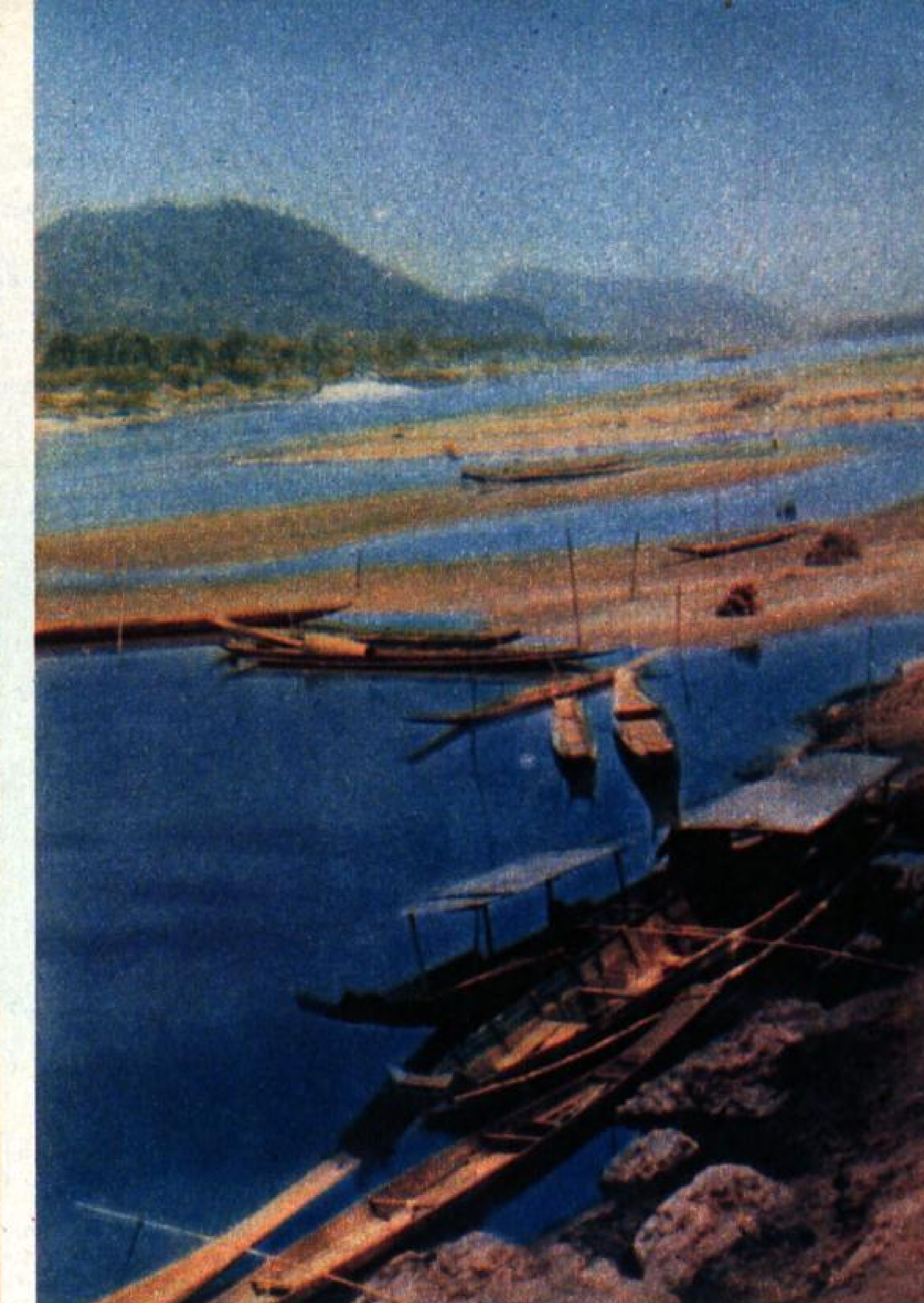
Мы окружили американских и французских советников и заперли их в казарме.

На рассвете жители вышли из домов. У нас уже были напечатаны листовки, в которых мы объясняли, зачем понадобился переворот, и рассказывали о целях нашей политики: мир, нейтралитет, конец иностранной интервенции, конец коррупции в стране. Всех охватило ликование. На улицах появились демонстранты, несущие плакаты: «Янки, убирайтесь домой!», «Выкинуть вон американцев!», «Мир и объединение! Мы за дружеские отношения с социалистическим миром!».

Вот как это было...

О чудесном искусстве народа рассказывают древние храмы Луанг-Прабанга.

Рыбачьи лодки на берегу Меконга.

Зима. Но она совсем не такая, как у нас.

← Из поколения в поколение передается удивительное мастерство чеканки по серебру.

Будущие балерины. В хореографическом училище во Вьентяне.

Фото И. ГУТМАНА и Е. ЯЦУНА.

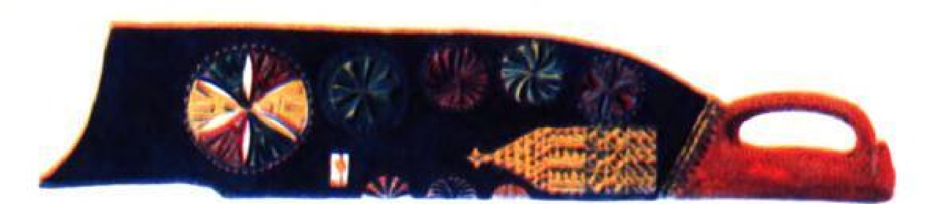
Их слушает вся страна. Дикторы радиостанции «Голос Лаоса».

Расписные северные прялки. XIX век.

Резные трепальца. Конец XIX — начало XX века.

Вышивка на вологодских полотенцах.

Зарисовки И. ГЛАЗУНОВА.

Резные наличники северных крестьянских изб и расписные туеса.

Адрес? Тотьма, Тарнога...

Владимир СОЛОУХИН

В этих местах я впервые увидел, что так называемый конек крыши не пустое слово, не условное название того острого гребня, где сходятся два ската, но и на самом деле крутогрудый и как бы даже прядающий ушами конь.

Впрочем, не надо думать, что если конь, то все в подробности должно быть вырезано умелыми руками: и каждая складочка на коже, и каждая жилка, и каждая прядь гривы, как это бывает иногда на бронзовых монументах в больших и даже столичных городах.

Манера условного искусства во все времена была знакома русскому народу. Умелый человек стругнет три раза острым ножом — и, смотришь, уж простая ручка деревянного, скажем, ковша превратилась в лошадиную голову — изящную, выразительную, хотя и без скучных, назойливых подробностей.

Коньки на крышах создавались при помощи плотницкого топора из бревна, круто загнутого на конце, так что сам естественный изгиб определял линии конской груди и шеи.

Смотрят вдаль с высоких северных домов деревянные кони. Расстилается перед ними долина реки — светлой, холодной, рыбной. А там, за рекой, обыкновенный ландшафт вологодского севера: из лесов, разостланных по долине, тянутся округлые холмы — угоры. На каждом угоре — село. Порядок домов поднимается обыкновенно по одному склону угора, обтекает его вершину и спускается на другой склон.

С угора на угор поверх лесов переглядываются друг с другом русские села. Под крышами домов, под деревянными круглыми конями живут крепкие, рослые люди, у которых до удивительной степени развито чувство прекрасного. Если взглянуть попристальней, то весь быт, все его, так сказать, элементы были облагорожены традиционной, передаваемой из поколения в поколение истинно народной красотой.

Начнем сверху, с конька, и будем постепенно спускаться вниз.

Необыкновенно разнообразны, затейливы и, я бы даже сказал, фантастичны русские резные карнизы. Притом нельзя сказать, что нагорожено тут черт знает что. Нет, все в меру, со вкусом, подчас очень даже, как говорят специалисты, лаконично, а в целом глаз не отведешь — так просто и выразительно. Кроме того, не так, чтобы карниз сам по себе, а оконные наличники сами по себе. В сочетании же получается то, что можно назвать выражением, то есть, я хочу сказать, что каждый дом имеет как бы свое выражение лица и смотрит то весело и задорно, то хмуровато, а то и себе на уме.

...Конечно, соль на стол можно подать и на чайном блюдце. Городские крохотные стеклянные солонички как-то не бытуют на деревенских столах. Надо ведь и обмакнуть в соль хороший пучок сочного зеленого лука и ухватить добрую щепотку соли, чтобы густо насыпать ее на краюху хлеба. Пальцы же у деревенских людей и великоваты и грубоваты.

Я думаю, что не только из уважения к соли, но и из чисто эстетических соображений вологодские хлебосолы вырезывали просторные изящные солоницы, все больше в виде уточек. Плавали дубовые, да липовые, да березовые уточки по белым вышитым скатертям; не стыдно поставить и на праздничный стол, приходятся к месту и на деревянном скобленом столе в страдную пору. В жнитво хоть и не до красоты, а все лучше, чем просто чайное блюдце.

Характерно, что вологодские земледельцы прежде всего украшали орудия труда. Вот обыкновенное трепало, этакая острая дощечка, похожая на меч, которой женщины трепали лен. Работа нелегкая и, в общем-то, однообразная, за целый день так натреплешься, что рука того и гляди отсохнет. Чего бы уж тут думать о красоте! Однако если приглядеться к трепалу, то это ведь настоящее произведение искусства. Какая праздничная резьба, какой орнамент! И даже устроены погремушечки, чтобы не безмолвствовало трепало во время работы, а разговаривало на своем языке. Может быть, переговаривались между собой веселые трепалы, может, благодаря этим погремушкам и возникал определенный ритм в работе и дело спорилось лучше, нежели втихомолку.

Где поистине оказалась неисчерпаемой народная фантазия умельцев, так это в оформлении прялок. Широкая доска на тонкой ноге. К доске привязывают кудель, и в долгие зимние вечера пряхи прядут часами под пересуды или тихие песни. Не все ли равно, к какой доске привязана кудель — к красивой или некрасивой? Но, значит, не все равно, если каждая доска — самостоятельная, не похожая на другие картина.

Элементы украшения находились тут же, под руками: то василек угадаешь в резьбе, то солнце, то весеннюю лужайку, то вроде бы сказочный деревянный городок с куполами да крестиками. Ну и птицы, конечно, и лошади.

Но больше всего в украшении прялок то так, то этак присутствует солнце. Художник Илья Сергеевич Глазунов, с которым вместе мы любовались там, в Вологодской области, всеми этими украшениями, высказал предположение, что, может быть, в виде прялок запасалось крестьянами солнце на зиму, чтобы светило в избе в сумеречные северные зимы.

Трудно перечислить все предметы крестьянского быта, к которым прикладывают руки народные умельцы: красив березовый туес, удивительны расписные изразцы, нарядна резная и расписанная дуга, прекрасна деревянная посуда. Венчает же все, конечно, вышивка.

В Тотьме познакомили нас с женщиной лет пятидесяти, жившей некогда в глухой деревне, а теперь вот переехавшей вместе с мужем в районный городок Тотьму. Чисто и приятно в городской комнате. Но вот из другой комнаты, порывшись там в старинном кованом сундуке, принесла хозяйка холщовое полотенце и небрежно раскинула его на столе. Случалось ли вам когда-нибудь находиться в пасмурную, дождливую погоду где-нибудь в поле, когда вдруг сквозь тучи прорвется яркий солнечный луч и мгновенно осветит все вокруг и все преобразится и заиграет в его сказочном, волшебном свете? Вроде бы все предметы вокруг остались те же самые, но уж и не те. Я нисколько не преувеличу, сказав, что такое именно мгновение пережили мы в городской комнате у замечательной вологодской рукодельницы, когда развернула она перед нами первое свое полотенце.

То чистый орнамент, то красные всадники на красных лошадях с празднично расчесанными хвостами, то еловые веточки, то неведомые деревья, то пряничные избушки, пряничные птицы и пряничные человечки, то вроде бы труженицы-пчелки взялись за лапки и водят хоровод. Полотенце за полотенцем развертывала перед нами безвестная художница, и казалось, уж после этого полотенца ничего не может нас поразить или удивить, и все же следующее и поражало и удивляло. А потом пошли скатерти, а потом женская одежда — сарафаны, рубахи и кофточки.

Если соединить воедино все элементы бытовой красоты, которую мы увидели,— и коньки, и наличники, и солоницы-уточки, и резные крылечки, и нарядные скатерти на столе, и нарядные полотенца по желтому бревенчатому фону, и нарядную одежду посреди зеленой лужайки — и если прибавить к этому хороводный ли танец, певучую ли русскую песню, то и получится законченное единое целое, в котором одно дополняет другое и которое можно назвать красотой русского народного быта.

Отчего же мы смотрим на все это удивленными, хотя и восторженными глазами? Почему, чтобы увидеть все это, нужно лезть в глубокие старинные сундуки да еще предварительно ехать в Тотьму и Тарногу, окруженную полупроезжими лесами и отделенную от центра земли русской большими расстояниями, или идти в музеи, где в научном порядке все развешано и расставлено на стендах?

Конечно, хорошо, что все развешано и расставлено на стендах. Хорошо-то хорошо, да было бы лучше, если бы мы это видели не только в музеях.

Сколько язвительных статей было написано и напечатано в разных газетах и журналах против базарных черно-золотистых кошек! Однако сейчас важнее, может быть, не столько развенчивать упомянутых кошек, сколько прививать, вернее, возрождать в народе истинный вкус, истинное чувство красоты.

Киримизе ЖАНЭ

ОТКРЫТИЕ МИРА

Ты богат словами, как весна цветами,
Русский выразительный язык,
Ты помог родиться дружбе между нами,
Русский поразительный язык...

Без тебя б остались мы в теснинах узких,
А с тобой нам целый мир открыт.
И адыг «спасибо» русское по-русски
Русскому за это говорит.

ЖЕЛАНЬЯ МОИ

Я сегодня пишу для того этот стих,
Чтоб поведать друзьям о желаньях моих.
А желанья мои, как всегда, велики:
Я хочу, чтобы жили сто лет старики,
Я хочу, чтобы светлых улыбок детей
Не печалило горе утрат и смертей.
И еще я хочу: пусть орудья сольют
Голоса только в час, когда грянет салют,
Пусть грохочут они лишь в торжественный день,
Возвещая о мирных победах людей.
Я хочу, чтоб колхозные нивы цвели,
Чтобы реки спокойные воды несли,
Отражая прозрачный огонь бирюзы,
А не черные тучи военной грозы.
Я хочу — повторить это трижды готов,—
Чтоб земля пламенела обильем цветов,
Чтобы звонкая песня, подруга труда,
Не смолкала над нашей страной никогда,
Я хочу, чтобы искренней дружбы рука
У людей оставалась крепка,
Чтобы в полную меру их тяжкой вины
Покарал бы народ трубадуров войны,
Чтоб покой стал хозяином в каждой стране,
Чтобы мир позабыл о войне!

Перевел с адыгейского Константин ПРОЙМИН.

•

В Москве

Лакшмипрасад ДЕВКОТА,
непальский поэт

Город-мечта. Нет ей равных на свете!
Над нею парят мечты веков.
Здесь человек разумом светел
и полновластнее всех богов.
Небо очистилось здесь от тумана,
что накопляли неволи века.
Меж берегов благоуханных
льется прозрачная жизни река.
Здесь человек — созидатель великий —
знает одно евангелье —
труд.
Порвана им паутина религий,
мерзость сословных и кастовых пут.
Все здесь полно красотой молодою.
Правда встает здесь во весь свой рост.
Город Москва сверкает звездою —
первою в братском содружестве звезд...
Мир капитала — тюремные своды
с черным законом плети и пуль.
Здесь я вдыхаю воздух свободы,
чувствую новых столетий пульс.
Атому в сердце проник здесь,
желая
двигать прогресс,
человеческий ум.
Как Эверест над хребтом Гималаев,
русской науки прекрасен триумф!
Здесь над Москвою-рекой целый день я
мог бы рассматривать нови экран
и сокрушаться о тех заблужденьях,
что отравляют людей многих стран.

Перевел Павел ЖЕЛЕЗНОВ.

Отсюда М. Кутузов руководил Бородинским боем.

Памятники немеркнущей славы.

Ник. КРУЖКОВ

Есть названия и имена, священные для сердца. Упоминая их, мысленно обнажаешь голову. Дуновение истории, как шелест полуистлевших боевых знамен, рождает какое-то грустно-щемящее и вместе с тем возвышенное чувство. Дела славных прадедов, свершенные во времена далекие, возбуждают желание оглядеться вокруг, посмотреть, что сделано нами, их потомками.

...Бежит шоссе из Москвы на запад, мимо веселых подмосковных перелесков, вдоль полей, покрытых буйной зеленью, пронзает маленький древний Можайск с его уездной пестрядью трехоконных домиков, колокольней старого собора, вознесенного над городом, и вот оно перед глазами, Бородинское поле. Широкий простор, окаймленный дальними голубыми лесами, деревня Горки, село Бородино, деревня Семеновское, укрытое молодым леском Шевардино — названия, знакомые с детства, со школьных лет, запечатленные в стихах и прозе, отлитые в бронзу.

Поле русской доблести и славы! Здесь полтораста лет тому назад произошло генеральное сражение между армией Наполеона и русскими войсками, оборонявшими Москву на дальних к ней подступах,— сражение, вошедшее в мировую историю под именем Бородинского боя. Двести пятьдесят тысяч солдат на пространстве каких-нибудь пяти — семи километров, легко обозреваемом простым глазом, сошлись грудь с грудью в ужасной кровопролитной битве. Тогда, как известно, не было ни скорострельных пушек, ни пулеметов, ни танков, но ярость сражения была так велика, что буквально кровавые реки возникли на бородинских полях — жертвы с обеих сторон исчислялись десятками тысяч. Шел бой на истребление: Наполеон стремился истребить русскую армию и открыть дорогу на Москву (мысль ложная, ибо с потерей Москвы не была потеряна Россия), Кутузов стремился истребить как можно больше французов и их союзников (мысль правильная, ибо Наполеон находился в трех тысячах километрах от Франции). Жертвы русских были восполнимы, жертвы французов — невосполнимы. Русские отступили с Бородинского поля и сдали Москву французам, но наполеоновская армия пришла туда с перебитым хребтом, обреченная на гибель. Это понимал Кутузов, этого не понимал Наполеон.

Впоследствии Наполеон писал: «Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми... Из пятидесяти сражений, мною данных, в битве под Москвой было выказано французами наиболее доблести и одержан наименьший успех».

...Легкий летний ветер гуляет над Бородинским полем, россыпью цветов обрамляя подножия памятников, в густых садах краснеют крыши бородинских деревень, по небу плывут облака, то собираясь в тучи, то раскрывая бездонную синеву неба. По дороге в Можайск и из Можайска идут машины, изредка прогремит подвода, на огородах, фермах работают люди, деревенские мальчишки отчаянно режутся в городки, городские школьники пришли на экскурсию, осматривают поле — всюду тишина, покой, мир. И трудно представить себе, что именно здесь гремели раскаты великого сражения и все кругом изрыгало пламя и смерть.

Вот описание участником Бородинского сражения Бутурлиным восьмой атаки французов на Семеновские флешн, расположившиеся в той мирной долине, которая сейчас завешена легкой сеткой короткого веселого дождика: «В сей страшный час многочисленные колонны неприятельской пехоты и кавалерии с твердостью двинулись на сию роковую равнину, на которую, казалось, ад изрыгал все ужасы свои... Князь Багратион, видя, что неприятель выигрывает место, приказал войскам своим выступить ему навстречу. Вся линия колонн левого крыла россиян, двинувшись вперед скорым шагом, ударила в штыки на линию неприятельскую... воспоследовала ужасная сеча, в которой и с той и с другой стороны истощены были чудеса сверхъестественной храбрости. Пешие, конные и артиллеристы обеих сторон, вместе перемешавшись, представляли страшное зрелище неправильной громады воинов, препирающихся один на один с бешенством отчаяния. Резервы, кипящие храбростью, но удерживаемые дисциплиною, одни только соблюдали ряды свои и стояли неподвижно».

Французский генерал Пеле рассказывает о боях за Семеновские флеши так: «Русские колонны на глазах наших двигались по команде своих начальников, как подвижные укрепления, сверкающие сталью и пламенем. На открытой местности, поражаемой нашей картечью, атакуемые то конницей, то пехотой, они терпели огромный урон. Но эти храбрые воины, собравшись с последними силами, нападали на нас по-прежнему».

...Легкий летний ветер гуляет над Бородинским полем, всюду тишина и покой, но закрываешь глаза и как въявь, видишь стремительные атаки русских кавалергардов и французских кирасир, набеги казачьих полков Платова, суровые лица испытанных русских пехотинцев, видишь громаду родных, русских, и бесчисленных иноплеменных войск, сражавшихся на этом прославленном поле, и начинаешь остро сознавать, как велика и могуча наша Родина, как мужествен наш народ, горой встающий на защиту Отечества в годины тяжелых испытаний. Подневольный русский крестьянин, одетый в солдатский мундир, дрался, как лев, в ту первую Отечественную войну, обороняя священную для него родную землю от войск Наполеона, поставившего на колени всю Европу. Он сражался столь доблестно потому, что решалась судьба России, решался вопрос — быть ей или не быть. А народ наш Родины своей под чужеземный сапог никогда не отдавал и не отдаст. Французский историк Сегюр, который в 1812 году был адъютантом Наполеона, впоследствии писал: «Отдадим справедливость русским. Жертва, ими принесенная, была огромна... Они снискали заслуженную славу. Когда более утонченная образованность проникнет к ним, тогда для этого великого народа настанет великая эпоха и знаменитость сделается его уделом».

У Шевардинского редута стоит памятник, поставленный французами. На нем надпись краткая и драматическая: «Мертвецам великой армии». Это звучит как назидание, как грозное предостережение на века! Гитлер пренебрег им, развязал войну и двинулся на Москву. Гитлеровские полчища шли путем Наполеона и тоже обрели могилу и бесславный конец.

В 1941 году на Бородинском поле происходили бои между немецко-фашистскими и советскими войсками. Это был малый участок огромного фронта сражения под Москвой, сражения, завершившегося, как известно, первым жестоким поражением захватчиков нашей земли.

На Бородинском поле смешалась кровь прадедов и правнуков. И те и другие защищали Родину от иноземцев, и тем и другим народ наш поет славу.

...Легкий летний ветер гуляет над Бородинским полем, всюду покой, тишина. Но не зарастет к Бородину, полю русской доблести, народная тропа. Каждая пядь земли здешней священна!

Поле русс

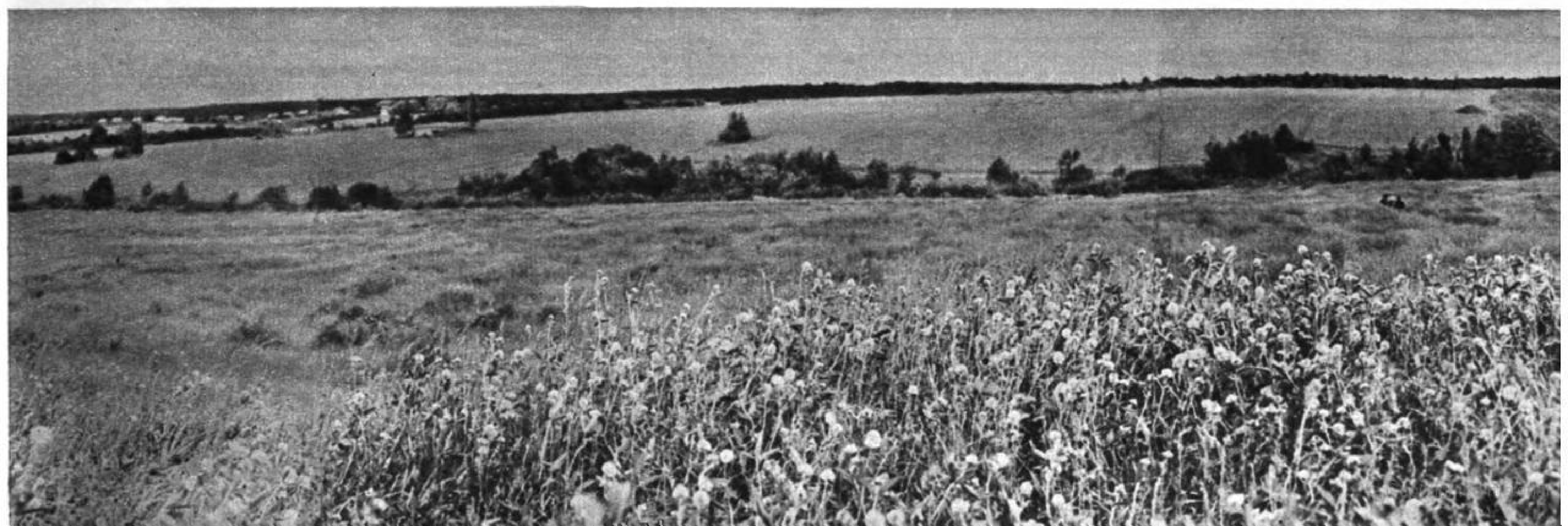

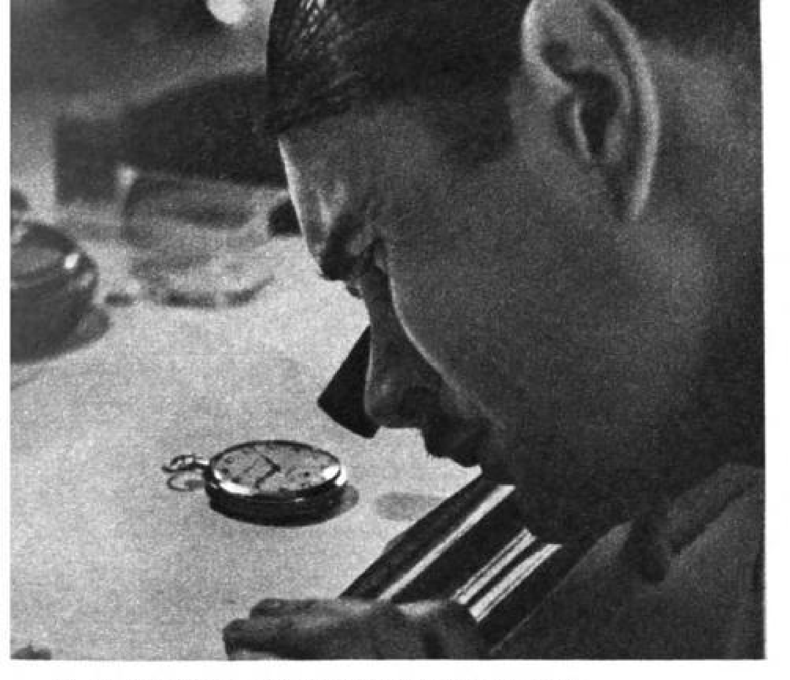
Прадеды и правнуки покоятся рядом...

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

кой доблести

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле...

Н. П. Савищев реставрирует часы Ленина.
Фото В. Соколова.

Зарубежные киноделегации в гостях у работников сельскохозяйственного кооператива.

ЧАСЫ ИЛЬИЧА

Николая Петровича Савищева часто можно было видеть в Музее В. И. Ленина. Много времени он проводил у стенда, где под стеклянным колпаком экспонировались часы Владимира Ильича. Часы эти дороги каждому советскому человеку, как любая вещь, принадлежавшая Ленину.

...В ЦК КПСС на имя Никиты Сергеевича Хрущева пришло письмо:

«...Дорогой Никита Сергеевич. Прошу вас доверить мне починить бесплатно часы Владимира Ильича Ленина, которые он носил возле своего сердца. Дело Ленина живет и будет жить в веках. Так пусть же его часы также будут жить и по ним будет провозглашен Коммунизм. Я даю слово, что до конца своей жизни буду наблюдать за ними. Н. Савищев».

Николая Петровича вызвали в Музей В. И. Ленина и сказали, что его просьбу в ЦК КПСС удовлетворили. А через несколько минут главный хранитель музея и научный сотрудник принесли Савищеву часы Владимира Ильича. Сняли стеклянный колпак.

— Сумеете пустить? — спрашивают умельца сотрудники музея.

— Обязательно.

История этих часов такая. Владимир Ильич Ленин приобрел их в 1920 году. Потом эти часы долгое время бережно хранила Надежда Константиновна Крупская и в 1938 году подарила племяннику Владимира Ильича, Виктору Дмитриевичу Ульянову. Он в 1940 году передал часы в Музей В. И. Ленина.

Время, конечно, наложило свой отпечаток на механизм. Николай Петрович — требовательный мастер. Он хотел не только дать ход часам, но и сохранить их точно такими, какими они были при жизни Ленина.

Работники музея частенько подходили, смотрели.

— Получается? Идут?

— Пока вот только этот маятничек. А их вон сколько, деталей.

Изо дня в день приходил Николай Петрович после работы в музей и чинил часы Ленина. Ему пригодился многолетний опыт. Савищев вместе с мастерами Е. В. Герасимовым и А. С. Ерошиным восстановил уникальные часы Чайковского «Бахус» XVI века, хранящиеся в Оружейной палате, за которые не брался ни один мастер в стране, часы «Храм» XVI века.

Савищев выполнил и эту работу. Часы Ленина снова точно показывают время.

Ямиль МУСТАФИН

Фестиваль под синим небом

Это самый грандиозный кинофестиваль мира!

Его участники исчисляются миллионами. Количество просмотров — сотнями. В жюри заседают несколько сот человек, а в присуждении премий участвуют десятки тысяч.

В это лето XIII кинофестиваль Трудящихся проходил одновременно в 25 городах Чехословакии. На нем было показано 18 фильмов, созданных кинематографистами 11 стран.

По традиции каждый просмотр начинался спичечным фейерверком.

Летние кинотеатры, вмещающие по 3—4 тысячи человек, составляли только небольшую часть огромного амфитеатра. Холмы, покрытые мягкой травой, невысокие стены старинных замков, современные легкие конструкции летних кинотеатров — все это составляло очень своеобразный и вместительный амфитеатр. К началу просмотров зрители, среди которых было немало жителей окрестных деревень, специально приезжающих на эти кинопраздники, занимали все предусмотренные и не предусмотренные организаторами места этого необыкновенного кинозала. В руках у каждого человека — спички или бенгальский огонь. Ослепительным фейерверком возвещают зрители о начале своего праздника. Затем происходят встречи с создателями фильма — кинематографистами различных стран, а потом смотрят фильм и выносят свое суждение. Они заполняют розданные им анкеты, обсуждают просмотренную кинокартину с теми, кто ее снимал. Затем местное жюри, в которое входят представители фабрик, заводов, сельскохозяйственных кооперативов и многих организаций города, все эти мнения суммируют и сообщают в Прагу в Национальное жюри. И тут уже присуждают премии просмотренным на фестивале фильмам.

На недавно закончившемся XIII кинофестивале Трудящихся три Главных премии получили фильмы: советский «Девять дней одного года», итальянский «Сладкая жизнь» и чехословацкий «Зеленые горизонты».

Две премии общественных организаций получили «Битва в пути» (СССР) и «Полуночная месса» (ЧССР).

И. ВЕРШИНИНА,
специальный корреспондент «Огонька»

В городе Слани депутат Национального собрания сварщик завода ЧКД Франтишек Котрба знакомит советскую киноактрису Наталью Фатееву со своей работой.

Фото Бориса Прохацка и Ладислава Кута.

«ДА, СОВЕРШИЛА»

В. Н. Фигнер. 1883 год.

К 110-летию со дня рождения В. Н. Фигнер

Петербургский военно-окружной суд, сентябрь 1884 года. Слушается «Процесс 14-ти» — четырнадцати революционеров-народников, посвятивших свою жизнь борьбе с царским произволом. Среди них Вера Фигнер.

Ее арестовали в 1883 году в Харькове и переслали в С.-Петербургскую крепость как важную «государственную преступницу».

В Центральном государственном военно-историческом архиве хранится протокол допроса В. Фигнер от 16 февраля 1883 года. В протоколе значится: Вера Николаевна Фигнер, по мужу Филиппова, от роду 30 лет; вероисповедания — православного, происхождения — из дворян Казанской губернии. В графе, касающейся рода занятий, записано: «Домашняя учительница, акушерка, фельдшерица и революционерка». О своем образовании Фигнер сообщает: «Казанский институт благородных девиц, где окончила курс в 1869 году и награждена первым императорским шифром. В 1872 году поступила на медицинский факультет Цюрихского университета...

Не окончила курса в университете по вызову революционной организации... Держала в 1876 году экзамен на фельдшерицу при Ярославской врачебной управе и на акушерку в том же году при Медицинской академии в С.-Петербурге...»

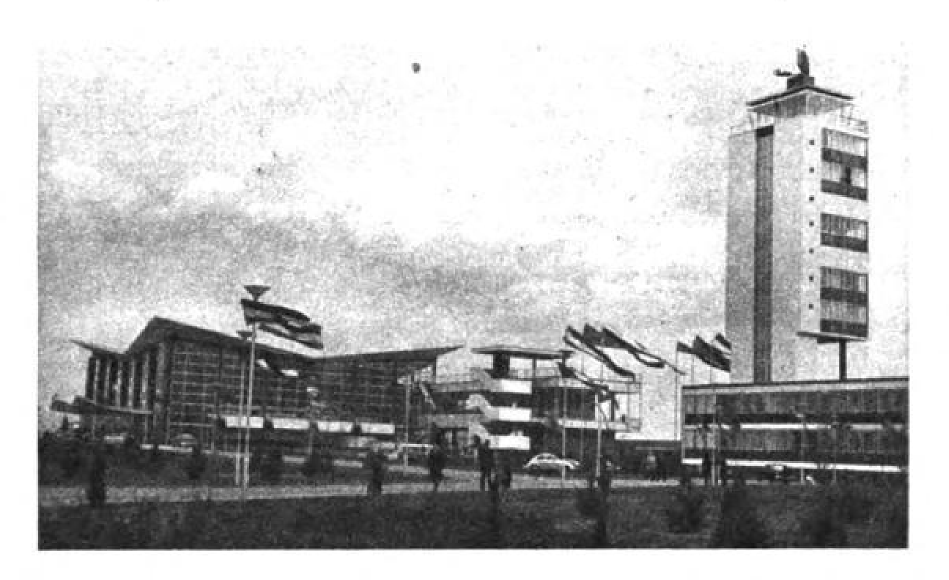
На предложенные жандармом вопросы следуют смелые, прямые ответы Фигнер: «Принадлежу к революционной партии «Народной воли», к организации Исполнительного комитета. Принимала из событий последних годов участие в 1876 году в демонстрации на Казанской площади, знала о ее приготовлении и цели; в 1879 году знала и одобрила замыслы Александра Соловьева (речь идет о покушении на царя), в том же году участвовала в съезде в городе Воронеже, в том же году вместе с Николаем Кибальчичем отправилась в Одессу... В 1880 году участвовала в приготовлении и закладке мины во время проезда императора через Одессу. В 1881 году участвовала в приготовлении к 1 марта (покушение на царя). Последние приготовления бомб были сделаны на моей квартире.

Из последующих событий — принимала участие в убийстве генерала Стрельникова и в организации типографии «Народной воли» в городе Одессе».

На все предъявленные обвинения об участии в революционной деятельности народников звучал один бесстрашный ответ Веры Фигнер: «Да, совершила». Приговор военно-окружного суда — смертная казнь. Петербургский военный прокурор в своем отношении в военно-окружной суд сообщает о помиловании и замене смертной казни бессрочной каторгой.

Двадцать лет Вера Николаевна Фигнер была заключена в Шлиссельбургской крепости. Затем еще два года ссылки. В 1906 году русская революционерка уезжает за границу и в 1915 году возвращается в Россию. После Октябрьской революции В. Н. Фигнер занималась литературной работой.

О. НИКИТИНА, А. ВЛАСОВА

ВОЗДУШНЫЕ ВОРОТА БЕЛГРАДА

Этот комплекс красивых современных зданий — аэропорт «Београд», сданный в эксплуатацию в нынешнем году. За час здесь могут произвести посадку и подняться в воздух сорок пять самолетов любого типа. Проектированием аэропорта руководил инженер Милош Лукич.

Фото Танюг.

Танец львов.

Фото Я. Рюмкина.

Голубые ступени столицы

...Мощный водопад возник у порога шлюза. Широкогрудый красавец теплоход «Космонавт Гагарин» стал будто невесомым, легким, как поплавок. Поднялся высоко, поблескивая солнцами иллюминаторов. Прошло немного времени, и «Гагарин» снова на водной «орбите» канала имени Москвы.

— Крупнейшей в стране водной трассе, детищу первых пятилеток, четверть века, а канал совершенствуется год от года,— рассказывает старейший работник трассы главный энергодиспетчер П. П. Константинов. — Вы видели когда-нибудь гидроэлектростанцию, которая работает без участия людей? Находится она в Карамышеве, но действует на протяжении всего канала. В каждой диспетчерской можно снять телефонную трубку и попросить ГЭС. Вы услышите голос, записанный на пленку. Это авторапорт — специальное электронное устройство, четко и точно следящее за каждым узлом станции.

Канал имени Москвы — первоклассное гидротехническое сооружение: автоматика, электроника, телемеханика. Энергодиспетчерский пункт. Одно движение руки — и незримый сигнал «Пошел» дает за десятки километров механизмам и агрегатам команду к действию. Внимательный глаз телесигналов связывает диспетчеров со всеми шлюзами и насосными станциями канала.

Кстати, о насосных станциях. Это они несут волжскую воду Москве. За сутки город потребляет несколько миллиардов литров воды. И всю ее дает канал.

Канал — не только транспортная артерия, канал — зона отдыха. Тут и там пестрят белые знамена парусов, в зеленых прибрежных зарослях звучат пионерские горны, усыпаны людьми пляжи. Московское море, Пестовское водохранилище, Бухта радости. Хорошие места, хорошие, полюбившиеся москвичам названия.

И день и ночь не затихает шум агрегатов. Открываются и закрываются ворота шлюзов. От Большой Волги к Большой Москве идут суда по рукотворным голубым ступеням канала имени Москвы.

В. ЩЕКАЧЕВ

На арене— Гуандунский цирк

В большой интересной программе китайского цирка поражают эквилибристы. Где и как только они не исполняют свои головокружительные номера: на проволоке, на велосипедах, на стульях, с шестом, с пиалами!.. Все номера основаны на удивительной технике. Актеры, блистательно владеющие невероятно развитым чувством баланса, не повторяют друг друга, а показывают совершенно самостоятельные и оригинальные номера.

Ловкие и цепкие Ци Гуй-хуа, Ху Лань-ин и Чэнь Жу-ин взбираются на высоченную «горку». Горка устроена из стульев — они стоят друг на друге то на одной ножке, то на ребре, то в лежачем положении. На этой весьма зыбкой пирамиде, которая, кажется, вот-вот готова рассыпаться, артисты показывают различные акробатические композиции без какого бы то ни было видимого усилия, будто их любимое местонахождение где-то на верхушке пятого стула.

Жонглеры Ху Чан-жун, Хуан Го-лун и Чэн Юй-ци демонстрируют поначалу традиционную, казалось бы, обычную работу с небольшими трезубцами, летающими в их руках. Но в заключение один из жонглеров показывает нечто необыкновенное. На кончик стальной палочки, которая установлена у него на переносице, он водружает одно на другое три куриных яйца. Это выглядит словно какое-то чудо. Зрители обмениваются предположениями, что жонглер, вероятно, работает с деревянными или пластмассовыми яйцами. Тогда жонглер, словно предвидя такие домыслы и догадки, разбивает яйца о край чайного стакана и сливает в стакан желток и белок... Зрители ахают и в восторге рукоплещут.

Выступления артистов Гуандунского цирка проходят в хорошем темпе; представление уверенно, мастерски ведет художественный руководитель гастролей Юй Бо.

Мих. ДОЛГОПОЛОВ

Гимнасты на мачтах.

ПРОБЛЕМЫ ОТКРЫТИЯ ФАКТЫ

ЛЕЧАТ ФРУКТЫ

Давно замечено: чисто химическое лекарство плохо усваивается организмом, а порой даже оказывается вредным для здоровья. Если это лекарство добавлять в удобрения для плодовых и овощных культур, то часть его перейдет в плоды, усвояемость которых чрезвычайно высока. Этот метод предложен киевским биологом Л. Токарем — сотрудником кафедры ботаники Украинской Академии сельскохозяйственных наук.

СЛЕДОПЫТ ВНУТРИ ЧЕЛОВЕКА

Ряд костных заболеваний вызван интенсивными процессами минерализации — отложением солей. Для успешного лечения болезни особенно важно распознать очаг минерализации в ранний период заболевания. Но как это сделать?

Польские врачи на кафедре изотопов Варшавского института онкологии разработали простой метод исследования — при помощи радиоактивного кальция-47. Введенный в микроскопических дозах в организм человека, радиоактивный кальций сам обнаружит место заболевания и осядет, как обычная кальциевая соль.

Теперь врачам достаточно использовать чувствительные приборы-счетчики и просмотреть все суставы на радиоактивность. Области повышенной радиоактивности и будут очагами заболевания.

ПАМЯТЬ УЛУЧШАЕТСЯ

В плазме любой живой клетки нашего организма существует множество органических кислот, две из которых, сокращенно называемые ДНК и РНК, участвуют в передаче наследственности.

Однако действие этих важных кислот раскрыто далеко не полностью.

В последнее время биологов интересует влияние РНК — рибонуклеиновой кислоты — на организм пожилых людей. Проведенные исследования показали, что внутривенные введения РНК приводят к усилению памяти человека. Вероятно, с возрастом естественное содержание РНК в клетках головного мозга уменьшается, а искусственное добавление РНК стимулирует деятельность мозга.

ЗАГАДОЧНАЯ ЗВЕЗДА

Как сообщает американский журнал «Сциенсе Дайджест», астрономы обнаружили недавно у звезды Эпсилон Центавра А пока еще необъяснимые странности.

Соотношение элементов, из которых состоит эта звезда, весьма необычно. Так, например, в ее атмосфере находится в 10 тысяч раз больше очень редкого элемента галлия, чем в других подобных звездах, в 100 раз больше фосфора, в 5 раз больше азота и в 4 раза больше железа. Одновременно отмечено, что там весьма мало кислорода и гелия. Звезда эта наблюдается в скоплении обычных звезд и находится на расстоянии 3 500 триллионов миль от Земли.

3 МИЛЛИАРДА ЛЕТ НАЗАД

Недавно доктор Калифорнийского университета Альберт Энгел на заседании Американской ассоциации по прогрессу науки сделал любопытное сообщение: оказывается, археологи обнаружили в горных породах, возраст которых исчисляется в три миллиарда лет, окаменелые остатки морских водорослей. Однако большинство ученых полагает, что жизнь на Земле зародилась не ранее миллиарда лет назад.

Если утверждение Альберта Энгела справедливо, тогда изучение эволюции на Земле сталкивается с еще одной загадкой. Дело в том, что найденные до сих пор окаменелые остатки морских животных и растений насчитывали не более 600 миллионов лет. Что же было на Земле за этот промежуток почти в два с половиной миллиарда лет?

В. ГУКОВ,
И. ЮРЬЕВ

Юлия **ХРУЩЕВА**, *корреспондент АПН*

Я почти ничего не знаю об этой стране. Перед глазами все время маячит картина, виденная в каком-то журнале: резкие, черные полосы тюремной решетки, прядь седых волос, морщины и отчаяние огромных женских глаз. Для меня это конкретный смысл слова «Португалия».

Открывается дверь. Входит человек, он, крепко сжав мою руку, говорит: «Здравствуй, товарищ...» Серый мрамор волос, отчетливое лицо, теплый, спокойный взгляд. Спокойствие в повороте головы, в движениях рук, в том, как он прикуривает сигарету.

Мы говорим о множестве разных вещей, иногда без видимой последовательности, говорим, как давние товарищи, которым достаточно двух слов, чтобы ожила и заиграла знакомыми красками какая-то картина или человеческое лицо. Я вижу, как темнеют или, наоборот, вспыхивают задиристыми искорками его глаза, слышу музыку его голоса, то мягкого, то резкого, рубленого, когда он подводит итог давно продуманной мысли.

Я уже по-другому вижу Португалию, вижу ее в сидящем рядом человеке: для меня Португалия и Алваро Куньял слились воедино, я всегда буду смотреть на далекую страну через его жизнь, его лицо, медленно каменеющее, когда речь заходит о дьявольских силах, вцепившихся в его родину...

Теплый, солнечный край. Зеленые горы, утренние туманы долин, сквозь них пробивается расплывчатое солнце. Глухо, монотонно позванивают колокольчики овец, одиноко гремит сорвавшийся где-то камень. Ленивый вздох сонного ветра, задремавшего в роще. Солнце взбирается выше, шевелится пыль на каменистой дороге. Желтые пятна ползут по скошенной траве, выхватывают из зелени согнувшиеся дома, светят из дальних темных дворов. Бездна зелени: раздольная — лесная, дразняще-яркая — льна, тусклосеребряная — олив. У моря непреклонные скалы темно нависли над белой полосой прибоя. И над всем этим вечная синь неба, безмятежно спокойного.

Большой город улегся на холмах. Лицом он смотрит в солнце и море, дома светло-розовые, светло-зеленые, светло...— все в нем светло: и широкие зеленые улицы и красивые сдержанные здания. Свет разлит всюду: в окнах, в одеждах людей, в реке, у которой название, как сама музыка,— Тежу. В голову мне лезут чудеса гриновской неуемной фантазии — Лис, Зурбаган, крепкие фигуры моряков, соленый воздух, белые дома и черная ночь, пронизанная запахом неведомого. И когда я слышу о суровых статных рыбачках в черном, высокомерно плывущих с огромными корзинами рыбы на головах сквозь хилую городскую толпу, я уже знаю этот город — его называют Лисабон, я много дней была в нем, ходила на этот базар, глотала запах рыбы, жмурилась от мягкого солнца.

Светлая, мягкая страна, говорит Куньял. Страна, созданная для того, чтобы на нее смотрели в этом свете.

Люди в стране немного печальны и необычно мягки по натуре. Они сдержанны, всегда вежливы, иногда застенчивы. Умеют сохранять достоинство во всякой обстановке, по характеру это смелые люди, но в их смелости нет ничего броского, показного — она буднична и потому воспринимается как должное. Здесь так же, как и в Испании, любят бой быков, но нет того необъяснимого экстаза толпы, жажды крови.

Что-то знакомое чувствуется в людях, о которых говорит Куньял. И не кажется странным, что в южном зное, среди вечной зелени и жарких камней живет сдержанный и мягкий народ, что в деревнях Алентежу поют протяжные, длинные песни на много голосов, с той знакомой грустью, которая всегда слышится в хоровой песне, когда чей-то высокий самозабвенный голос взмывает далеко вперед, рвется из груди, а чуть приглушенные голоса вторят ему. На севере страны музыка более буйная, больше темперамента в людях, больше красок и в танцах и в лохмотьях. Здесь больше слышна маленькая гитара — кавакиньо. Но везде по стране, особенно в деревнях ближе к горам, играет волынка. Глуховатые звуки, с чуть-чуть заунывной интонацией, простые, как жизнь, как тоска, которая след в след идет за человеком.

Нищета страшная. Нищета везде. Высохшие фигуры крестьян, измученных голодом в плодородной стране, мертвенная серость в лицах рабочих, удушье средневековых фабрик, люди, оцепеневшие от безнадежности.

— Зимой ветер гасит лампы в домах, все ведь щели не заткнешь.— Голос у Куньяла печальный, руки мнут сигарету.

Я спрашиваю о народном искусстве: что лепят, ткут, выпиливают в деревнях. Куньял качает головой.

— Это трудно. Некогда. Разве что совсем нет работы, и нет никакой возможности ее найти. А так работают от зари до зари, или у помещика, или в своем крохотном хозяйстве. Но если урывают время — глина, кружева, фигурки из дерева... Вещи поразительные!

Страна бедствует, но жиреют двести семейств, присосавшихся к ней, как пиявки. В руках помещиков земля; заводы и транспорт принадлежат иностранным толстосумам; воздух и человеческие жизни — португальской полиции. В колониях Португалии свистит кнут над миллионами черных рабов. Надсмотрщики гонят людские стада в рудники и на плантации, продают людей, убивают по поводу и без повода. От дикого средневековья шаг вперед сделан только в одном — в технике убийства: непокорных на самолетах вывозят в океан, открывают люки и сбрасывают с огромной высоты.

Бандиты держат в жадных руках сказочные сады и вдохновенные архитектурные творения, золотой песок морских пляжей и камень городских набережных. Под солнцем Португалии греют свои рассыпающиеся тела бездомные монархи, прогоревшие правители, сбежавшие от веревки гитлеровские убийцы.

Жадные руки душат Португалию, но оторвать эти руки от горла она пока не может. Почему?

Фашизм многолик, и в разных странах у него разные формы. Португальский фашизм обходится без фанфар и пьяных факельных шествий, не устраивает мировых погромов — силы не те. Террор тот же, убийства те же, бандитская рука с такой же силой сдавила горло народу, но все это с христианской лицемерной улыбкой. Может быть, эту печать наложила на него личность диктатора Салазара, который вот уже свыше трех десятков лет стоит во главе португальской корпорации убийц.

Салазар пытается окружить свое имя легендой, создать себе ореол святого отца, пекущегося о своих неразумных детях.

Диктатор — «отец нации», «финансовый гений», «философ». Прежде всего это иезуит до мозга костей.

«Отец нации», заявивший, что с «португальцами нужно обращаться, как с детьми. Поощрять их слишком много и слишком часто — значит испортить их».

«Финансовый гений», при котором страна страшно отстала в своем развитии. Годы «отеческого руководства» довели Португалию почти до средневековой нищеты, жизненный уровень в стране самый низкий в Европе. Принудительные займы тяжелым грузом лежат на плечах народа. Промышленность в самом зачаточном состоянии, половина населения неграмотна, но «финансовый гений» тратит 30—40 процентов государственного бюджета на содержание тайной полиции и армии. Иезуит объясняет бедность португальского народа волей всевышнего.

«Философ», додумавшийся до такого философского открытия: «Власть и свобода — эти две идеи несовместимы. Где существует одна, не может существовать другая... Свобода уменьшается по мере того, как человечество прогрессирует и становится цивилизованным».

Христианин с нежной душой, привыкший к мечтам в уединении. Его слух не выносит таких слов, как «убийство» или «пытки», он придумал респектабельное слово «обуздание». Заключенных не избивают, им помогают «переродиться». Целая система садистских истязаний, из которых не самой страшной пыткой является «статуя» — человек несколько суток стоит по стойке смирно, после этого распухают ноги, и человек кричит от дикой боли. Эта система, по словам Салазара, необходима, ибо она помогает упрямым людям осознать свои грехи и раскаяться в них.

Салазар вспыхивает от обиды, когда при нем произносят слово «колония». У Португалии нет колоний. Ангола? Мозамбик? Ах, какие глупости!.. Это же самая что ни на есть Португалия, ее «заморские провинции», и там тоже живут его дети, о которых он печется денно и нощно. Они сыты, довольны, простодушно резвятся на лоне природы.

Тайная полиция — Пиде—проникла во все поры, во все самые удаленные уголки страны. Ее агенты встречают ребенка в школе, принимают людей на службу, утверждают лекции профессора, решают, допустить или не допустить к работе врача. Дикие репрессии — первый и молниеносный ответ на любой протест не только в поступках, но и в мыслях. Разбухший государственный аппарат в большинстве своем составлен из людей, чье благополучие зависит от того, удастся ли удержаться Салазару. Целая система подкармливаемых осведомителей стережет португальца на работе, у дверей квартиры. Недаром большой португальский писатель Акилино Рибейру жаловался, что писать для него — мучение, потому что нахальная морда цензора все время стоит за спиной, он тычет пальцем в рукопись: «Это не пропущу и это...»

— Старая истина,— говорит Куньял.— Двое бандитов до тех пор будут сильнее десятерых порядочных людей, пока эти десять не договорятся между собой.

Борьбе за то, чтобы объединить все лучшее, что есть в народе, за то, чтобы не потерять ни одного честного человека, посвятила свою деятельность Португальская компартия. Этой борьбе посвятил свою жизнь Алваро Куньял. «Пай гранде» — «Большой отец». Так зовут в Португалии компартию.

Я сейчас вспоминаю наши долгие беседы и с удивлением замечаю: о самом Куньяле мне удалось узнать до обидного мало. И не потому, что собеседник был

ФЛАГИ БЕЗ

неразговорчив, он говорил много, щедро, с добрым вниманием ко мне. Но так получилось, что разговор о нем сам собой превращался в разговор о его товарищах и о его стране. Теперь я понимаю, этот человек не был одинок даже в одиночной камере, судьба страны, судьба партии стала его жизнью.

Куньялу 48 лет, из них 30 лет он в партии и 23 года в подполье и тюрьмах. Родился в семье прогрессивного адвоката. В 17 лет Куньял поступил в Лисабонский университет, на факультет права. Революционером стал сразу, без оглядки и колебаний. Сразу понял, что единственная реальная сила, способная бороться с фашистским режимом,— это компартия. В жизни появилась цель — огромная, оправдывавшая все тяготы и невзгоды.

Компартия только начинала приобретать массовое влияние, она росла и крепла в той же мере, как росла народная злоба против режима. Но в этих разбросанных выступлениях уже возникало то бесценное чувство спаянности, чувство локтя, поддержки и выручки товарищей, пусть незнакомых, но родных людей, без которого невозможен успех большого дела.

Во время одной демонстрации в Лисабоне полиция и фашисты перекрыли улицу – туда должны были выйти демонстранты. Свист дубинок, глухие удары по головам, крики, свалка... Хватали всех подряд. Какие-то незнакомые люди прорвались к Куньялу и его товарищам, окружили их кольцом, закрыли своими телами, медленно стали отступать к высокой ограде сквера. Перед Куньялом была широкая спина, побагровевшая от напряжения шея и судорожно металась рука полицейского, и дубинка все рвалась вперед, достать через это огромное плечо, дотянуться, но плечо не пускало. Из оскаленной пасти полицейского неслась бессильная ругань, глаза лезли из орбит — в такие минуты убивают просто от бешенства. Спина теснила Куньяла к ограде, незнакомая, но такая надежная — спина товарища, и бессильно, жалко металась впереди дубинка...

Чьи-то руки подняли Куньяла, помогли ему перелезть через ограду. За решеткой опять все были незнакомые. Женская рука поправила ему галстук, кто-то сунул в руку зажженную сигарету, потом его опять окружили и быстро повели к выходу. Потом Куньяла усадили в машину и отправили подальше от этого места. Неизвестно, кто были эти люди, они не участвовали в демонстрации, они не знали Куньяла, и он не знал их. Но чувство товарищества родилось сразу, ничего не нужно было объяснять, и, раз родившись, это чувство никогда не умрет в них. Просто честные люди...

Куньял работал в подпольном коммунистическом союзе молодежи, вскоре стал его генеральным секретарем. В 1935 году, с большими трудностями ускользнув от Пиде, Куньял приезжал в Москву, чтобы принять участие в работе VI конгресса КИМа. В 1936 году Куньял — член ЦК Португальской компартии. Партия посылает его в Испанию, он ведет там работу среди португальских эмигрантов. Возвращение на родину и вскоре — первый арест.

Через год Куньял вышел из тюрьмы. В 1940 году — второй арест, снова по вине провокатора. С 1941 года — подполье.

Тридцать шесть лет партия в подполье. Среди коммунистов есть люди, которых полиция ищет по всей стране в течение трех десятков лет, но не может найти, потому что их укрывает народ, они неуловимы для вездесущей салазаровской охранки.

Годы войны были особенно тяжелы для партии. Полиции удалось арестовать почти весь ЦК, остались на свободе только три товарища с опытом подпольного партийного руководства. Организации становились малочисленными, не хватало людей, денег, связи были нарушены. Товарищи голодали, приходилось десятки километров делать пешком, чтобы выполнить какое-нибудь задание,— денег не было на хлеб, не говоря уже о транспорте.

Однажды Куньял зашел в крестьянский дом; встретили его очень радушно, подали нехитрое угощение.

Сидевший напротив хозяин улыбнулся, когда увидел стремительное мелькание его ложки над тарелкой, и заметил: «К нам заходят иногда твои товарищи. У них хороший аппетит».

«Как я мог объяснить, что это был **не аппетит!**» — Голос Куньяла отпечатал конец фразы.

Есть какой-то грустный юмор в том, что партия однажды была вынуждена запретить своим членам забираться в чужие сады. Поводом был случай с двумя ее видными членами. Один из них — талантливый писатель Пирейра Гомиш, его книга «Эстейрос» переведена на русский язык, второй— Альфредо Динис — товарищ Алекс. Гомиш руководил в 1944 году крупной и очень важной забастовкой, после нее вынужден был уйти в подполье. Алекс тоже находился в подполье. Однажды, безнадежно изголодавшись, они зашли в сад богатого крестьянина, нарвали фруктов. Хозяин увидел, погнался за ними. На бегу они решали: «Убежать от него все-таки можно, хотя это и некрасиво. Ну, а если все-таки схватит — и в полицию? Попадаться на такой ерунде обидно, черт побери! Ведь голодаешь ты только для того, чтобы людям было лучше...»

Остановились. Оба тяжко, подетски вздохнули. Пошарили по карманам, что-то нашли, заплатили за фрукты.

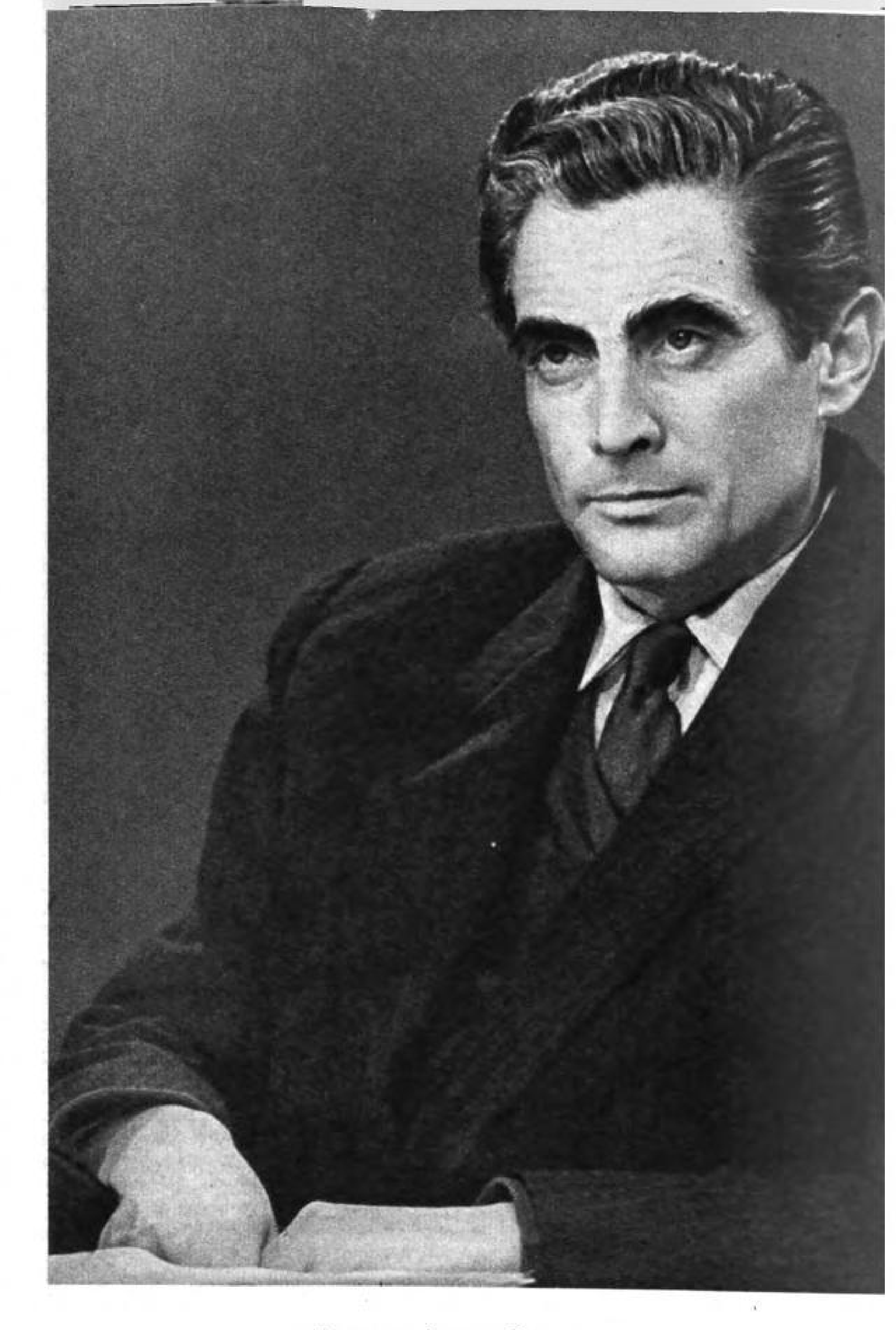
Потом рассказали об этом случае. Партия решила запретить кормиться таким образом. Куньял весело хохочет, вспоминая смущенные лица товарищей.

Гомиш вскоре умер от рака, не было никаких возможностей лечиться. Он был одним из лучших писателей Португалии. Заключенные тюрьмы Пенише назвали свою библиотеку его именем.

Алекс погиб по-другому. В то время подпольщики ходили почти в отрепьях. В одну из встреч с Алексом Куньял увидел, что тот одет до неприличия плохо, рваный пиджак делал его просто заметным. Алексу был поручен очень важный участок: он отвечал за лисабонские организации. Куньял подарил ему свой костюм. Алекс уехал на велосипеде. Уезжая, он смеялся: «Смотри, какой я теперь красивый и элегантный». Медленно завертелись колеса, потом быстрее, закрутилась легкая пыль... Фигурка врезалась в вечернее солнце, стала маленькой черной точкой, со всех сторон освещенной огромным пучком золотого света. Алекс проехал несколько километров. Поперек дороги стоял грузовик, рядом — люди. Засада. Но было уже поздно.

Алекса похоронили в новом костюме.

Но те особенно трудные годы не раздавили партию, наоборот, она окрепла и превратилась в основную силу оппозиции. Уже в 1943 году подпольный аппарат был восстановлен и усилен, партия могла руководить экономическими забастовками и политическими выступлениями. В конце 1943 года состоялся III съезд партии, имевший большое значение для ее демократизации — впер-

Товарищ Алваро Куньял.

Фото Ю. Кривоносова.

ПОЛОТНИЩ

вые удалось избрать, а не кооптировать Центральный Комитет.

В 1949 году Куньяла снова арестовывают, на этот раз вместе с его старым другом, рабочим-текстильщиком, членом ЦК партии Милитано Рибейро. Одиннадцать лет в четырех стенах тюремной одиночки.

Человек оторван от товарищей, он не знает, удастся ли ему когда-нибудь выйти на улицу, сесть на скамейку и, запрокинув голову, посмотреть в небо. Удастся ли когда-нибудь прикоснуться к руке жены, отломить ветку у дерева, столкнуть ногой камень с тропы. Нет больше запаха ночной реки, нет бурливой, разноголосой городской толпы, нет детского плача в соседней квартире. А отвыкая от этого, ты отвыкаешь от самой жизни, незаметно потухаешь, умираешь, даже если еще в состоянии двигаться от стены к стене, семь шагов вперед — семь назад, от решетки к двери, от двери к решетке... Никогда ничего другого: стена — койка, решетка — дверь, стук, стук, стук...

Первый год — только камера. Никаких прогулок, книг, газет — ничего, только камера. Только стук шагов, грязное дыхание бетона. Кого-то поволокли по коридору, но звуки опять скоро стихли. В глазок камеры заглянул полицейский, он заглядывает каждые три минуты, день за днем, месяц за месяцем. По ночам камеру заливает нестерпимый свет мощной лампы — спать невозможно. Придумал еще один способ занять себя: из случайного клочка бумаги сделал самолетик и стал пускать его от стены к стене. Увидели. Отобрали...

Снова мимо камеры по коридору волокли человека. Показалось, что это Милитано. Потом, через несколько месяцев, услышал ночью пение: издалека, из конца коридора, но в звуках было что-то знакомое. В тюрьме по ночам часто пели сумасшедшие: то заунывные, то бесшабашные мелодии, прерываемые всплесками яростного бессвязного бормотания. Иногда казалось, что непременно должно случиться что-то страшное и необъяснимое. Но на этот раз голос был спокоен, хотя и слаб. Многие ночи, когда бы Куньял ни проснулся, слышалась тихая песня. Потом он узнал, что это был Милитано Рибейро.

Вскоре Куньял стал замечать в глазок, что из одной камеры тюремщик все время выносит бачок с едой и сердитым, отрывистым жестом выплескивает его содержимое. Так продолжалось день за днем. Милитано объявил голодовку. Куньял просил у полицейских разрешения поговорить с ним в их присутствии, просил начальника тюрьмы, просил других, но все отказали. А голодовка продолжалась вторую, третью неделю, месяц...

Человек распростерт на койке. Он почти не может шевелиться, но у него хватает сил, чтобы сделать рукой отрицательный жест, чтобы глазами сказать непоколебимое «нет», и это «нет» означает его смерть, конец всему. Пусть это не самый лучший выход, но он показал врагам силу и стойкость коммуниста, доказал им, что не он, а они обречены.

Милитано так и не притронулся к еде. Когда умер, его тело весило 37 килограммов.

— Это неправильно,— горячится Куньял, и видно, что боль еще свежа в нем сейчас.— Он был нужен. Милитано умер, как герой, но не так нужно умирать. Лучше бы он жил. Ведь, кроме меня, о его борьбе, о его голодовке не знала ни одна душа на воле.

— А что бы вы сказали, если бы вас пустили к нему?

— Я бы ему сказал: ешь!

Однажды о решетку камеры, где сидел Куньял, разбился помидор и потек ручьями по ржавым прутьям и грязной стене. Второй пролетел сквозь решетку и попал ему прямо в руки, затем еще один, еще... Заключенные работали на огородах, и это был подарок ему от них. Бросали на третий этаж. Потом кто-то стал под окном внизу и начал громко читать. Заключенным разрешали иметь газеты и книги. Теперь Куньял не был оторван от мира, и надтреснутый, глуховатый голос доносил до него отзвуки борьбы его товарищей.

Приближался суд. Речь на суде была продумана давно, но ни бумаги, ни карандаша не давали. Куньял и здесь нашел выход: отковыривал куски известки и писал на полу, потом выучивал наизусть. В ответ тюремщики усилили строгость режима, обвинили его в том, что он хочет пробить стену.

На суде Куньял сказал: «Мы — представители передовой силы, борющейся за демократию, за независимость и мир. Мы — представители дела, которое исторически уже победило...

Мы знаем, что, несмотря на преследования, наша партия может рассчитывать на активную поддержку и симпатию рабочих, крестьян, всех честных тружеников и интеллигенции...»

Суд приговорил Куньяла к четырем годам тюрьмы. Куньял просидел одиннадцать — к нему автоматически были применены «меры безопасности» как к «неперeродившемуся».

Через девять лет Куньяла из лисабонской тюрьмы перевели в крепость Пенише. Два года были посвящены одному — подготовке побега. Политические налаживали контакт между собой — ведь каждый сидел в одиночке,— изучали расположение постов, порядок смены караулов, надзирателей и часовых. Наконец удалось связаться с одним из часовых: он согласился помочь товарищам.

Бежать решили из столовой, предварительно усыпив хлороформом часового. Хлороформ передали с воли. Но неумелое его применение, без специальной маски, могло кончиться смертью усыпленного. Отложить подготовленный побег, поставить под угрозу спасение очень нужных народу, партии людей, или бежать сейчас, рискуя убить человека, который сам был жертвой чудовищной машины? И Куньял был рад, когда выяснилось, что никто из товарищей не хотел покупать свободу ценой гибели невинного человека...

С огромными трудностями в тюрьму передали специальную маску для хлороформа.

Наконец настал день, когда во внутреннем дворе дежурил «свой» часовой.

Лихорадка ожидания передавалась всем: через несколько минут — или воля, или — пуля в спину. Все ближе это мгновение...

В столовую шли внутренне собранные, готовые действовать решительно, мгновенно. Видимо, часовой почувствовал что-то неладное: дав свисток, чтобы заключенные встали из-за стола, он отступил спиной к стене, напряженно озираясь,— этого он раньше не делал. Но один из товарищей подошел к нему, заговорил о футболе, остальные привычно, лениво и бестолково строились. Кто-то глухо выругался, ударившись о стол. Напряжение чуть разрядилось. В эту минуту на часового набросились, сунули маску с хлороформом, потом ловко связали его. Неуместно громким казалось хриплое дыхание людей. Никто не разговаривал: теперь уже не о чем было. Нервы натянулись донельзя: малейшая случайность — и все могло рухнуть.

Небольшое пространство во дворе пришлось поодиночке пересекать ползком. У часовых был приказ стрелять в каждого, кто появится в неположенном месте без охраны. Кажется, что все видят тебя, ты один и не защищен ниоткуда, ты яркое пятно на земле. Но страшно даже не это — стрелять будут не только по тебе, по всем товарищам. Страх за них переполняет тебя, и хочется скорее, скорее доползти до спасительной черты.

Дальше «свой» часовой прятал каждого под плащом и поодиночке переводил к безопасному месту.

Два раза пришлось прыгать с довольно высоких стенок: один из товарищей повредил ногу, и его потом все время несли на руках. Он не просил оставить его: может быть, знал, что просить бесполезно.

Когда все одиннадцать человек наконец добрались до внешней пятнадцатиметровой стены, укрепить связанную из простыней веревку было делом одной минуты. Вторым по стене спустился «свой» часовой. Кому-кому, а ему-то уж обеспечен расстрел, если их поймают. Внизу уже ждали товарищи.

Побег был настолько дерзостным, лихим, что Пиде разрывалась от злости. Начались лихорадочные поиски по всей стране, суматошные облавы. Но все было бесполезно: подполье надежно укрыло своих товарищей.

Многое изменилось в стране за то время, пока Куньял был в тюрьме. Компартия приобрела огромное влияние. Она в подполье, но ее противники вынуждены считаться с ней как с реальной политической силой. В тяжелых условиях подполья регулярно, раз в две недели, выходит газета «Аванте», где указывается, сколько человек и какую материальную помощь оказали газете. Это—убедительное доказательство растущей поддержки, которую народ оказывает партии. Компартии удается издавать в подполье и распространять бюллетень ЦК, газету для крестьян, газету текстильной промышленности, пробковой промышленности, молодежи, военных, выпускать листовки, брошюры, произведения классиков марксизма. С 1949 года, когда полиция последний раз напала на след подпольной типографии, ее не могут найти.

Несмотря на разгул террора (только в 1959 году в стране было арестовано несколько тысяч человек по политическим мотивам), массовая борьба в городах и деревнях приобретает все больший размах. Почти ни одного дня не обходится без какого-нибудь выступления: за лучшую зарплату, против сверхурочных часов, против безработицы, против фашистских бесчинств... После издевательских выборов 1958 года всю страну потрясли мощные политические демонстрации в городах. И не без оснований лакеи Салазара винят в этом коммунистов: в настоящее время компартия, ее неутомимая, самоотверженная работа стоит почти за каждым народным выступлением.

Международная обстановка тоже складывается неблагоприятно для Салазара: бушует Ангола; фашистский правитель со страхом ощущает, что рано или поздно ему придется лишиться колониальных костылей, спасающих его от полного экономического краха. Чувствительный удар режиму нанесла потеря Гоа: Салазар в истерике даже обругал своих хозяев — американских и английских империалистов — за их «недостойное поведение», за слишком слабое влияние на Индию.

— Говорят, режим Салазара разваливается,— заключает Куньял.— Это неверно и слишком легковесно. Он не разваливается, он переживает внутренний кризис. Салазар еще достаточно силен, и, несмотря на то, что все, весь народ против него, он еще крепко держится за власть. Держится с помощью штыков. Силы оппозиции не сконцентрированы, и в современных условиях, не объединившись в единый фронт, нельзя уничтожить режим. Если же нам удастся добиться единых действий, мы опрокинем режим, возможно, путем открытого столкновения.

В 1945 году, в день победы над Германией, улицы Лисабона бушевали улыбками, которые печальный народ так долго хранил про себя. Надежда искрилась в огромных девичьих глазах, смеялась в морщинах стариков, шествовала во главе буйных мальчишеских ватаг. Неудержимая музыка рвалась из распахнутых окон, звенела, перекатывалась по площадям и улицам, влетала в толпу людей. И все вдруг сливалось в бешеном танце, гремело тысячами каблуков, кружилось гигантской летящей каруселью улыбок, ярких платков, мятущейся стаей вскинутых рук.

Поднялась и запела во весь голос душа исстрадавшегося народа.

Салазар вылез на балкон английского посольства. Он стоял, истомленно помахивая рукой и криво улыбаясь. Внизу плыли знамена: американские, английские, французские. Русских не было. Палач запретил советские флаги: русские не победители, они враги, они вообще не имеют никакого отношения к этой радости. Но тысячные толпы смеющихся людей решили иначе: они несли, подняв высоко вверх, на глазах у всех, советские знамена. Красные полотнища не полоскались на ветру, не хлопали над головами людей. Это были просто древки, обыкновенные палки, но каждый знал, какое знамя реет на этих древках, и в огромном лесу голых палок терялись краски других полотнищ. И было что-то грозное в высоко поднятых палках, люди держали их как оружие, и все понимали это, и всех охватило тревожное предчувствие близкой бури...

И. Середин. СОЛНЦУ И ВЕТРУ НАВСТРЕЧУ.

В. Косенков. ЮНЫЕ ТУРИСТЫ.

И. Заринь (Рига).
МЫ ОБЕЩАЕМ!

А. Жмуйдзинавичюс (Каунас).
ДОБРОЕ УТРО.

Попробую себя разрекламировать

Эннио де КОНЧИНИ

Очень трудно нарисовать картину, которая полностью отразила бы сегодняшний день итальянского кино. Главная же моя трудность в том, что большинство советских читателей еще не видело того, о чем я собираюсь говорить. Поэтому-то я попытаюсь не философствовать, а рассказать нечто о фактах, о событиях, ибо по складу характера я скорее склонен шутить, чем смотреть на вещи слишком серьезно. Естественно, что серьезные мысли — если вы мне позволите так выразиться — будут заключены в подтексте.

Итак, мы начинаем... Некоторое время назад Федерико Феллини принялся снимать свой новый фильм после более чем годовой подготовки. Съемки фильма окружены полной тайной! Никто не знает даже его названия. Картина официально значится под титулом «Феллини восемь с половиной». «Восемь» означает, что речь идет о восьмой работе режиссера, а «половиной» считается эпизод фильма «Боккаччо 70», снятый недавно Феллини и уже подвергшийся нападкам критики.

О содержании фильма не знали долго даже актеры. Категорически запрещено было говорить о сценарии, а читать его и подавно. Роли были лишь в самых общих чертах предварительно описаны режиссером. Никто из актеров не мог представить себе свою роль по тексту. Либо да, либо нет! Решайся!

Кое-кто считает, что полное отсутствие гласности — и в то же время столько разговоров о сохранении тайны — просто является последней «находкой» Федерико Феллини, ловкой мистификацией и саморекламой.

Человек, который так хорошо знает Федерико, как я знаю моего друга детства, хотя наше сотрудничество в кино остановилось на фильме «Тельцы», может сказать вам честно, что в душе Феллини всегда живет настоящая, выстраданная правда. Живет даже тогда, когда его поступки могут показаться рассчитанными на внешний эффект или просто фальшивыми. На самом же деле Федерико боится, что будет искажен истинный смысл его фильма, что газеты, завладев сюжетом, начнут изображать его в неправильном свете, придадут ему нелепую или тенденциозную окраску. Ревниво оберегая свое детище, Федерико стремится защитить фильм любой ценой. Прибегнув, пожалуй, к слишком строгому молчанию, о котором чрезвычайно много кричат, Федерико жаждет донести свою работу до зрителя в девственном состоянии.

Нельзя не признать, что кое в чем Феллини прав.

Зачем просто так, ради удовлетворения пустого интереса публики, выкладывать все то, что вынашивалось с таким трудом в течение долгих месяцев? Кроме того, я знаю, что молчание Феллини ни контрреклама, ни доказательство хитрости. Я вполне ответственно утверждаю это, потому что мне, своему старому другу, Федерико давал читать сценарий! Но я тоже не могу сейчас о нем говорить, потому что связан словом, как и все другие.

Сколько времени уйдет на создание фильма? Как долго продлятся съемки? Кто знает! В Риме пожимают плечами и говорят о долгих месяцах работы. Чтобы вы имели все же представление о том, как снимается фильм, я расскажу о посещении студии. Когда я отправился туда, то встретил директора картины, моего старого приятеля; я собирался пригласить его для работы над фильмом «Итальянцы — хорошие ребята». Этот фильм я начну снимать с режиссером Де Сантисом в Советском Союзе в конце июля. Я воспроизведу наш разговор слово в слово:

— Привет, доктор! Как вы очутились в наших краях?

— Я пришел повидать Федерико и поздравить его с началом съемок.

— Тогда вы должны и меня поздравить. Здесь творится такое!..

— Между прочим, не поехали бы вы со мной в Россию для съемок фильма «Итальянцы — хорошие ребята»?

— А когда это будет?

— В июле...

— В июле! Вы шутите, доктор! Я сейчас веду переговоры с участниками фильма Федерико — выясняю, что они хотят получить в подарок к Новому году...

Довольно странный способ определения срока работы над фильмом, не правда ли?! Но всегда у Феллини знаешь лишь, когда наступает начало съемок, и не знаешь, когда придет им конец, хотя обычно все кончается прекрасно.

На главную роль в фильме Феллини выбрана актриса Сандра Мило, которую, вероятно, и вы знаете как участницу фильмов Росселлини, Пьетранжели и многих других. Для фильма требуется, чтобы Сандра Мило потолстела, и довольно сильно. Но разве можно просить красивую женщину потолстеть во что бы то ни стало?! Как быть? Федерико не поддался панике и высказал Сандре свое требование без обиняков. Каков результат? Целый месяц Сандра Мило, наконец-то освобожденная от сложной обязанности быть худой, ест с утра до ночи спагетти, яйца, мясо, пьет соки и считает себя самым счастливым человеком на свете!

Для исполнения маленьких ролей Феллини выбрал — так он всегда делает — интеллигентных людей: писателей и художников. Довольно странно и даже забавно видеть, например, врачей, одетых в белые халаты, загримированных, готовых в любую минуту подать свои реплики и двигаться по команде, когда знаешь, что они вовсе не врачи, а музыканты или поэты.

К слову, об этих импровизированных и случайных врачах. Маэстро Роберто Николози, автор музыки ко всем фильмам, выпускаемым фирмой «Галатея», встреченный случайно Феллини, был тотчас же приглашен им на роль врача. Николози страшно не повезло: в первый же день съемок он оцарапал нос обо что-то острое. В результате огромный пластырь на самом кончике носа. Что же будет дальше? А то, что вот уже целый месяц он ходит с пластырем на носу, хотя нос давным-давно зажил. Вечером, когда кончаются съемки, Николози может снимать пластырь, но маэстро признался, что очень привык к нему.

...А вот другой режиссер итальянского кино — Антониони. Вокруг его имени сейчас тоже много шума. Большим успехом у нас пользуется его трилогия — фильмы «Приключение», «Ночь» и «Затмение».

Фильмы Антониони предназначены для небольшого числа зрителей, для публики рафинированной, так говорят по крайней мере. Сам Антониони не был связан с промышленным кинематографом; ему приходилось для каждого фильма находить продюсера, изворачиваться, подвергать себя и своих сотрудников неслыханным жертвам, все время находясь под угрозой прекращения съемок из-за недостатка средств. Я знаю, каково это, потому что работал с Антониони над фильмами «Крик» и «Приключение» и сам столкнулся с финансовыми затруднениями, такими, когда встает вопрос — быть или не быть фильму, когда не хватает тех скудных средств, которые предоставляли нам продюсеры — энтузиасты с тощим кошельком.

Однако Антониони всегда шел вперед, ожидая удачи, уверенный в своей силе и своих достоинствах художника. Если он и падал духом, то это случалось очень редко и продолжалось недолго. А вообще-то он показал настоящую стойкость и удивительное упорство.

И вот наконец пришел успех. Фильм «Приключение», принятый сперва свистом и смехом, покорил не только критиков, но и зрителей. Год спустя фильм «Ночь» принес Антониони новый большой успех. Внезапно Антониони превратился из человека, которого избегали продюсеры, в самого желанного для них режиссера, оспариваемого ими друг у друга. Пришла слава. Пришли выгодные предложения. Все это вскружило бы голову всякому, но только не Микеланджело Антониони. Он попрежнему спокойно и смело идет своим путем, отказываясь от коммерческих фильмов с их сказочными прибылями, отдавая всего себя искусству, требуя такой же полной отдачи и от других. Он никогда не возьмет актера, который его не увлекает, не возьмет продюсера, который не пользуется его уважением.

Сейчас Антониони тоже готовится к новому фильму. И он тоже держит все в секрете. Но, как он сам говорит, это будет картина совсем новая по теме, не похожая на предыдущие.

То, что фильм «Затмение» на фестивале в Канне не получил должной оценки и признания, вызвало у Антониони известное разочарование. Правда, теперь он, кажется, преодолел его. И я уверен, что если поговорить с ним сейчас, то он уже не повторит те искренние, но все-таки ошибочные слова, которые произнес на следующий день после фестиваля: «Я снимаю фильмы, которые начинают понимать только через год после их выхода...» Это заявление вызвало целый поток откликов, обрушившихся на Антониони со страниц газет. Там были советы и предложения снимать фильмы с опозданием на год, чтобы они стали понятными сразу же!

Вслед за Антониони скажу о другом мастере, о другом челове-

Писатели и книги

ЦЕНА ЧЕЛОВЕКА

Юрий Герман опубликовал роман «Дорогой мой человек», вторую книгу повествования о Владимире Устименко — о враче-воине, о неистовом человеке.

В первой книге романа, «Дело, которому ты служишь», писатель рассказал о юности героя, о его учении.

Роман «Дорогой мой человек» начинается в первые дни войны возвращением Устименко из-за границы, где он работал, в родной Унчанск, к которому уже подошли фашисты. Роман завершается после окончания войны возвращением Устименко в разрушенный, испепеленный Унчанск.

А между этими событиями — война, которую молодой хирург начал с того, что попал в окружение и вышел из него, затем работа на Северном флоте, тяжелое ранение, трагедия отчаяния (думал, что не будет больше хирургом).

Такова фабула романа. В потоке событий, таких обычных в военные годы, крепнет, растет характер Владимира Устименко, самобытный, упорный, крупный характер героя нашего времени.

Еще в студенческие годы, когда Володя Устименко стажировал в районной больнице, главный врач Богословский сказал ему:

— Вы обязаны быть нравственным богатырем, легендой, сказкой...

— Я не могу быть легендой,— угрюмо ответил Володя.— Я Устименко...

Он и не стал легендой — в духе железобетонных богатырей тех романов, в которых много громких слов, но мало правды о человеке. И вместе с тем Владимир Устименко — легенда, ибо о таких людях, как он, слагают легенды.

Юрий Герман сталкивает своего героя с хирургом Цветковым. Он тоже талантливый врач, но наполеончик. «Все было перемешано в этом человеке — высокое и низкое, дурное и хорошее, настоящее и поддельное».

Настоящее — сила воли, поддельное — игра в Наполеона, рисовка перед другими и даже перед самим собою. Хорошее — знания и талант, плохое — самоуверенность... Характер нередкий, к сожалению, а в прошлом, к еще большему сожалению, нередко выдававшийся за образец: культ личности глубоко въелся в подобных людей, и они достаточно сильны, чтобы внушать другим культ своей личности... И еще один характер: тоже врач, товарищ по школе Евгений Степанов, приспособленец, карьерист, типичный кукушонок, как о нем говорит его сестра Варя. Кукушонок, который, вылупившись, выбрасывает из гнезда остальных птенцов, и родители все свои заботы отдают ему, чужаку.

Устименко попал однажды под бомбежку в порту вблизи пришвартовавшегося американского транспорта. Когда бомбежка кончилась и он увидел, что растерзаны на куски работавшие на разгрузке женщины, он попытался отнести умиравшую грузчицу на борт «Либерти». Напрасно шел он вдоль борта: «они убрали трап — эти братья,— вот что они сделали!» На мгновение Устименко показался себе «таким ничтожным, таким ерундовым — дурак с идеей, что человек человеку — брат».

Когда Устименко в госпитале был близок к самоубийству, люди вернули его к жизни. Врачи госпиталя, видя отчаяние Устименко, пригласили его принять участие в консультации одного раненого. Устименко вместе с главным врачом делает эту, как назвали в госпитале, спаренную операцию — спаренную не потому, что ее делали двое, а потому, что ее делали двум больным: раненому танкисту и самому Устименко, его раненой душе... Да, человек человеку — друг, товарищ, брат...

Есть в романе история несчастной любви Вари и Володи, любви, которая разрушена еще до войны из-за непримиримости Володи... Он ошибся, и поплатились за это оба: Володя неудачно женился на себялюбивой мещанке Вере; Варя сошлась с человеком, которого не любила...

И вот война позади. Володя вернулся в родной город. Тут и Варя. Она не смеет встретиться с Володей и нанимает такси, чтобы незаметно подъехать к развалинам медицинского института, куда направляется, прихрамывая, Устименко. Варя, притаившись за стеклом машины, жадно смотрит: «он был тут, почти с нею, он шел — ее Володя, ее мука и ее счастье, живой, подлинный, такой свой и такой далекий...»

А он стоял молча у развалин... «Делатель и созидатель стоял, опираясь на палку, под длинным, нудным осенним дождем. И не было для него ни дождя, ни развалин, ни усталости — ничего, кроме дела, которому он служил».

— Милый мой, милый, единственный, дорогой мой человек,— шептала Варя, плача...

Так оканчивается вторая книга романа о неистовом человеке, и мы ждем ее продолжения — о делах и судьбах Володи и Вари в дни мира.

Михаил ГУС

Юрий Герман. Дорогой мой человек. Роман. Журнал «Звезда» №№ 10—12. 1961.

Московская повесть

Вышла в свет новая книга выдающегося советского писателя С. Н. Сергеева-Ценского «Московская повесть», выпущенная издательством «Московский рабочий». В объемистый том включено много интересных произведений, которые либо совсем не входили в прижизненные сборники писателя, либо давно не переиздавались.

Сборник «Московская повесть» назван так по одноименной повести, которая была найдена в архиве писателя после его смерти и впервые опубликована в журнале «Подъем» (Воронеж). Она посвящена событиям Великой Отечественной войны. С полным правом по-

ке и другом характере, во всем противоположном. Это Пьетро Джерми. Он знаком советским зрителям по фильму «Машинист». Вместе с Альфредо Джаннетти я один из его соавторов. Кстати, недавно мы закончили фильм «Развод по-итальянски», завоевавший в нынешнем киносезоне самый шумный и неожиданный успех. Большие сборы, национальные и международные премии, энтузиазм критики — все это вознаграждает наш труд, хотя надо сказать, что фильм зарождался среди всеобщего скептицизма. Фирмы «Галатея», «Люкс», «Видес», принимавшие участие в производстве фильма, отнюдь не были уверены, что держат в руках курицу, несущую золотые яйца. Да и когда фильм был уже закончен, то, несмотря на его своеобразную, в какой-то степени новую повествовательную форму, он был встречен на закрытых премьерах неодобрительно. Так называемые специалисты предсказывали фильму короткую и бесславную жизнь. Видно, сперва нужно помолчать, а потом уж говорить!.. Фильм вышел без особой рекламы. И только после трех-четырех дней произошел взлет. Да какой взлет!.. Мы радовались и ликовали. Что касается Джерми, то он никогда не сомневался в том, что сделал хороший фильм, и теперь спокойно вкушает этот шумный успех. Вероятно, он получит огромные деньги. По этой причине казалось бесполезным спрашивать у Джерми о его планах на будущее.

— Я думаю спокойно пожить,— отвечал он.

Однако как-то я встретил его на Виа Венето. Худой, со своей неизменной сигарой во рту, он спросил меня своим резким голосом:

— Ты сможешь написать для меня сценарий?

Я теперь решил выпускать фильмы только по своим сценариям. Но Джерми я никогда не скажу «нет». И я сразу же ответил:

— Ну конечно! Когда нужно начинать?

Короткая пауза. А потом:

— Я тебе позвоню в конце этого года или в начале будущего.

Джерми не шутит. Я знаю, что между 28 декабря 1962 года и 10 января 1963 года Пьетро позвонит мне по телефону и скажет:

— Послушай, Эннио, завтра начнем. В три часа у тебя дома, хорошо?

И в течение трех, четырех, пяти, девяти месяцев надо будет вдыхать противный запах его тосканской сигары, слышать его резкий голос, ссориться каждые пять минут...

Ну, а теперь поговорим о Де Сантисе. Он приехал в Советский Союз, чтобы снимать фильм «Итальянцы — хорошие ребята». Сюжет этого фильма мы придумали вдвоем с Де Сантисом, а сценарий написали вместе с советским писателем С. С. Смирновым, Аугусто Фрассинетти и Джаньи. Фильм расскажет историю итальянского солдата, находящегося на советской земле во время последней войны, о столкновении мировоззрений двух крестьян, об отношениях между советскими гражданами и итальянскими солдатами. Зритель увидит и отступление; увидит пробуждающееся сознание итальянцев, начавших понимать благодаря контакту с русскими людьми истинную сущность фашизма.

Этот фильм идеологически важен и значителен, а кроме того, очень ответствен в смысле производства. Я говорю об этом, потому что это мой первый опыт продюсера. С итальянской стороны принимает участие фирма «Галатея», а с советской стороны — студия «Мосфильм» во главе с дорогим другом Суриным.

Мне кажется, что Де Сантис сейчас находится в хорошей форме. Он жаждет начать съемки фильма, вложить в него все свои технические знания, душевные силы и художественные достоинства. Я уверен, что никаких неожиданностей не будет. Великолепная аппаратура «Мосфильма», а главное, атмосфера дружбы и сотрудничества, которой нас окружил Сурин, лучшая гарантия успеха. Это позволит нам довести до счастливого конца наш замысел, хотя он мне кажется не очень-то легким.

Несколько слов об участниках фильма. В Италии шли переговоры с лучшими нашими актерами, а также с некоторыми американскими актерами. Это усилит широту звучания фильма. Что же касается русских исполнителей, то желающие могут обращаться прямо к В. Н. Сурину — «Мосфильм», Москва.

После такого доказательства своей продюсерской мудрости я поведаю вам еще, что фильм будет сниматься главным образом в тех местах, где проходила война. Съемки продлятся месяцев шесть.

До начала работы у нас осталось совсем немного времени, и терять его нельзя: мы рассчитываем показать фильм советским зрителям будущим летом.

А вот еще один режиссер — Лукино Висконти, известный вам по фильму «Рокко и его братья». Ныне этот художник широко известен среди деятелей кино всей Европы. Сейчас он снимает в Сицилии новый фильм — «Леопард», по знаменитой книге Томази ди Лампедуза; наконец-то она нашла в кино свое творческое и художественное воплощение. Лукино очень доволен своей работой и сценарием. Он убежден, что сможет снять интересный фильм, значительный и по форме и по существу. Исполнителем главной роли выбран Барт Ланкастер, известный американский актер, с радостью согласившийся играть эту трудную роль.

Перед началом съемок Висконти еще раз показал силу характера и удивительную твердость, когда работа над «Леопардом» задержалась на несколько месяцев. Каждый день возникали новые препятствия, новые трудности. Речь шла о дорогостоящем фильме, а в подобных случаях в том мире, где деньги — это все, постоянно возникают всяческие колебания и сомнения. Не удивительно, что то и дело из студии в студию, из одного объединения в другое пробегал слух: «Леопард» сниматься не будет! Висконти и продюсер страшно поссорились и разорвали контракт!» А на следующий день говорили противо-

весть можно назвать лирической поэмой о Москве, ее смелых, мужественных людях.

Сборник открывается стихотворением в прозе «Полубог» — самым первым произведением писателя, опубликованным в 1898 году. Тогда и начался подвижнический путь Сергеева-Ценского. Здесь же помещено стихотворение в прозе «Когда я буду свободен...». Впервые опубликованное в большевистской газете «Звезда» в 1910 году, оно с тех пор ни разу не переиздавалось. Стихотворение рисует переживания заключенного в тюрьме, который нерушимо верит в свободу.

В сборнике помещены сказка «Коварный журавль» (1898), рассказ «Колокольчик» (1900), в котором изображены картины дореволюционной фабричной жизни.

Большое место в сборнике занял роман «Обреченные на гибель» — из эпопеи «Преображение России», насчитывающей восемнадцать романов и повестей. Писатель отдал ей почти пятьдесят лет труда.

В «Преображении России» показаны три войны, три революции; борьба масс, руководимых Коммунистической партией, путь к новой, социалистической России.

Последние произведения писателя — незаконченный роман «Весна в Крыму» и небольшой, ярко написанный этюд «Ленин в августе 1914 г.» — завершают сборник.

«Московская повесть» привлекает внимание читателей. Можно пожалеть только о неудачном оформлении книги. На переплете изображена сентиментальная сценка. Очень эскизны и маловыразительны заставки в тексте.

А. ПРЯМКОВ

Веселые истории

«Человек, твой путь — всегда вперед, всегда вперед» — эти заключительные слова романа А. Григулиса «Люди в саду», вышедшего в 1940 году, являются лейтмотивом всех его произведений.

Первая его книга вышла в 1927 году. В буржуазной Латвии, в условиях фашистской диктатуры, писатель подвергался аресту и преследованиям. С приходом Советской власти на латышскую землю Григулис включился в строительство новой жизни.

Когда раздались первые залпы войны, А. Григулис добровольцем ушел на фронт и сражался в рядах Латышской стрелковой дивизии. В те годы он создал серию боевых рассказов, очерков, стихов.

Изданная недавно в Риге книга «Как Артур делал карьеру» — небольшой сборник юмористических рассказов, «веселых и не очень веселых историй». Юмор Григулиса добр, лиричен. Это юмор человека, страстно влюбленного в жизнь. Еще с детства автор зачитывался книгами Гоголя и Чехова. Писатель не увлекается комизмом положений и находит смешное в описании событий, на первый взгляд самых обыкновенных. Героев Григулиса видишь: и студента Артура Берзиня, и бойкую Ингу, и композитора Кливера, и Гунту, и беднягу Эйдиса, так увлекшегося рыбной ловлей, что любимая девушка, не выдержав, ушла от него...

Горек и безрадостен юмор довоенных рассказов писателя, вошедших в сборник, — «Два друга и рыба», «Судьба и варежки». Это другая жизнь, иной мир. Григулис выступает здесь как талантливый бытописатель старой латвийской деревни, где люди были отгорожены друг от друга заборчиком своего крохотного хозяйства. И каким контрастом по сравнению с ними выглядят молодые, веселые парни и девчата, например, в рассказе «Ошибка»!

«По непроверенным сведениям, некоторые рассказы читателям понравились», — пишет Арвид Григулис в предисловии к изданию. Думается, мы не ошибемся, если эти сведения назовем вполне проверенными.

В. СОКОЛОВ

Арвид Григулис. Как Артур делал карьеру. Веселые и не очень веселые истории. Латвийское государственное изд-во. Рига. 1962. 154 стр.

Пылающий экватор

Новая книга стихов Евгения Долматовского «Африка имеет форму сердца» — это мысли и раздумья поэта над тем, что происходит в мире. Автор не беспристрастный свидетель событий, его отношение — сердечное, гневное, дружелюбное — окрашивает каждую страницу сборника.

Африка имеет форму сердца — если приглядеться к карте, это так. Но поэт увидел здесь не только очертания. Он вложил в заголовок особое значение.

Африка имеет форму
сердца,
Ярко-красен цвет ее
земли.

Этим стихотворением, пожалуй, нужно было открыть сборник. Такой увидел сегодняшнюю Африку поэт: Африку свободолюбивую, борющуюся.

В книге четыре раздела. Все они читаются с одинаковым интересом. Каждый из них как-то по-новому знакомит нас с обитателями этой земли.

Любовью проникнуты строки, посвященные Патрису Лумумбе; гневом и ненавистью полны строфы, клеймящие его убийц; лиричностью, нежностью веет от стихов, посвященных детям, женщинам, трудовым людям, которые борются, учатся, строят новую жизнь.

Поэт побывал в нескольких странах Африки, и в стихах он стремится передать своеобразие каждой: Долматовский подмечает то характерное, что присуще каждому народу.

Один раздел сборника называется «Одинокая старая Европа». Казалось бы, какое он имеет отношение к книге, посвященной Африке? Оказывается, самое непосредственное. Это рассказ о «дикарях Европы», которые хозяйничали в Африке.

Поэт словно режет по дереву своеобразный орнамент, полный народной поэзии, песенного фольклора. Вместе с автором книги мы совершили увлекательное путешествие в страну, где бьется сердце наших друзей.

М. ГРАНОВА

Евг. Долматовский. Африка имеет форму сердца. Книга стихов. Изд-во «Молодая гвардия». 1961. 159 стр.

положное: «Леопард» снимается! Завтра начинаем!»

Так среди этих качаний от скептицизма к оптимизму, в обстановке, похожей на шотландский душ и способной поколебать волю самого упрямого человека на свете, Лукино продолжал спокойно делать свое дело, не отступая ни на шаг: выбирая исполнителей, шлифуя и совершенствуя сценарий. И теперь он действительно снимает фильм.

Коменчини, создавший картину «Все по домам», вслед за не особенно удачным последним фильмом с участием Альберто Сорди готовится к съемкам нового фильма, сценарий которого предложено написать мне и Элиане де Сабата.

В этом фильме мы хотим поговорить о жизни нынешней молодежи — об ее ошибках, причудах, увлечениях...

Упорный, щепетильный и внимательный режиссер Коменчини спокойно сидит в Риме и ждет, когда я и Элиана де Сабата принесем ему хотя бы страниц пять или шесть текста, из которого наконец все станет ясно.

Коменчини не знает, что в Москве — такой гостеприимной и такой прекрасной, да еще когда дни заполнены делами, — очень трудно такому ленивому человеку, как я, взять перо в руки и писать. Я уж не говорю об Элиане де Сабата, которая в Москве впервые; она с увлечением штудирует разговорник... Боюсь, что Коменчини придется пока забыть о своих планах, хотя они ведь и наши! Да и замысел наш я считаю очень важным. Рассказ о превращении мальчика в юношу, о столкновении его с уродствами католического и буржуазного воспитания, может, по-моему, оказать людям помощь в решении самых тонких и сокровенных проблем жизни юношества...

Витторио де Сика находится в Германии, между западным и восточным Берлином, и снимает там фильм «Альтонские узники» по одноименной пьесе Сартра. В этом фильме заняты София Лорен и Максимилиан Шелл, а также несколько американских актеров.

А где занята сейчас звезда итальянского кино Джина Лоллобриджида? Меня связывает с Джиной давнишняя дружба и общие творческие планы. Недавно в Риме, на обеде в ее доме, мы говорили о фильме, который в недалеком будущем начнут снимать в Советском Союзе. Если наши благие намерения оправдаются, то это будет один из интереснейших фильмов будущего года.

Что касается настоящего, то Джина начала сниматься в картине о Полине Боргезе, сестре Наполеона. Это очень богатый фильм, с роскошными туалетами; сценарий написан Жаном Ореншем и Пьером Бостом, ставит фильм Деллано.

Интересны планы Джины Лоллобриджиды на будущее. Кроме фильма в Советском Союзе, о котором я уже говорил, ее ждет очень интересная, своеобразная картина — «Оттепель», рассказывающая о столкновении двух обществ, двух миров и двух точек зрения. Их будут представлять итальянский коммунист и женщина-итальянка из высшего общества. Фильм будет сниматься в Кортина д'Ампеццо в декабре, делает его Франко Росси, молодой талантливый режиссер, уже получивший премию в Венеции за фильм «Друзья до гроба». Недавно его фильм «Обнаженная Одиссея», снятый на острове Таити, также завоевал всеобщее признание.

Последний фильм рассказывает о духовном кризисе человека, который не видит оснований продолжать жизнь в буржуазном обществе, хотя он связан с ним множеством условностей. Фильм утверждает, что современный человек может найти основание для творческой и полезной жизни в стремлении к правде и в исполнении моральных и гражданских обязанностей.

В фильме «Оттепель», глядя на Джину Лоллобриджиду, вы увидите новую женщину и новую актрису. Позвольте мне это сказать уверенно, потому что я буду продюсером этого фильма. Вместе с Джиной и Элианой де Сабата я видел, как день за днем рос этот фильм, сценарий которого написан мной, Элианой де Сабата и режиссером Франко Росси...

Ну, что вы скажете? Может быть, я слишком себя разрекламировал? Но ведь я писатель и продюсер из капиталистической страны, значит, я должен соблюдать правила игры. Будем надеяться, что эта игра стоит свеч! Будем надеяться также, что фильмы, с которыми связано мое имя, будут удовлетворять и радовать ваши вкусы, конечно, самые требовательные.

Синьоры, мое короткое представление окончено!..

Итальянский режиссер Джузеппе Де Сантис (в центре) на «Мосфильме» со съемочной группой фильма «Они шли на Восток» («Итальянцы — хорошие ребята»).

Фото Е. Умнова.

Станислав ТОКАРЕВ

В чем секрет?

Рано-рано воскресным утром, когда влажно блестят окна домов, на улице появляется первый велосипедист. Ему не мешают светофоры, и мокрые от ночного душа перекрестки распахнуты перед ним на все четыре стороны. Он едет в Малаховку за сиренью или в Химки на пляж, торопясь, пока не заселила прибрежную полосу шумная толпа купальщиков.

Это рядовой миллиардной армады велосипедистов мира. И уж коль прибегать к не очень новому сравнению, то можно сказать, что есть у этой армии свои сержанты, свои полковники и генералы.

«Гигантами дорог» называют трудяг-шоссейников падкие до звонких словечек западные журналисты. И еще — «пожирателями километров». Звучит эффектно. Грохочут конвойные мотоциклы. Ревут сирены милицейских автомобилей. Фото- и кинорепортеры неистовствуют. Один даже на вертолете порхает, целя с «бреющего» какой-то необыкновенной шестистволъной камерой. Зрители стеной стоят вдоль обочин, кричат, хлопают и бросают букеты.

Цветы остаются лежать на шоссе: их некогда поднимать. Цветы позади, впереди лишь тернии. С кем спорит гонщик? Со всеми ветрами. Встречный встает на пути стеной, которую — лбом, грудью, коленями — надо ломать от старта до финиша. Боковой сносит к обочине, вытягивает группу в струну и пилит на ней бешеный пассаж, пока не порвет. И тогда кто-то удирает, кто-то бросается вдогонку. Словом, боковой — коварный ветер, инициатор всяческих заварух. Но попутный — тоже не союзник. Он несет вперед, и подгоняет, и не дает отдышаться.

А еще спорит гонщик с дождем и зноем, подъемами и спусками, крохотным гвоздиком, норовящим выпустить дух из шины, восемью десятками соперников и самим собой в первую голову.

...Европа — родина велосипедного спорта. В Европе он необычайно популярен. Но почему? Зрителю шоссейная гонка дает не слишком много впечатлений. Проносятся мимо него со скоростью сорок километров в час несколько десятков спортсменов в разноцветных рубашках, и даже лица не рассмотришь у знаменитости: голова низко пригнута к рулю. Тогда почему и сегодня, и вчера, и много-много уже лет толпа все стоит вдоль дорог, все кричит и аплодирует?

Человек давно сообразил, что при помощи двух колес, двух педалей и двух собственных ног преодолевать большие расстояния гораздо быстрее и легче, чем просто пешком. На таком нехитром агрегате кто-то ездит в школу, кто-то возит письма или хлеб из булочной. А кто-то соревнуется. Для булочника, письмоносца, школьника мастер велосипедного спорта — герой, но герой весьма близкий и понятный.

Значит, в этом все дело? Однако в таком случае довольно логично будет предположить, что, когда полностью на смену велосипеду придут мотоцикл, автомобиль, может быть, даже одноместный самолет или вертолет, велосипедный спорт тоже сойдет на нет? Но я не верю в этот мрачный финал. Не верю потому, что человек, способный побеждать самые длинные километры с самой высокой скоростью при помощи одного лишь мотора, расположенного в грудной клетке с левой стороны, этот человек не может не быть для окружающих спортивным героем. Вот в чем главная причина популярности велоспорта.

«Аматеры» и «профи»

Во Франции, Италии, Бельгии, Голландии известные гонщики окружены не меньшим вниманием и интересом, чем кинозвезды или футбольные форварды. В определенной степени это объясняется невероятной рекламной шумихой, которая сопровождает выступления любого прославленного велосипедиста-профессионала. Реклама, как известно,— двигатель торговли. Любая мало-мальски состоятельная фирма считает делом чести содержать так называемую «веломарку». И когда в 1961 году знаменитый бельгиец Рик Ван Лой первым финишировал в чемпионате мира, когда он распростер торжествующе руки, фото-, кино- и телекамеры крупным планом запечатлели начертанное на груди нового чемпиона слово «Фаэма». Продукцию этой итальянской фирмы — механические кофеварки — вы наверняка видели в наших кафе.

Гонщики рекламируют электронагревательные приборы «Игнис», сигареты «Житан», коньяки «Мартини». Но отнесемся ко всему этому правильно. Профессионализм в спорте — явление, подобное раковой опухоли, но болезнь — беда, а не вина человека. То, что прославленные велосипедисты — жертвы так называемого «духа свободного предпринимательства», не мешает гонщикам оставаться, а нам считать их прекрасными, сильными и смелыми спортсменами.

Недавно, беря интервью у известного советского велосипедного тренера Леонида Шелешнева, агентство печати «Новости» поинтересовалось, в частности, кого считает Шелешнев лучшим велосипедистом мира всех времен. «Коппи,— ответил Леонид Михайлович,— Фаусто Коппи». И это — вполне справедливое признание заслуг многократного чемпиона мира, который еще три года назад, в сорокалетнем возрасте, одерживал победы в крупных профессиональных гонках.

В этом году я разговаривал с австрийцем Адольфом Христианом, занявшим некогда третье место в «Тур де Франс», основной многодневной велогонке профессионалов. «Любительский велоспорт Востока достиг таких высот, которые не снились аматерам (любителям) Запада,— сказал Христиан.— Я думаю, что, если бы лучшие пятьдесят номеров из участников велогонки Мира (разговор происходил как раз во время этой гонки) стартовали в «Тур де Франс», они бы показали этим «профи»...

Но...— Христиан погрустнел и, маленький, жилистый, немолодой, напомнил мне вдруг чем-то толстовского Холстомера.— Но выиграть бы им не дали. В туре победа часто решается не днем, а поздно вечером. Собираются вот такие (он очертил жестом огромный живот) и договариваются обо всем за сигарой и рюмкой...».

Вершина пирамиды

...Где-то в начале завязь. Где-то в конце победоносно румяное яблоко. Есть время посева и время жатвы. Советские шоссейники первые и очень неуверенные шаги делали на велогонке Мира. Первые — на международной трассе. Мы долго терпели, пока дождались золотых венков. И вот два последних года подряд мы добиваемся абсолютного успеха в личном и командном зачете.

У нас в стране миллионы велосипедистов. Тысячи носят звание мастеров. Представьте себе пирамиду, острие которой будет составлять десяток лучших, десяток гонщиков высокого международного класса.

Вот Виктор Капитонов. Ему 29. Два года назад он сделал наибольшее, что может совершить за всю свою жизнь спортсмен, — стал олимпийским чемпионом. Выиграл на римской трассе Гроттаросса полколеса у пухлогубого красивого мальчишки Ливио Трапе. Кое-кто даже из наших журналистов склонен был преподносить Трапе чуть ли не сверхопытнейшим волком шоссе — это все в попытках увеличить вес капитоновской медали. Но, друзья, главное в этой победе не финиш, не схватка с Трапе. Главное другое: решимость Капитонова уже в середине дистанции дважды сыграть ва-банк против основной группы, в которой было двадцать гонщиков, равных ему по силам. Тут и сказался характер Капитонова, особенности его спортивного и человеческого темперамента.

Ему не по нраву да и не по данным роль «разыгрывающего» (выражаясь футбольной терминологией). Когда Виктор в хорошей форме, когда у него, как говорят гонщики, «есть ход», он типичный центрфорвард таранного стиля. Он смел, очень спортивно зол и несколько бесшабашен («будь что будет, я все-таки рискну»).

Когда на исходе прошлого лета Капитонов не смог по болезни участвовать в чемпионате страны, его спросили: «Кто же выиграет?» «Мелихов»,— ответил он очень уверенно. И дело даже не в том, что Капитонов не ошибся. Характерно названное имя. Юрий Мелихов на три с лишним года моложе, но многими гранями своего спортивного облика он точь-в-точь Виктор. Он так же смел и озорно зол. Так же любит, когда в форме, трепать нервы соперникам, мучить их рывками и атаками — не

Дорога, вете

Велоболельщики на трибуне.

Всей командой вперед! Первый — Гайнан Сайдхужин.

поймешь, какой рывок истинный и какой ложный. Рослый, ширококостный Мелихов очень силен физически. Три года назад, когда он впервые выиграл этап велогонки Мира, его именем в магдебургском зоопарке назвали новорожденного медвежонка.

На роль «разыгрывающего» в нашей сборной все больше выдвигается Гайнан Сайдхужин, победитель нынешней велогонки Мира.

Наш Гайнан долгое время ходил с репутацией спортсмена сильного, но не тактика. Прошлый и особенно нынешний годы убедили нас в том, что энергия, быстрая сообразительность и высокое чувство коллективизма превратили былого «джигита» в капитана команды.

Много можно о них рассказывать: об Алексее Петрове — вот ведь кто абсолютно идеален как гонщик; об Анатолии Череповиче, могучем, молчаливом и спокойном; о Евгении Клевцове по прозвищу «Председатель» — рассудительном, покладистом и добродушном.

У дороги своя песня...

...Извечный вопрос: за что мы любим спорт? Один мой знакомый журналист, помнится, очень хорошо и точно сформулировал ответ на него. Спорт — зеркало жизни, в нем есть все, что есть в жизни: столкновения характеров, любовь, ревность, разочарования, радость и страдание, смех и слезы.

Вот так и в гонке. Вечером, когда спортсмены отдыхают после этапа, им есть чему улыбнуться. Совсем молоденький Виктор Капитонов когда-то настолько устал на дистанции, что, ворвавшись на стадион, свернул по дорожке в другую сторону и долго не мог сообразить, почему зрители, будто сговорившись, дружно машут руками куда-то вправо. А прославленный чех Властимил Ружичка припомнит случай, когда на финише от утомления и жары у него буквально двоилось в глазах, и он никак не мог понять, почему шел-шел вторым — и вдруг оказался третьим... А румынскому гонщику Думитреску пришлось однажды проехать несколько десятков километров и закончить этап на женском дорожном велосипеде — это его болельщики выручили, когда собственная машина сломалась. Могло быть и хуже, если бы под рукой оказался только трехколесный...

Велогонка Мира 1962 года. Анатолий Черепович — победитель второго этапа.

р, километры ...

Виктор Капитонов перед стартом.

У дороги своя песня, из нее слова не выкинешь. Случается, что и «гиганты дороги» плачут. Редко видел я слезы на глазах у этих закаленных («Мы шоссейники, битые-ломаные» — как говорил Черепович), мужественных людей. Редко, но видел.

Два года назад во время гонки Мира упал, въехав на стадион, Михаил Курбатов. Не помню, что там стряслось тогда, только перед глазами, как «стоп-кадр» в кино, взбрыкнувшее заднее колесо велосипеда, столбик красной пыли и маленький взъерошенный Миша, кубарем летящий в траву. И потом его лицо, когда он шел мне навстречу, и на чумазых щеках — светлые бороздки. А вокруг репортеры. Я подбежал, заслонил его, и тут уж он навзрыд...

Разные слезы бывают. Гайнан Сайдхужин в этом году в Варшаве на стадионе извозил мокрыми усами тоже мокрые щеки Петрова. Но, знаете, глядя на этих чудесных парней, на то, как счастливы они были, многие из нас, зрителей, и сами подозрительно быстро вытаскивали носовые платки.

Гайнан говорил: «Это все ты!» Петров: «Это все ты, Гайнан». И нам, журналистам: «Напишите — это он, это Гайнан был лучшим в гонке!»

Усталые, забрызганные крупными кляксами грязи, в рубашках, изначальный цвет которых разобрать было невозможно, эти двое были необычайно красивы. Потом им досталось то, что положено победителям, — позолоченные венки с разноцветными лентами, цветы, залпы ракет, круг почета, газетные полосы, киноэкраны. Но это потом. Я рад, что увидел и пережил ту — крохотную, мимолетную — первую минуту победы.

ЧУДЕСНАЯ ПОБЕДА СОВЕТСКИХ МЕДИКОВ

...Была гололедица, и когда человеку, сидевшему за рулем «Волги», понадобилось затормозить машину, ее резко занесло, и в правый бок ударил шедший полным ходом грузовик. В правом углу «Волги» сидел Лев Давыдович Ландау, академик, лауреат Ленинской премии, ученый, чье имя с уважением произносится всеми физиками мира.

Вся сила удара обрушилась на Л. Д. Ландау, и надо только удивляться, что он не был убит на месте.

Спустя короткое время машина «Скорой помощи» мчала пострадавшего с Дмитровского шоссе в ближайшую городскую больницу № 50. Он поступил сюда в воскресенье в 11 часов 10 минут утра 7 января 1962 года без сознания и, казалось, в безнадежном состоянии. Так называемое дыхание типа Чейн-Стокса — 32 вздоха в минуту — и полное отсутствие реакции на болевые раздражения свидетельствовали о начинающейся клинической смерти.

Забегая вперед, скажем, что позднее у пострадавшего при детальном осмотре обнаружили повреждения, степень тяжести которых понятна и не врачу. Это были: перелом основания черепа с тяжелой контузией головного мозга и мелкими кровоизлияниями в отдельных его участках; перелом четырех ребер справа и трех ребер слева (с разрывом плевры и кровоизлиянием в правое легкое и проникновением крови и воздуха в межплевральное пространство); перелом тазовых костей и вследствие этого обильное кровоизлияние в подбрюшинную область.

К счастью, больница № 50 — одновременно исследовательская база нескольких кафедр ЦИУ — Центрального института усовершенствования врачей, — в том числе кафедр травматологии, грудной хирургии и рентгенологии. К счастью, с первых же часов человеку, оказавшемуся у порога смерти, была обеспечена самая квалифицированная научная и медицинская помощь. Всю эту работу возглавляли член-корреспондент Академии наук СССР Н. И. Гращенков, имеющий большой опыт изучения и лечения повреждений центральной нервной системы, опытнейший нейрохирург Г. П. Корнянский — ученик и соратник покойного Н. Н. Бурденко и В. А. Поляков, заведующий кафедрой травматологии ЦИУ и клиникой больницы № 50. С того дня их называли здесь «ведущей тройкой». Начиная с полудня 7 января ко всем другим оперативным донесениям, поступавшим к министру здравоохранения СССР, прибавились еще сообщения больницы № 50 о ходе лечения академика Ландау...

Врачи больницы, дежурившие в то воскресенье, видали виды, но и они ахнули, когда осмотрели пострадавшего. Все, что имелось в распоряжении медицины, пустили в ход: внутривенное вливание различных медикаментов, кислород, грелки...

Снять шоковое состояние — вот какую задачу поставили перед собой медики. Не зная ни минуты покоя, у постели пострадавшего непрерывно находились, кроме «ведущей тройки», травматолог В. И. Лучко, нейрохирург С. Н. Федоров и другие. Они положили начало тому «чуду науки», о котором говорил писатель Борис Полевой на Всемирном конгрессе за разоружение и мир.

В 16 часов состоялось первое совещание «ведущей тройки», опиравшейся не только на свои знания, но и на опыт других ученых и специалистов. Им помогали нейрохирург Б. Г. Егоров, невропатолог М. Ю. Рапопорт, терапевт А. М. Дамир, рентгенолог Ю. Н. Соколов, микробиолог З. В. Ермольева, хирурги Б. К. Осипов и Б. А. Петров. По отдельным вопросам проводились консультации с некоторыми иностранными учеными — чехословацким хирургом Кунцем, французским невропатологом Гарсеном и французским нейрохирургом Гийо, канадским неврологом и нейрохирургом Пенфильдом, прилетавшими в Москву.

В беседе с корреспондентом «Огонька» профессор Н. И. Гращенков вкратце рассказал о том, как протекало лечение академика Л. Ландау.

— Нельзя без ужаса вспомнить, — сказал Николай Иванович, — о состоянии пострадавшего, в котором я его застал. Тяжкие повреждения, полученные им, признаюсь откровенно, повергли меня в сомнение, и казалось, что все усилия помочь окажутся бесплодными. Ведь каждая из травм сама по себе была смертельной!

Сперва все усилия были направлены на спасение жизни пострадавшего, едва теплившейся в нем, а иногда и почти совсем не дававшей о себе знать. В первые дни четыре раза констатировалась клиническая смерть: больной переставал дышать, у него прекращалась сердечная деятельность. Чтобы понять, почему я опасался трагической развязки, отмечу, что у Ландау возникли угрожающие осложнения: травматический парез (паралич) кишечника и анурия, травматическая двухсторонняя бронхопневмония, отек всего тела, включая шею и лицо. На фоне всех повреждений, заболеваний и возникали серьезные нарушения сердечной деятельности и дыхания, четырежды вызывавшие клиническую смерть.

Чтобы обеспечить то и дело угасавшее дыхание, больному сделали трахеотомию и приключили сначала ручной насос, а позднее автоматический аппарат, нагнетавший через трубку воздух в легкие. Самоотверженно боролись за каждый вздох больного доктор медицинских наук Л. М. Попова и ее сотрудники. Два раза в день делали биохимические анализы крови. Такой контроль был чрезвычайно важен, так как позволял регулировать кислотно-щелочное равновесие в крови, а также следить за тем, чтобы не началось образование тромбофлебитов.

Особо надо отметить, что все время принимались меры для предотвращения развития посттравматической инфекции. Было установлено, что Л. Ландау в последние годы в связи с простудами часто пользовался общепринятыми антибиотиками и у него в носоглотке имелись стафилококки, стойкие к ним. Вот почему понадобились новейшие препараты максимально широкого спектра действия. Препарат очищенной мочевины, облегчивший борьбу с отеком мозга, был получен из Ленинграда и из-за границы.

Поскольку первые два месяца Л. Ландау был без сознания, концентрированную жидкую пищу ему давали через тонкий зонд, введенный через нос и пищевод в желудок.

Как видите, для спасения больного было сделано все, что в силах сделать современная медицина. Надо ли говорить о том, сколь велика была наша радость, когда стало очевидно, что дело идет на лад, что есть надежда вернуть пострадавшего ученого к жизни и деятельности.

Вскоре больного перевели в Нейрохирургический институт имени Бурденко, где имеются высококвалифицированные специалисты по восстановительной терапии деятельности мозга, в частности по восстановлению движений и речи.

И вот в один из мартовских дней больной открыл глаза и посмотрел на находившихся в комнате. Сначала невнятно, а потом все яснее и яснее академик Л. Ландау стал произносить слова. Он воскресал на наших глазах.

Уже не было нужды в искусственном дыхании, он сам мог принимать пищу... Улучшение, сначала медленно, а потом несколько быстрее, нарастало с каждым днем. Вот он стал двигать правой рукой, стал пользоваться «манежиком» — столиком на колесиках, который по его росту соорудили товарищи-физики. «Дау», как они его называют, стал передвигаться по палате, немного, но все-таки передвигался.

Особенный интерес представляло постепенное возвращение памяти. Ученый вспоминал все свое прошлое. Но одного он и до сих пор не может вспомнить — это обстоятельств самого происшествия и даже то, что ему непосредственно предшествовало. Впрочем, в этом нет ничего удивительного — так бывает почти во всех подобного рода случаях: потерпевшие, как правило, не запоминают того, что вызвало потерю сознания. Академик Ландау даже говорил со мной по-английски, а когда я его спрашивал, что же с ним случилось седьмого января, он ничего не мог мне объяснить. С каждым днем его здоровье улучшается.

В заключение мне хотелось бы особо отметить ту помощь, которую нам оказал коллектив физиков, в первую очередь из Института физических проблем. Они создали свой «штаб содействия» и выполняли ряд важных поручений медиков.

Широкий диапазон медикаментозных и технических средств, использованных при лечении Ландау, показывает, какими огромными возможностями обладает советская медицина, как успешно она может справляться с решением самых трудных задач. Честь и хвала медикам, с помощью которых человек был воскрешен из мертвых.

Почему мы так говорим

«НЕПРАВИЛЬНЫЕ» СЛОВА

Древнегреческие философы-материалисты считали, что мир состоит из атомов — мельчайших неделимых частиц, движущихся в пустоте. «Атом» — значит «неделимый». Слову этому более 24 столетий.

Лауреат Нобелевской премии по физике 1927 года американский ученый А. Комптон вспоминает, что в конце XIX века крупного английского физика Кельвина спросили: «Что вы скажете о новой теории строения атома?»

— Что? — произнес ученый. — Атом имеет строение? Вы должны знать, что самое слово «атом» означает вещь, которая не может быть расчленена!

Ему сказали, что его ответ указывает на вред знания греческого языка.

«Атом» далеко не единственное слово в наши дни, которое не соответствует первоначальному значению.

Мы говорим «голубое белье». Но ведь само слово «белье» значит, что вещь белая. Если помнить происхождение слова, то как будто ясно: «белье» не может быть другого цвета, кроме белого. А «красные чернила»? Ведь в самом слове «чернила» заложено понятие о черном цвете.

Мы пользуемся многими словами «неправильно». Например, «клубника», которую мы покупаем, чаще вовсе не клубника, а садовая земляника. Весной привозят с Черноморского побережья ветки «мимоз», которые на самом деле ветки австралийской акации. Вишню ботаник определил бы не как «ягоду», а как «костянку» («В быту некрупные костянки обычно называются ягодами...» Б. С. Э., т. 23). А какие вы знаете ягоды? Если быть точным, то с ботанической точки зрения можно назвать следующие «ягоды»: огурец, тыква, арбуз...

АРТИСТ. ИНЕРЦИЯ. МЕБЕЛЬ

Часто слова, звучащие одинаково, имеют различное происхождение и, по существу, являются разными словами, тогда как совершенно разно звучащие имеют общее происхождение. Например, «ключ» (родник) связано с «клокотать», а «ключ» (для отпирания замка) близко к слову «клюка» — палка с изогнутым верхним концом. «Мина» (выражение лица) пришло к нам из французского и образовано от бретонского «мин» — клюв, а «мина» (снаряд) от слова, означающего «руда».

Как будто ясно, что «колики» (схватывающая боль в животе) явно от «колоть» («Я смеялся до колик в животе»). На самом деле это греческое слово «колике», родственное «колиту».

«Арс» — по-латыни «искусство». От него через средневековую латынь (артиста) мы получили французское «артист». От того же латинского «арс» с отрицательным «ин» (не) образовалось слово, означающее «неискусный», потом «косный». Это происходило в недрах латинского языка, и классическая латынь уже имела слово «инерция» — бездействие, вялость, позже ставшее научным термином, где «арс» уже почти не чувствуется.

Примерно так же из той же латыни («мобилис» — подвижный) мы получили как будто ничем не связанные слова — «мебель» (из французского) и «автомобиль».

И. УРАЗОВ

На аттестат зрелости

Сильвестр ГАЛАМБОШ

Шутка

В кафе за чашкой кофе с молоком сидят две женщины — Кишнэ и Тотнэ.

КИШНЭ. Как поживает ваш сын?

ТОТНЭ. И не спрашивайте! За последнюю неделю он похудел на четыре кило. Аппетита у него не было, он почти ничего не ел. Сейчас я откармливаю его ветчиной.

КИШНЭ. Он очень волновался?

ТОТНЭ. А по-вашему, аттестат зрелости — детские игрушки?

КИШНЭ. Что вы!

ТОТНЭ. Когда приблизился великий день, мой сынок совсем скис. За два дня до экзаменов он уже не спал.

КИШНЭ. Бедный мальчик!

ТОТНЭ. В день экзамена он надел выходной костюм в четыре часа утра. От волнения он грыз ногти и дрожал, как осиновый лист. В ужасном состоянии, весь изнервничавшись, он отправился утром в школу...

КИШНЭ. А экзамены прошли удачно?

ТОТНЭ. Слава богу! Сын был счастлив! Все его ученики сдали!

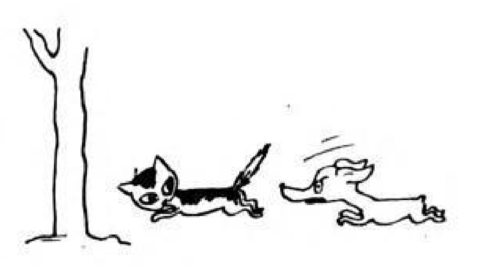
Перевела с венгерского
Елена ТУМАРКИНА.

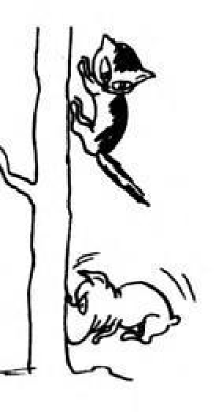

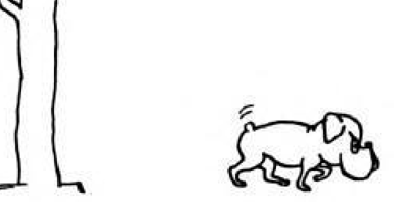
Выход найден.

ШУТЛИВОЕ НАСТРОЕНИЕ

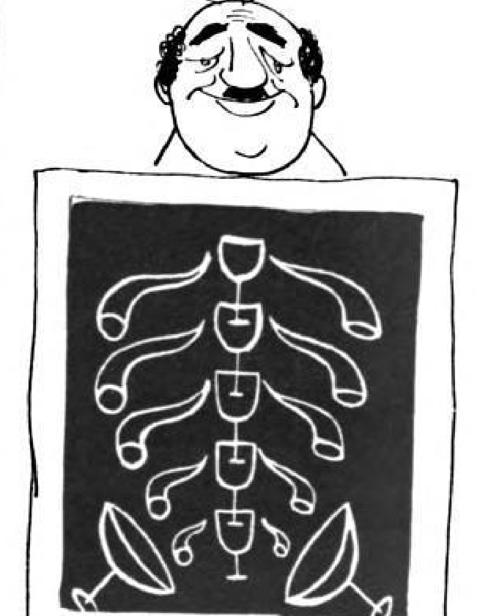
Рисунки Г. ПИРЦХАЛАВЫ
(Тбилиси)

Как стать бульдогом.

Рентген пьяницы.

Конь

Ежи АФАНАСЬЕВ

Как дважды два — четыре, известно всем, что конские соревнования пользуются популярностью как у коней, так и у людей. Нельзя между ними, конечно, ставить знак равенства, потому что человек управляет конем, а конь ему подчиняется. Но соревнования, на которых присутствуют и люди и кони, являются настоящим праздником равноправия.

Случай, который я постараюсь вам описать, произошел тому назад около четырехсот дней, двенадцати килограммов и четырнадцати широт географических... Не так уж давно.

Я сидел на трибуне, разглядывая дачников, ожидающих предстоящее им удовольствие, как вдруг на скаковой дорожке увидел поразительную картину: по коротко подстриженной траве бежал согбенный человек, на плечах у которого сидел конь. Во рту у человека торчала уздечка, и он поминутно вытирал платком пот со лба. Конь был в жокейском костюме, и, повинуясь его приказаниям, человек то ускорял шаг, то замедлял. Конь посылал улыбки на все стороны и кланялся, то и дело снимая с головы клетчатое кепи. «Ну, что ж,— подумал я снисходительно,— может быть и так».

После чего я предался философским раздумьям на наши скромные человеческие темы.

Тем временем лошади стали на старт, и человек с конем на плечах получил стартовый номер семь. Раздался выстрел — кони рванулись вперед.

Человек с конем на плечах не уступал лучшим скакунам. Напротив! Он шел легко, ровными скачками, как хорошо тренированный жеребец, и казалось, что он даже ржет от избытка сил. Чем более утомленными становились кони, бежавшие рядом, тем быстрее скакал человек с уздечкой во рту, изредка лягаясь лакированными туфлями. Оседлавший его конь от удовольствия улыбался, показывая красивые зубы, и бросал гордые взгляды в сторону трибун.

В этой скачке первым, конечно, пришел человек. Ему подали стакан содовой воды, он выпил, поблагодарив кивком.

Затем начались скачки с препятствиями. Первый барьер человек взял мощным прыжком, полным грации. Второй взял с такой же легкостью, выделывая пальцами всякие легкомысленные штучки. Само собой разумеется, он выиграл и это соревнование.

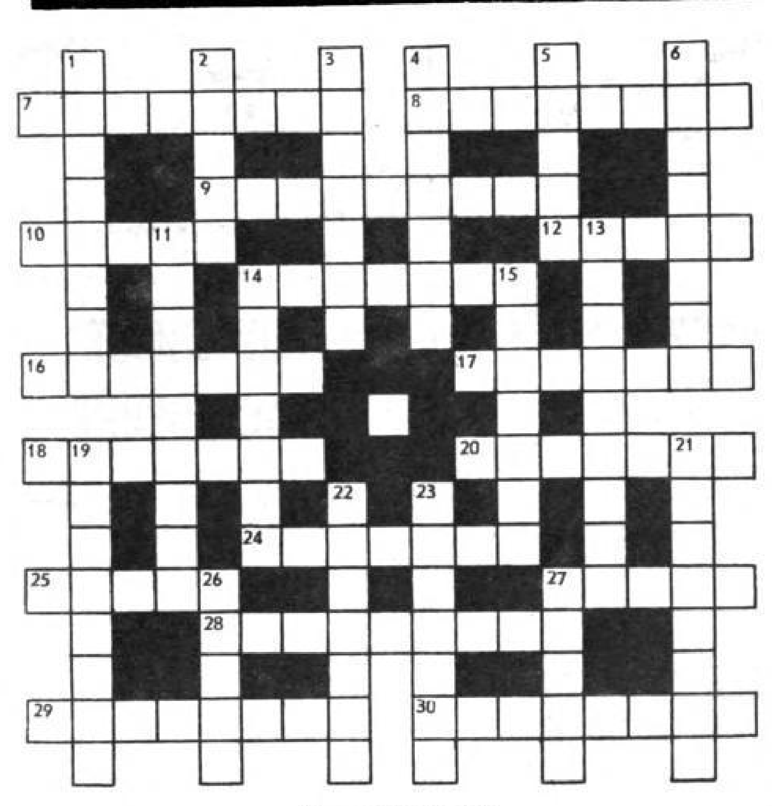
Конь получил за человека приз, принимал поздравления, человек же стоял у киоска, пил содовую воду и радовался успеху своего коня.

Я рассказал вам эту историю не для того, чтобы удивить вас неожиданным эпилогом или драматической ситуацией. Нет, это просто забавный случай из жизни, и привел я его лишь для того, чтобы вы поняли, как сильно должен был человек любить своего коня, чтобы носить его на собственной шее и не завидовать его успехам.

Всего этого мне и вам, к сожалению, не хватает.

Перевел с польского
Н. ЛАВКОВСКИЙ.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Особо ускоренный автобус. 8. Горючий газ. 9. Птица семейства синиц. 10. Украшение на башне. 12. Дикая африканская лошадь. 14. Старинная русская мера счета, веса. 16. Персонаж пьесы Н. Погодина «Кремлевские куранты». 17. Простейший подъемный механизм. 18. Административно-территориальная единица в СССР. 20. Сорт яблок. 24. Часть колеса. 25. Пушной зверек. 27. Русский композитор. 28. Сельскохозяйственная машина. 29. Автор картины «Военный совет в Филях». 30. Метеорологический прибор.

По вертикали:

1. Гриб. 2. Стиль плавания. 3. Роман А. Барбюса. 4. Приток Амазонки. 5. Имитация драгоценного камня. 6. Норвежский путешественник. 11. Писатель. 13. Курорт на берегу Черного моря. 14. Планка между стеной и полом. 15. Лиственное дерево, кустарник. 19. Обломок горной породы. 21. Промысловое судно. 22. Песня на слова А. В. Кольцова. 23. Геометрическая фигура. 26. Единица силы электрического тока. 27. Песчаные равнины во Франции.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали:

3. Водопроводчик. 7. Ватерполист. 8. Одетта. 11. Раскат. 14. «Риголетто». 16. Турпан. 17. Рогач. 19. «Огниво». 20. «Красин». 21. Порфир. 22. Сестра. 23. Облик. 25. Неодим. 26. Сравнение. 29. Постав. 31. Пальто. 32. Образование. 33. Администратор.

По вертикали:

1. «Москва». 2. Пиастр. 4. Пеленг. 5. Оцелот. 6. Эпилог. 9. Достоинство. 10. Температура. 12. Аранжировка. 13. Ассортимент. 14. Ренессанс. 15. Обозрение. 17. Рондо. 18. Чапек. 24. Лондон. 27. Амарант. 28. Ниагара. 30. «Володя». 31. Перрон.

На первой и последней страницах обложки: ХЛЕБ НОВОГО УРОЖАЯ. Краснодарский край. Усть-Лабинский район. Колхоз имени Жданова.

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00505. Подписано к печати 18/VII 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1111. Заказ № 1995.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

В честь победы

На марке изображен легендарный вождь кубинского народа Фидель Кастро. Этот почтовый знак выпущен на Кубе в честь годовщины победы революционных сил на Плайя Хироне.

В. ДУДНИКОВ

Старый Тоомас

На шпиле башни ратуши в центре Таллина устроен интересный флюгер — воин. Это Старый Тоомас. Он день и ночь неутомимо несет службу.

У Старого Тоомаса своя история. Много веков назад Таллин, как и все средневековые города, был окружен стеной. Однажды на город напал неприятель. Стоящему на посту воину не удалось вовремя закрыть ворота. Но эстонец не растерялся и смело вступил в бой. Он один сдерживал натиск врагов, пока не подоспели свои. В честь этого события в 1530 году на шпиле ратуши была установлена отлитая из меди фигура воина. Медного солдата горожане назвали Тоомасом. Это имя ему дали не случайно: оно в те времена было наиболее распространенным.

В дни Великой Отечественной войны загорелась башня ратуши, и медный воин упал. Теперь Старый Тоомас хранится в музее, а вместо него на шпиле стоит другой — точная копия, отлитая из меди. Только на его флаге написан иной год: тысяча девятьсот пятьдесят второй. Таллинцы очень любят своего легендарного героя и называют его по-прежнему Ванжа Тоомас — Старый Тоомас.

Б. РЖЕВСКИЙ

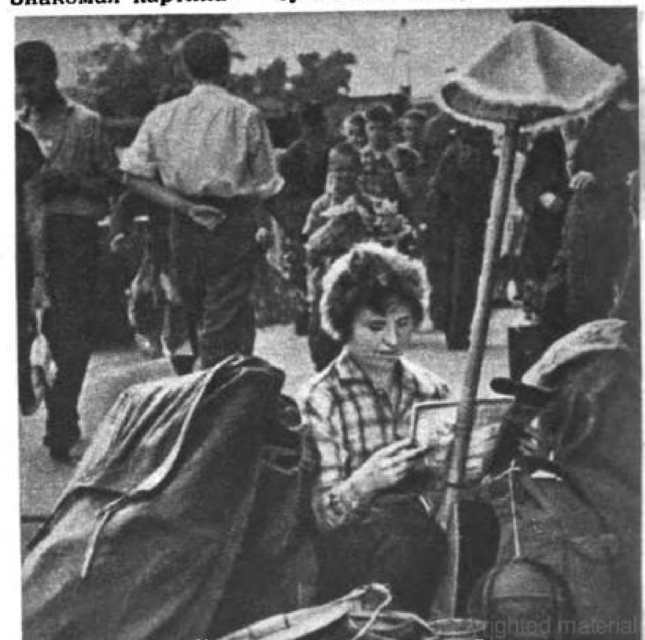

НОЧИ ПОД З

Е. ВЕДЕРНИКОВ, А. БОЧИНИН

В летний солнечный день на городских улицах душно, и порой трудно представить себе, что требуется всего двадцать — тридцать минут езды на прозаической электричке, чтобы перенестись совсем в иной мир. Но все больше и больше людей, узнав об этой простой истине, с нетерпением

Знакомая картина — субботний табор на вокзале

Идут туристы по подмосковной земле.

ВЕЗДАМИ И ПЕЧЕНАЯ КАРТОШКА

ждут конца недели. Каждую субботу вокзалы столицы захлестывают загорелые толпы туристов.

Мы познакомились на Савеловском вокзале с туристами одного из московских научно-исследовательских институтов. Их было двенадцать человек — молодые инженеры, техники, рабочие.

Мы попросились в туристскую семью, и наши новые друзья раздумывали недолго. Где двенадцать, там еще двое не в тягость. Вот и станция «Водники». Пересаживаемся на моторные лодки и направляемся к традиционному месту ночлега, в уютный заливчик с романтическим названием «Бухта радости».

На высоком берегу мы поставили палатки, разожгли костер, и наша туристская жизнь началась.

А к вечеру у нашего бивуака раскинулся уже целый палаточный городок. По трапам рейсовых катеров и теплоходов сходили на берег все новые группы молодежи. Когда стемнело, берег заискрился уютными огоньками туристских костров.

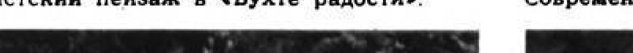
Брызнул дождик, но он не смог испортить нашего настроения. Далеко разносятся песни.

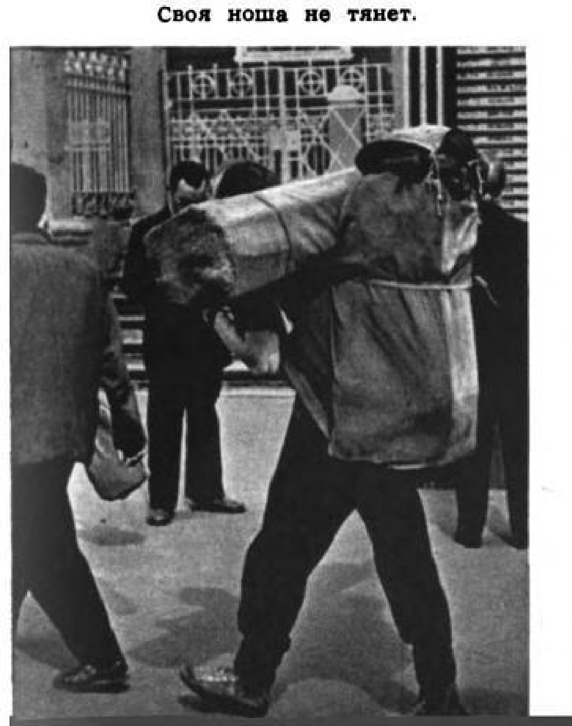
Мы сидим у костра: Александр Травкин, его жена Стелла, Нина Миссаутова, Николай Мягков, Лия Васильковская. Рассказам нет конца. Легко дышится в «Бухте радости», и никто не хочет отправляться по палаткам. Но пора! Ведь завтра в поход...

И вот теперь перед нами лежат снимки. Пусть они расскажут о том, как мы провели воскресный день.

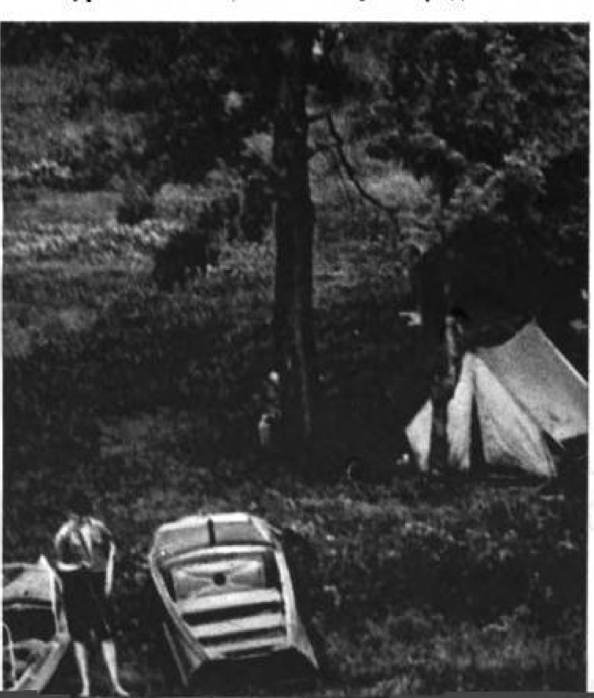

Всякое путешествие, даже ближнее, начинается с карты.

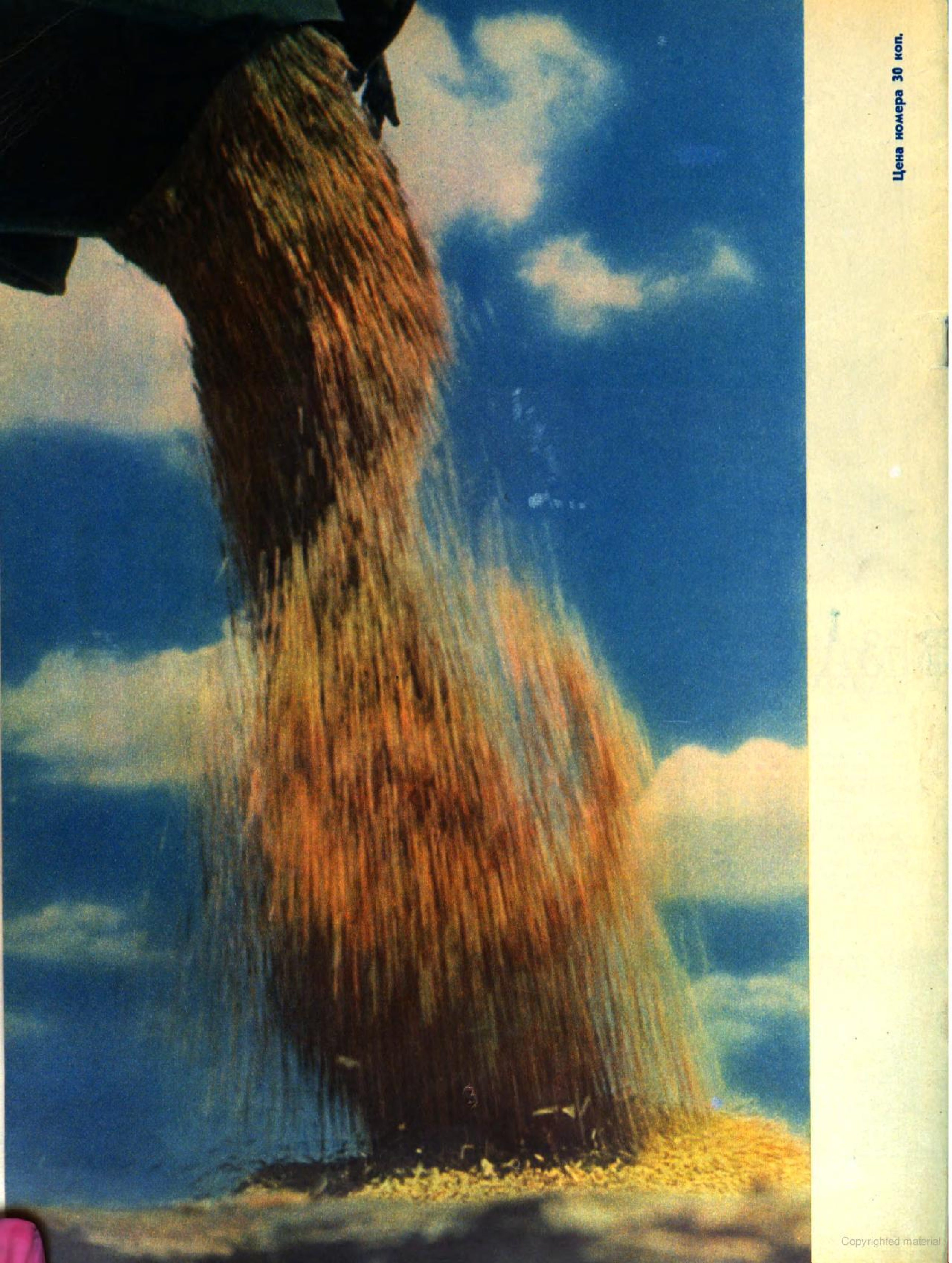
Своя ноша не тянет.

Туристский пейзаж в «Бухте радости».

Современный Прометей.

Цена номера 30 коп.